Эд Макбейн
Последний уик-энд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он сидел на левом борту корабля рядом с радиолокационной рубкой и лестницей, ведущей на мостик. На нем была повседневная синяя форма, как и приказал Старик. Она не нравилась ему из-за коротких рукавов без манжет. Ему казалось, что парадная форма больше подошла бы для Дня Военно-Морского Флота. Он не сводил глаз с офицеров, потому что знал: если кто-нибудь увидит его без дела, когда корабль кишит посетителями, ему крепко достанется. Но он не хотел пропустить ее, когда она будет подниматься на борт. Занятый им пункт наблюдения, как раз пониже мостика, позволял ему видеть всех, кто появлялся на пристани.

У причала стояло еще два судна, и сейчас он их внимательно рассматривал. Одно было линкором — он покачивался на воде, как большой серый отель. Второе было подводной лодкой, и она-то больше всего интересовала посетителей, что казалось естественным. Хотя нужно было признать, что его собственный корабль, эсминец, тоже выглядел привлекательно. Все орудия ради ожидающихся гостей были расчехлены, вдоль сходен, застыв, стояли часовые с винтовками.

Может быть, она и не придет, подумал он. От этой мысли ему стало не по себе. Он соскочил с ящика с боеприпасами и начал расхаживать по палубе. Корабль тихо покачивался на воде. Он увидел, что к левому борту приближается мистер Хаверфорд, неотразимый в своей хорошо сшитой форме и сверкающей оплеткой фуражке. Он быстро нырнул в коридор, переждал там несколько секунд и затем снова появился около орудия. Хаверфорда теперь не было видно.

Он оглядел пристань. Увидел группу женщин в синей форме, и его сердце забилось быстрее. Он перегнулся через поручни, пытаясь получше рассмотреть, есть ли среди них она.

— Справа от вас находится Центр оперативной информации, — произнес голос позади него. — Я бы очень хотел вам его показать, но боюсь, что это запрещено по соображениям секретности.

Он быстро развернулся и увидел группу посетителей, которую вел Карлуччи. Немолодая ясноглазая женщина поинтересовалась:

— Это то место, где находится радар?

— Да, мадам.

— А нельзя ли нам только…

— Сожалею, мадам, — вежливо ответил Карлуччи. — Правило. Трап перед вами ведет на мостик. Давайте поднимемся, и я покажу вам настоящий мозг корабля.

Женщины запротестовали, а затем экскурсия прошла мимо него, и металлический трап загремел под их ногами.

Он снова подошел к поручням и увидел другую группу быстро приближающихся женщин в форме. Он был уверен, что она среди них. Смотрел на них до тех пор, пока не нашел ее. Она шла в хвосте группы своей легкой походкой, чуть покачивая бедрами. Он любовался ее силуэтом, освещенным солнцем. Ее фигуру не могла скрыть даже форменная одежда. У него перехватило дух, и он заметил, что улыбается. Она посмотрела на корабль, и он чуть было не помахал ей, но опомнился.

Стараясь не попасться на глаза дежурному офицеру, он торопливо спустился на нижнюю палубу. Когда она ступила на сходни, он уже был там. Увидел, как она подняла руку в приветствии, и подумал, что женщины-военнослужащие выглядят нелепо. Но отбросил эту мысль. Она была не просто военнослужащая — она была Клер…

Она ступила на палубу, отсалютовала кормовому флагу, развевающемуся на флагштоке, а затем отдала честь дежурному офицеру. Тот отдал ей честь в ответ, и она улыбнулась.

Рассеянно посмотрела вокруг, и он знал, что она искала его. От этой мысли ему стало приятно. Он подождал, пока вся группа поднимется на борт, и увидел, как дежурный офицер назначил женщинам сопровождающего. Клер приотстала и, когда они проходили по среднему коридору, оглянулась через плечо. Она посмотрела прямо на него, но не подала виду, что узнала.

Умная девушка, подумал он.

Он снова поднялся на верхнюю палубу и увидел, что они все еще не вышли из коридора. Он догадался, что их первой остановкой будет корабельный лазарет. Это логично, ведь они медсестры. Он перебежал на левый борт и начал спускаться на нижнюю палубу. Остановился у трапа, ведущего в кают-компанию. Подождал там, пока они не появились в противоположном конце коридора. Сопровождающий показывал им корабельный лазарет, они оценивающе кивали, тихо переговариваясь между собой. Клер стояла позади всех, ему было плохо ее видно. Он услышал, как сопровождающий что-то сказал, и вся группа пошла по коридору по направлению к нему. Он спустился на одну ступеньку, затем еще на одну, чтобы его не могли увидеть.

Группа прошла мимо него и стала подниматься по трапу на мостик. С того места, где он стоял, ему была видна путаница стройных ног и белых нижних юбок.

— Клер!

Она стремительно обернулась, увидела, что он стоит на лестнице ниже ее, и остановилась, пока другие сестры про должали подниматься на мостик. Он быстро поднялся по ступенькам, подождал, пока остальные скроются из виду, и улыбаясь произнес:

— Привет, Клер!

— Привет! — отозвалась она.

Он подумал, что голос ее прозвучал холодно, но приписал это обстановке. Пилотка небрежно сидела на ее черных кудрях. Волосы обрамляли лицо, на щеках играл легкий румянец. Ему хотелось притянуть ее к себе и сжать в объятьях, но его останавливала офицерская эмблема на ее пилотке и сверкающие серебряные погоны на плечах.

— Сюда, — сказал он.

Провел ее по трапу и остановился в коридоре рядом с каютой командира.

— Это радиолокационная рубка. Посторонним вход воспрещен.

— Ты думаешь…

— Все в порядке, Клер. — Он залез в карман куртки и достал ключ.

Вставив его в замок, он еще раз окинул взглядом коридор. Быстро повернул ключ и распахнул дверь. Схватил ее за руку, затащил в рубку и запер дверь.

В помещении было темно. Радар не работал, и единственный свет шел от приборной панели.

Он повернулся к ней и, обняв за плечи, привлек к себе.

— Я думал, ты не придешь.

Она мягко отстранилась, но он почувствовал, как напряглись ее плечи, и пожалел, что в рубке слишком темно и нельзя разглядеть ее лица.

— Я не собиралась.

Ее голос был странным и чужим.

Он увидел, как она залезла в сумочку, затем вспыхнула спичка, и на секунду, пока она прикуривала сигарету, осветились тонкие черты ее лица. Спичка потухла, и опять наступил полумрак.

— Почему… почему не собиралась? — Его рука потянулась к карману куртки. Он вытащил из пачки сигарету, закурил и нервно выдохнул струю дыма. — Почему не собиралась, Клер?

— Я думала.

— О чем, Клер?

— О нас.

Она секунду помолчала, затягиваясь сигаретой, и тусклый красный огонек осветил ее рот и кончик носа.

— И что ты о нас думала? — тихо спросил он.

— Мы не должны больше встречаться.

— Почему? — спросил он с вызовом.

— Не ори. Ты хочешь, чтобы нас весь корабль услышал?

— Извини, — угрюмо пробормотал он.

— Послушай, давай рассуждать разумно. Тебя отправили на базу в госпиталь, и ты встретил там медсестру. Все замечательно, просто превосходно. Я не знаю, почему я согласилась встретиться с тобой после того, как тебя выписали. Но что было, то было. Теперь давай все забудем. Будем считать, что все было прекрасно.

— Забудем?..

— Дай мне договорить, пожалуйста. Мне и так тяжело.

— Ты говоришь так, будто что-то изменилось. Ради бога, Клер, мы встречаемся уже почти месяц. Эти уик-энды в Уилмингтоне… Разве ты…

— Давай забудем об уик-эндах в Уилмингтоне. Этого не нужно было делать.

— Не нужно было делать?..

— Я тебе сказала: не ори.

Он стал нервничать.

Его руки задрожали, и он почувствовал, что теряет самообладание. Такое же ощущение, как тогда, когда Старик отчитывал его на мостике.

Он выплюнул окурок и быстро наступил на него.

— Ты слушаешь? — спросила она.

— Да, продолжай.

— Я хочу тебе сказать, что мне надоело прятаться, делать все тайком. Ты так же хорошо знаешь правила, как и я.

— Правила! Какое отношение они имеют к двум людям, которые…

— Имеют. Очень даже имеют, потому что медицина — мое призвание, и я не хочу, чтобы меня выгнали со службы из-за того, что я связалась с рядовым.[1] — Она со злостью выплюнула эти слова, и они повисли в тишине рубки, роняя капли яда.

— Вот, значит, как.

— Да, так.

— Послушай, Клер…

— Между нами все кончено. Пожалуйста, не пытайся…

— Клер, у меня скоро снова будет увольнительная. Мы могли бы снова поехать в Уилмингтон. Туда же, Клер… Клер, там никто даже не подозревал, что мы в армии. Мы могли бы снова надеть штатское и…

— Нет.

— Клер, ты не можешь вот так выкинуть это за борт.

— Почему, черт возьми, не могу? Вы все одинаковые. Назначаете девушке свидание пару раз и сразу же думаете, что она ваша.

— Пару раз? — Он подался к ней. — Клер…

---

[1] Действие повести происходит в 50-х годах. Ряд отображенных автором деталей взаимоотношений рядовых и офицеров для сегодняшней американской армии и флота не характерны. (Примеч.ред.)

— Отстань от меня. Неужели ты не можешь понять, что это ни к чему? Неужели ты не видишь этого?

Он со злостью схватил ее за плечи и дернул к себе.

— Нет! — сказал он сквозь сжатые зубы. — Нет, я не понимаю. Я совсем этого не понимаю. Клер, крошка…

— Ради бога! — Она вырвалась и потянулась к дверной ручке.

Он сжал ее запястье.

— Пусти меня!

— Нет.

— Послушай, ты что, хочешь, чтобы я начала кричать? Ты знаешь, что будет, если я позову на помощь и заявлю, что ты хотел меня изнасиловать?

Он со злостью размахнулся, уже не соображая, что делает. Его ладонь припечаталась к ее лицу, и его словно ошпарило.

Она отпрянула и медленно поднесла руку к щеке.

— Ты грязный, мерзкий ублюдок! Я, должно быть, выжила из ума…

— Я… Прости, Клер. Я…

— Убирайся с дороги! Открой дверь, или ты будешь камни дробить в Портсмуте.

— Клер, ты просто не в духе. Ты…

— Ты хочешь, чтобы я закричала?!

— Клер…

— Ну, хорошо. Я тебя предупредила…

Она открыла рот, чтобы закричать, и его охватила паника. Он выбросил вперед руку и зажал ей рот, чувствуя, как ладонь размазывает губную помаду. Она стала вырываться, пытаясь укусить его руку. Высвободившись на секунду, снова открыла рот, но закричать не успела: он схватил ее за горло. Минуту они боролись в тесной рубке, натыкаясь на приборы, потом, запнувшись, ударившись о стол, повалились на пол. Что-то с грохотом упало. И он подумал: что будет, если я отпущу ее сейчас? От этой мысли ему стало так страшно, что пальцы, словно сами собой, с удвоенной силой сдавили ей горло. Время будто остановилось… Она содрогнулась, он почувствовал эту дрожь, разжал пальцы. И в тусклом свете приборной доски увидел, что все кончено. Ее зажженная сигарета откатилась к столу, он быстро наступил на нее, раздавив каблуком. Юбка задралась на бедрах, и он увидел ровную полоску чулок и тугую резинку, врезавшуюся в тело. "Боже, что я наделал, — мелькнуло в его мозгу. — Но я же не хотел…"

Он вспотел. Смахнул капли пота с верхней губы, в последний раз огляделся, пролез под планшетом и оказался у двери, которая вела в гидроакустическую рубку. Он прислушался и, ничего не услышав, быстро открыл дверь. Если выйти через гидроакустическую рубку, можно обогнуть трап, ведущий на мостик. Экскурсантам не будут показывать гидролокатор. Можно проскочить через рубку и выбраться на главную палубу. Там он смешается с остальными и сможет выкинуть ключи за борт.

Он быстро захлопнул за собой дверь.

Чак Мастерс сидел на койке. На нем была футболка и серые брюки.

Он посмотрел на старшего помощника командира и сказал:

— Майк, мне бы хотелось, чтобы меня отпустили с корабля. Честное слово, мне бы этого хотелось.

Майк Рейнольдс покачал головой.

— Нельзя, Чак. У меня не хватает лейтенантов.

— Ты можешь это сделать, если захочешь, — раздраженно заметил Мастерс.

— Поверь, не могу. Старику нужна комиссия по расследованию. Черт возьми, ты знаешь, сколько людей втянуто в эту кашу?

— Сколько? — спросил Мастерс.

— Полно. Сначала мы сообщили командиру эскадры при помощи светосигнального

аппарата, затем отправили официальное сообщение. Затем нам пришлось проинформировать командование Пятого округа и старшего на рейде. Они прислали следователя и офицера контрразведки.

— Эти два идиота, которые совали пальцы в мой радар?

— Да. Они, однако, не в счет. ФБР на подходе.

— ФБР? — Чак тихонько присвистнул. — Они-то зачем?

— Ну, во-первых, когда убили медсестру, на борту были гражданские. И во-вторых, потому что корабль — федеральная собственность. Если начнется расследование, дело сразу же попадет к прокурору окружного суда.

— Послушай, у нас уже и так полно народу. Эти два идиота, теперь еще и ФБР? Какого черта нам нужна своя собственная комиссия по расследованию?

Рейнольдс покачал головой.

— Ты что, флота не знаешь? У Старика три нашивки, а ему хочется четыре. И если он сможет разобраться в этом деле сам, все будет замечательно. Тебе не кажется, что эта мертвая медсестра в радиолокационной рубке поможет ему получить четвертую нашивку?

— У меня за него сердце кровью обливается.

— Пусть оно обливается за меня, Чак, — быстро проговорил Рейнольдс. — Нам нужна эта комиссия. Старик назначил пять человек и секретаря. Ему нужен старший, им буду я. А мне нужно еще четыре человека: три лейтенанта и младший офицер да плюс один писарь, протоколы вести.

— Ну и что?

— У меня сейчас два лейтенанта — Карлуччи и Дэвис, и я записал младшего лейтенанта Лепажа.

— Этого идиота?

— Но мне же нужен младший офицер. Я включил в список писаря — как там, черт возьми, его зовут?

— Шефер.

— И мне нужен еще один лейтенант.

— А почему ты выбрал меня?

— А ты можешь кого-то другого предложить? Это же не линкор, Чак. Это консервная банка.

— Ну, а если Эд?

— Он в отпуске. Послушай, Чак, я весь список просмотрел. Придется тебе.

— Это что, приказ?

— Если ты так этого хочешь, да, это приказ. Оторви свою задницу и надень рубашку. У нас совещание в офицерской кают-компании через десять минут. Старик хочет, чтобы мы начали до того, как появятся фебеэровцы.

— За своими следить, — с отвращением сказал Мастерс.

— Какого черта ты переживаешь? Возможно, ФБР разберется в этом быстрее, чем мы успеем открыть рот.

— И все же я хочу, чтобы ты меня от этого избавил. У меня и так дел хватает.

— Каких это?

— Девицу нашли у меня в радиолокационной рубке. А я командир части связи.

— Не накручивай, — проскрипел Рейнольдс. — Все и так хреново.

Мастерс думал об этом деле, когда спускался на берег, чтобы посетить общежитие медсестер. Если уж уважаемый командир боевой части связи начинает играть в сыщика, то все действительно очень хреново. Он тяжело вздохнул и стал подниматься по невысоким пологим ступенькам.

Он вошел в длинный широкий холл, уставленный легкими стульями и кушетками. Несколько женщин читали, одна стояла около пианино в дальнем конце холла. Он быстро подошел к справочному окну. Молоденькая девушка из добровольной женской организации

ВМС, сидевшая за стойкой, взглянула на него и улыбнулась.

— Чем могу помочь, сэр?

— Я ищу мисс Дворак. Она ждет меня. Я член комиссии по расследованию убийства на "Сайксе".

— О! — сказала девушка. — Вы по поводу мисс Коул?

— Да.

Она взглянула себе за спину на большую доску, на которой в строгом боевом порядке висели белые кружочки. На каждом был номер, она быстро сверилась с ними и сказала:

— Я думаю, мисс Дворак здесь, сэр. Может быть, вы присядете?

— Спасибо, — сказал он.

Он коснулся края фуражки и неловко прошел к одному из стульев. Сел и вдруг понял, что, когда она войдет, ей негде будет присесть. Он резко встал, чувствуя себя по-дурацки, подошел к одной из кушеток и снова сел. Медсестра, сидевшая наискосок, взглянула на него. Он на секунду остановил взгляд на ее скрещенных ногах и отвернулся. Девушка за стойкой быстро говорила что-то в телефонную трубку. Мастерс устроился поудобнее и приготовился ждать.

Она вышла из двери в конце холла. Шла быстрой походкой, ее накрахмаленная белая юбка колыхалась вокруг стройных ног. Она была блондинкой, шапочка аккуратно сидела на голове, золотая полоска на ней сверкала солнечными бликами. Он встал ей навстречу, и она прямо подошла к нему.

— Мисс Дворак?

— Да, сэр. Старший лейтенант Мастерс?

Он кивнул и сказал:

— Присядете? Я, надеюсь, вас ни от чего не оторвал?

— Нет, сэр. Извините, пожалуйста, за форму. Я только что с дежурства.

— Все нормально, — сказал он, переняв ее немного чопорный, формальный тон. — Я хотел задать вам несколько вопросов о Клер Коул. Вы жили с ней в одной комнате, не так ли?

— Да, сэр.

— Она была лейтенантом?

— Да, сэр.

— Сколько времени вы жили в одной комнате?

— С тех пор, как я была назначена в этот госпиталь, сэр. Шесть месяцев.

— Понятно. — Он почувствовал себя неловко, а скованность девушки ничуть не помогала рассеять эту неловкость. Почему, черт возьми, она не расслабится? — Вы были с ней в День Военно-Морского Флота, когда она была на борту "Сайкса", я имею в виду.

— Да, сэр, была.

— Вы можете рассказать мне, что произошло?

— Я могу рассказать вам только о том, что происходило, пока она была с нами. Я ничего не знаю о том, как… как ее убили.

— Я понимаю.

— Мы поднялись на "Сайкс" около трех… в пятнадцать ноль-ноль, сэр. Клер поднялась первая, подождала на корме остальных. Мы были группой, понимаете?

— Понимаю.

— Дежурный офицер назначил нам сопровождающего, молодого помощника артиллериста, я так думаю. Он отвел нас в лазарет, а затем мы пошли за ним наверх, он хотел показать нам мостик. Вот тогда-то Клер и исчезла.

— Вы заметили ее отсутствие в это время?

— Нет, сэр.

— Давайте без этого "сэр", а?

— Да, сэ…

Она спохватилась и улыбнулась, и он поразился перемене в ее лице, освещенном улыбкой. Она казалась почти хорошенькой, и он почувствовал, что любуется ею. Но тут же вспомнил, что ему полагалось задавать ей вопросы.

— Когда вы заметили, что ее нет?

— Когда мы были на мостике, сэ… Когда мы были на мостике. Я оглянулась вокруг, Клер не было.

— Что вы сделали потом?

— Я подошла к трапу и посмотрела вниз. Я позвала ее по имени. Ответа не было. Я решила, что она ушла вперед. Клер могла о себе позаботиться.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, она вела себя независимо.

— С мужчинами, вы имеете в виду?

Девушка вспыхнула, и Мастерс был так удивлен, что чуть не рассмеялся.

— Да, сэр, с мужчинами.

— У нее было много приятелей?

— Да, сэр, думаю, что много.

— Среди них был кто-нибудь с "Сайкса”?

— Что, сэр?

— Меня зовут Чак. Может, так будет проще.

— Извините.

— Поверьте, мне это нравится ничуть не больше, чем вам. Давайте не будем так церемониться. Может, это приведет нас к чему-нибудь.

— Хорошо, — сказала она, а затем запоздало добавила: — Чак.

— Так-то лучше. У Клер были приятели с "Сайкса"?

— Я правда не знаю.

— Она когда-нибудь упоминала, с кем встречается?

— Не часто.

— Но иногда?

— Иногда да. Но она никогда не упоминала кого-нибудь с "Сайкса".

— Это было ее предложение, посетить "Сайкс" в праздник?

— Я не помню.

— Подумайте.

— Я не знаю. Это как-то само собой вышло. Я не думаю, что кто-то из нас предложил это конкретно.

— Но кто-то же должен был предложить, — сказал он, раздраженный ее ответом.

— Вы хотите, чтобы я сказала, что она сделала это? — спросила девушка. — Это вам поможет?

— Извините. Боюсь, мне не очень хорошо удается роль полицейского. — Он сделал паузу. — Как вас зовут?

— Джейн.

Он улыбнулся.

— Приятно познакомиться.

Казалось, она не знает, что на это ответить.

Улыбнулась и принялась изучать свои руки, лежащие на коленях.

Он глубоко вздохнул.

— Было что-нибудь необычное, что может пролить свет на это? Что-нибудь, что она сказала или сделала?

— Я не знаю, что важно, а что нет.

Мастерс улыбнулся.

— Со мной та же самая беда. Может быть… Были мужчины, с которыми она постоянно встречалась?

— Я сказала вам, я не знаю. Только…

— Только что?

— Ну, — сказала она и затем замолчала. — Мне не хочется говорить о Клер. Я странно себя чувствую. Она умерла и…

— О чем вы начали говорить?

— Примерно две недели назад у нее был выходной, и она в страшном секрете держала, куда собиралась поехать. Все девчонки подкалывали ее, но она отшучивалась и так и не сказала, куда едет.

— Что они ей говорили?

— Знаете, как это бывает. "Будь осторожна, Клер", ну и все такое.

— А что она говорила?

Джейн снова покраснела, и Мастерс подождал.

— Она сказала… Ну, я, правда…

— Что она сказала?

— Она сказала: "Если вы собираетесь сделать это, то делайте это с матросом".

— Клер сказала это?

— Да.

— Понятно. Тогда, вы думаете, она провела выходные с матросом?

— Да, я полагаю, что да. Может быть.

— Вы узнали, куда она ездила?

— Да.

— Да? — он почувствовал воодушевление. — Куда?

— В Уилмингтон.

— Откуда вы знаете?

— Я видела билет до Уилмингтона, штат Делавэр. Когда она перекладывала вещи из сумочки. Билет был на туалетном столике.

— Один билет?

— Да, один.

— Понятно.

— Это важно?

— Вполне может оказаться. Когда это было? Вы сказали, две недели назад?

— Да.

— Я думаю, нетрудно будет узнать, у кого из наших людей была увольнительная две недели назад, — он резко встал и протянул руку. — Большое спасибо, Джейн. Было очень приятно познакомиться с вами.

Она тоже встала. Пожатие ее теплой руки было твердым.

— Надеюсь, я была вам полезной, — с улыбкой сказала она, и он снова поразился тому, как она преобразилась.

— Послушайте, я знаю, это немного неожиданно, но… Я чувствую себя неловко из-за того, что заставил вас отвечать на мои вопросы. Я бы хотел как-то компенсировать это. Как вы думаете, мы могли бы поужинать вместе?

— Я не знаю. Я…

— Может, сходим в кино? Как насчет этого? Кино, а потом выпьем чего-нибудь. Вы ведь только что с дежурства, так что вечером свободны? Что вы на это скажете?

Она несколько секунд в упор смотрела на него. Наконец произнесла:

— Нет, сэр. Я не могу. Но все равно спасибо.

Улыбка сошла с его лица.

— Вам спасибо, — сказал он и снова почувствовал себя неловко. Потеребил фуражку. — Спасибо, — произнес он еще раз, развернулся на каблуках и прошел мимо справочной и вниз по ступенькам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Фредерик Нортон и Мэтью Диксон сошли с самолета, приземлившегося на военно-воздушной базе в Норфолке, в радиусе трех миль, вероятно, не нашлось бы человека, который бы не знал, что они агенты ФБР.

Их внешний вид нисколько не выдавал это. Они походили на кого угодно, только не на агентов Федерального бюро расследований. Они не носили свободных плащей или низко надвинутых на глаза широкополых шляп. Их револьверы не выпячивались из-под пиджаков. Они не двигались кошачьей поступью и ни за кем украдкой не следили.

Фредерик Нортон представлял из себя дородного сорокапятилетнего мужчину в сером костюме в елочку и аккуратной серой фетровой шляпе. Его белоснежная рубашка была плотно заколота у воротничка изящной золотой булавкой. Он носил узкий голубой галстук с элегантной золотистой вышивкой. И походил на усталого бизнесмена, чей самолет сделал вынужденную посадку в Норфолке вместо Палм-Бич, куда он направлялся. Его толстые щеки и холодные глаза усиливали сходство.

Мэтью Диксон на вид мог быть секретарем Нортона. Он был в помятом коричневом твидовом костюме без шляпы. Волосы он носил коротко остриженными по моде, к которой пристрастился в колледже и на юридическом факультете. У него были светло-голубые глаза и нос, придающий ему легкое сходство с мопсом. Он приближался к тридцати, но мог сойти за первокурсника и часто сходил.

Двое мужчин сошли с самолета и сели в ожидающий их джип.

В джипе сидели водитель и старший лейтенант. Офицер поздоровался за руку с агентами, отдал короткий приказ водителю и откинулся на сиденье. Джип пересек поле и направился к военно-морской базе.

— Вы раньше бывали в Норфолке? — спросил Нортона старший лейтенант.

— Нет.

— Славный городок, — офицер попытался завязать разговор. — Он вам понравится.

— Да? — спросил Нортон.

— Я думаю, что да.

— Я рад. — Нортон опустил руку во внутренний карман пиджака и достал кожаный портсигар. Он осторожно вынул и развернул одну сигару. Из кармана жилетки извлек маленькие серебряные ножницы, которыми ловко отстриг кончик сигары. Он не предложил сигару Диксону, потому что знал, что тот не курит. Он не предложил сигару старшему лейтенанту, потому что знал, что их взаимоотношения закончатся, как только они достигнут корабля. Ему совершенно не хотелось тратить хорошую сигару на человека, которого он больше никогда не увидит. Он закурил и расслабился, глядя в окно. Джип тем временем проезжал по чистым, опрятным улицам городка.

— Да, — сказал старший лейтенант. — Я думаю, вы получите удовольствие от вашего пребывания здесь.

Нортон затянулся сигарой и ничего не ответил.

— В городе есть что делать? — спросил Диксон. Его голос в противоположность мальчишеской внешности был глубоким и звучным.

— Всегда найдется что делать, если знаешь, где искать, — сказал офицер.

— А вы знаете, где искать? — поинтересовался Нортон.

— Я служу здесь уже три года, — старший лейтенант вежливо улыбнулся.

— Вы заслужили Морской Крест, — заметил Нортон, разглядывая его нашивки.

Лейтенант не знал, что на это ответить. Он на секунду уставился на Нортона, а затем впал в молчание до конца поездки.

"Сайкс" выглядел неплохо: длинные ровные линии, весь ощетинившийся стволами пушек. Случайный человек, который не смог бы отличить крейсер от торпедного катера, подумал бы, что "Сайкс" — боевой сверхмощный линкор.

Но это был не линкор, это был эскадренный миноносец — в самом названии чувствовалась его огромная разрушительная сила.

Джип подъехал к трапу, и офицер на прощание пожал руки Диксону и Нортону.

— Ну, — сказал Диксон, — вот и пароход.

— Корабль, — поправил Нортон. — Если эти слабоумные из ВМС услышат, как ты называешь его пароходом, они тебя под килем протащат. — Он пыхнул сигарой и оценивающе посмотрел на мощный элегантный корабль. Прочистил горло, фыркнул, бросил окурок сигары в воду и начал подниматься по сходням.

Диксон шел сразу за ним. У поручней уже собралась толпа матросов. Нортон не обратил на них никакого внимания. Он шел с опущенной головой, изучая деревянный настил сходней. Он не поднял головы, пока не оказался на шканцах и его глаза не встретились с улыбающимся лицом херувима, которое принадлежало младшему лейтенанту Лепажу.

— Господин Нортон? — Лепаж протянул пухлую веснушчатую руку. — Господин Диксон?

— Да, — коротко сказал Нортон.

— Младший лейтенант Лепаж, дежурный по кораблю.

— Здравствуйте.

— Капитан ждет вас, господа. Я доложу, что вы прибыли.

— Спасибо.

Лепаж поднял трубку переговорного устройства, сказал что-то в микрофон и повернулся к агентам.

— Он примет вас сейчас. Он в кают-компании. — Лепаж щелкнул пальцами старшине-артиллеристу, который стоял около него вытянувшись, ожидая распоряжении. — Отведи этих господ в кают-компанию.

Старшина кивнул и двинулся вперед. Нортон и Диксон последовали за ним, ощущая на себе любопытные взгляды.

Капитан Гленбурн поднялся навстречу вошедшим и протянул загорелую руку.

Это был мужчина лет пятидесяти двух, высокий и худой, с обветренным от долгих лет стояния на мостике, коричневым лицом. Его пожатие было твердым. Нортону никогда не нравились такие мужественные герои с чересчур твердым рукопожатием.

— Рад вашему прибытию, господа, — сказал Гленбурн. — Присаживайтесь.

Нортон и Диксон расположились за длинным столом.

— Кофе? — спросил Гленбурн.

Диксон, похоже, был готов сказать "да", но Нортон ответил "нет" за обоих.

— Хорошо добрались? — спросил Гленбурн.

— Мы прилетели самолетом, — ответил Нортон.

— Самолетом ВМС? Мне надо было…

— Армейским самолетом.

— О-о, — Гленбурн откашлялся. — Я полагаю, нам лучше сразу же приступить к делу. Я думаю, вы все знаете о погибшей медсестре?

— Да, — сказал Нортон.

— Дрянная история. Мало мне было забот, а тут еще труп в радиолокационной рубке, — Гленбурн покачал головой. — Ну, вы, ребята, во всем разберетесь.

— Да, — ответил Нортон.

— Я уже назначил комиссию по расследованию. — Гленбурн улыбнулся. — Мы подумали, неплохо будет самим кое-что выяснить и посмотреть, что…

— Вы запретили всем членам экипажа сходить на берег? — спросил Нортон.

— Нет. А что такое? Мне даже в голову не пришло. Вы полагаете…

— Если один из них убийца, это было бы неплохой мыслью, — сухо проговорил Нортон.

— Да, конечно. Я… я сделаю это. — Капитан подошел к телефону и соединился со шканцами. — Лепаж, найди мне старшего помощника. Отправь его в кают-компанию. И пришли Мастерса. — Он выслушал ответ и положил на место трубку. — Мастерс — командир части связи. Он проводит вас в радиолокационную рубку и покажет, где была

найдена девушка. Я так думаю, вы прямо сейчас хотите начать?

— Да.

— Я велю Майку… Рейнольдсу, моему помощнику, запретить людям сходить на берег. Я рад, что вы здесь, господа. Наша комиссия еще не…

— Капитан, — перебил Нортон, — я надеюсь, эта ваша комиссия не будет путаться у нас под ногами.

— Простите?

— Ваша комиссия по расследованию. Дилетанты, сующие нос в убийство, только все напортят. Вы понимайте, сэр?

— Да, но…

— У вас может быть комиссия, если вы этого хотите. Пожалуйста, поймите меня правильно. Однако я искренне надеюсь, что они ограничат свое расследование…

— Я надеялся, они могут оказаться полезными. В конце концов…

— Ограничат свое расследование, — сказал Нортон, перекрыв голос Гленбурна, — сбором фактов для бортового журнала. Другими словами, мы приветствуем любые свидетельства, но мы не хотим, чтобы их работа пересекалась с нашей.

— Понимаю.

В дверь кают-компании осторожно постучали.

— Войдите, — резко сказал Гленбурн.

Майк Рейнольдс открыл дверь и вошел в каюту.

— Вызывали, капитан?

— Да. Я хочу, чтобы вы обязали всех людей оставаться с этого момента на борту. Отмените все увольнения.

— Есть, сэр.

— Капитан, — сказал Нортон.

— Да?

— Я надеюсь, этот приказ включает также и офицеров?

— Офицеров?

— Я предполагаю, что "люди" на морском языке значит "рядовые"? Я хочу, чтобы офицерам также запретили сходить на берег.

— Но вы, конечно, не думаете…

— Капитан, пока я не разберусь во всех деталях, я не могу с уверенностью сказать, что это не вы убили медсестру.

— Понятно. — Гленбурн попытался выдавить улыбку, что у него не совсем получилось. — Ладно, Майк, запрети всем офицерам и рядовым сходить с корабля. — Он обернулся к Нортону. — Я надеюсь, это не касается моей комиссии по расследованию?

Нортон пожал плечами.

— Хорошо, предоставьте комиссии свободу передвижения.

— Спасибо. Проследи за этим, Майк.

— Есть, сэр. — Рейнольдс подошел к двери и открыл ее в тот момент, когда Мастерс поднял руку для того, чтобы постучать.

— Заходи, Чак, заходи, — заметив Мастерса, сказал Гленбурн.

Мастерс отодвинулся, пропуская Рейнольдса, подмигнул ему и вошел в каюту, закрыв за собой дверь.

— Чак, познакомься. Мистер Нортон и мистер Диксон, сотрудники ФБР, которых мы ожидали. Господа, это старший лейтенант Мастерс, командир части связи. — Гленбурн кашлянул. — Он член комиссии по расследованию.

— Здравствуйте, — Нортон пожал Мастерсу руку.

Мастерс ответил на пожатие и затем поздоровался с Диксоном.

— Я сказал господам, что ты покажешь им радиолокационную рубку, Чак. Если хочешь, можешь сделать это прямо сейчас. Это все.

Старик выглядел обиженным, и Мастерсу стало любопытно, что произошло перед его

приходом.

— Есть, сэр, — сказал он. — Если вы пройдете за мной, господа…

— Да, — сказал Гленбурн, — еще одно. Если хотите, я могу поместить вас на корабле. Я уверен, мои офицеры не возражали бы…

— Мы будем жить в городе, спасибо, — ответил Нортон.

— Понятно, — Гленбурн снова откашлялся. — Удачи вам.

— Спасибо, — сказал Нортон. Он вышел из каюты вслед за Мастерсом и Диксоном.

— По этому трапу наверх, — сказал Мастерс через плечо. Сотрудники ФБР молча следовали за ним. Когда они вышли из коридора, ведущего в кают-компанию, Мастерс сообщил:

— Вот радиолокационная рубка. Мы держим ее на замке со дня убийства.

— Тело унесли?

— Да, но мы очертили мелом контур. Так что вы будете знать, где она лежала. Мы ничего не трогали.

— За исключением дверной ручки, — произнес Нортон.

— Что?

— Вы прямо сейчас обхватили ее, — сказал Нортон. — Сколько еще людей смазали отпечатки, которые могли на ней быть?

Мастерс резко отдернул руку, как будто медная ручка неожиданно раскалилась.

— Извините, я не подумал.

— Дверь заперта на ключ? — спросил Нортон.

— Да, сэр.

— Она заперта со дня убийства?

— Да, сэр.

— Она была заперта, когда вы обнаружили тело?

— Да, сэр.

— Хорошо, откройте дверь. Что там дальше по коридору?

— Радиорубка, сэр, а за ней шлюпочная палуба, через этот люк.

— Хорошо, откройте дверь.

Мастерс отпер дверь ключом и широко распахнул ее. В каюте было совершенно темно.

— Свет был включен, когда вы нашли тело? — спросил Нортон.

— Только на одной приборной доске. Верхний свет был выключен.

— М-м-м, — Нортон осмотрелся. — Где выключатель?

— Слева от вас, сэр.

Нортон выудил носовой платок из грудного кармана, обернул им руку и включил свет. Справа находилась приборная доска, напротив нее стояли столы. По диагонали перед дверью, ведущей в гидроакустическую рубку, был расположен вертикальный планшет. Нортон молча осмотрел помещение.

— Вот здесь вы нашли тело? — спросил Диксон, указывая на очерченный мелом контур на полу.

— Да, сэр.

— Она ведь была задушена?

— Да, сэр.

— Нам надо будет проверить, Фред, — сказал Диксон, — на шее могут быть отпечатки.

— Могут быть, — поморщился Нортон. — Эти сигареты были здесь, когда вы нашли ее?

— Да, сэр.

Нортон наклонился и поднял сигареты, все так же аккуратно обернув руку платком.

— Кто-нибудь их трогал?

— Нет, сэр.

— Где теперь тело девушки?

— Наверное, в госпитале на базе, — сказал Мастерс. — Они держат его для вас, я

думаю. Родители девушки…

— Хорошо, мы посмотрим позже, — сказал Нортон. — Вы можете идти, мистер Мастерс.

Мастерс поколебался, а затем сказал:

— Я беседовал с девушкой, с которой погибшая жила в одной комнате. Она сказала мне…

— Как ее зовут?

— Джейн Дворак.

— Где ее найти?

— Она работает медсестрой здесь на базе. Вы можете…

— Спасибо. Мы позднее навестим ее.

— Она сказала мне…

— Мы навестим ее позднее, — перебил Нортон.

Мастерс сухо кивнул.

— Если я вам понадоблюсь…

— Мы попросим капитана найти вас. Еще раз спасибо за помощь, лейтенант.

Мастерс снова кивнул и вышел.

— Комиссия по расследованию! — кисло сказал Нортон.

Диксон пожал плечами.

— Они могут раскопать что-нибудь, Фред. Никогда нельзя сказать заранее.

— Ты — новичок в этом деле, — сказал Нортон. — Поверь мне, малыш. Они ни черта не найдут. У меня уже есть опыт расследования в таких условиях.

— Вы имеете в виду военный корабль?

— Нет, но что-то похожее. Гарнизон Американского Легиона. Убили артистку. Нам было поручено расследование, потому что девушка была штатская. Ветераны создали так называемый комитет по расследованию. Черт! Я был готов перестрелять их всех, пока вел это дело.

— Ну, эти ребята…

— Эти ребята — непрофессионалы. Возьми, к примеру, дверную ручку. Мы могли бы что-нибудь получить с нее. А сейчас все, что у нас есть — это отпечатки каждого неряхи, который заходил в эту рубку после того, как убили сестру.

— Думаешь, мы узнаем что-нибудь по этим сигаретам?

— Не уверен. Мы отправим их в Вашингтон для настоящей экспертизы. Поработай здесь хорошенько с порошком, может, найдешь какие-нибудь отпечатки.

— Что ты собираешься делать, Фред?

— Я хочу взглянуть на тело. А затем я допрошу эту медсестру. Может быть, она знает что-нибудь.

— Офицер сказал…

— Да, я слышал. Он уже допросил ее. Он, наверное, ее так запутал, что сейчас она может оказаться бесполезной. Почему люди не могут предоставить каждому заниматься своим делом? Представляешь, я бы вошел сюда и начал ковыряться в его радаре?! Он бы рехнулся от злости.

Диксон неожиданно рассмеялся.

— Что такого смешного? — спросил Нортон.

— Капитан. Хорошенько ты его отчитал.

— Пришлось. Посмотри на это так, Мэт: он капитан этого корабля и привык командовать каждым, кто попадется ему под руку. Если бы я не дал ему понять, где его место, он бы решил, что мы еще одна парочка его лакеев. При всех других обстоятельствах он здесь начальник, но, пока идет расследование, распоряжаемся здесь мы. Я хотел, чтобы он понял это с самого начала.

— Ты действительно думаешь, что старик мог убить ее?

Нортон пожал плечами:

— Похоже, он и от молнии спрятался бы. — Он сделал паузу. — Если только она не расстегнута.

Диксон ухмыльнулся.

— Давай иди, принеси, что тебе нужно, — сказал Нортон. — Тебе нужно начать поскорее.

— Пока ты труп разглядываешь.

— Пока я разглядываю труп. Хочешь пойти со мной?

— Нет, спасибо.

— Я так и думал. Им надо было заставить тебя отрастить бороду и отправить в Россию, Мэт. Вот работенка для тебя. Плащ и шпага.

— Как скажешь. — Нортон фыркнул и вышел из рубки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Это всего лишь твое предположение, что это рядовой, — сказал помощник капитана Мастерсу. — Офицерский предрассудок.

— Нет, сэр, нет. Ничего подобного. Это простой расчет. Достойный самого Шерлока Холмса. Я просто теряю время на флоте.

— Ну ладно, Шерлок, выкладывай.

— Сперва я посчитал, что это офицер, потому что я не представлял себе, как рядовой может познакомиться с медсестрой. Они не ходят на одни и те же танцы, не посещают те же самые рестораны. Это должен был быть офицер. Предполагая, конечно, что убийца Клер Коул знал ее.

— А дальше?

— Эта Дворак говорит мне, что Клер ездила с кем-то в Уилмингтон на выходные. Две недели назад. Я проверил список. Трое офицеров отдыхали в те дни.

— Кто именно?

— Карлуччи. Он ездил в Нью-Йорк повидаться с женой.

Хаверфорд. Он ездил в Норфолк, и ты знаешь, что он там делал. Когда он вернулся, от него все еще разило. Я знаю, что он сошел на берег с тридцатью долларами и без смены белья. Он совершенно точно не готовился к уик-энду в Уилмингтоне. Кроме того, я видел его в Норфолке в то воскресенье.

— Кто был третий офицер?

— Ты, Майк.

— Черт меня подери, — сказал Рейнольдс.

— Так что офицеры вне подозрения. Если только не ты ее убил.

— Не валяй дурака, — сказал Рейнольдс, немного обиженный.

— Я не думаю, что ты это сделал, Майк. Я начал выяснять, у кого из рядовых были увольнительные в ту неделю.

— Должно быть, у многих.

— Так оно и оказалось. У всего второго полувзвода.

— Это сильно сужает круг.

— Едва ли. Но есть кое-что еще, однако.

— Что?

— Клер Коул была убита в радиолокационной рубке. В День Военно-Морского Флота рубка была заперта. Это значит, что у убийцы был ключ.

— Мы уже обыскали все шкафы, — сказал Рейнольдс. — Если ты думаешь…

— Я не говорю, что у него все еще есть ключ, Майк. Но он у него был. Без него ему бы в рубку было не попасть. Это точно.

— Хорошо, продолжай.

— Я спросил себя, у кого из рядовых мог быть ключ от радиолокационной рубки?
— На самом деле, у кого?
— У операторов радара, конечно. Это было моей первой мыслью. Ты знаешь эту компанию. Они там вечно варят кофе и черт его знает, что еще, и если ключ есть у одного из них — он есть у всех. Но ключ мог быть еще кое у кого.
— У кого?
— У писарей.
— Не понял?
— В их каюте есть ключи от всех помещений на корабле.
— Ключ от радиолокационной рубки все еще там, — сказал Рейнольдс.
— Да, но это ничего не значит.
— Если тот, кто убил ее, планировал встретиться с ней на борту, он также планировал, куда ее отвести, когда она поднимется на корабль. У него мог быть дубликат ключа, хранившегося в их каюте.
— Хорошо, согласен. Значит, это мог быть либо оператор, либо писарь. У скольких из них были увольнительные на той неделе?
— У шестерых операторов и трех писарей.
— Это действительно сужает круг.
— Значительно. А я сузил его еще больше.
— Как?
— Мне было непонятно, как рядовой мог познакомиться с сестрой и так хорошо узнать ее, что предложил провести вместе уик-энд в Уилмингтоне. Так вот, очень просто.
Рейнольдс тяжело вздохнул.
— Как это?
— Он лежал в госпитале.
Рейнольдс с интересом прищурился.
— Продолжай, Чак.
— Я проверил, Майк. С тех пор как мы стоим на базе, в госпитале побывало тридцать человек. За последние три месяца там лечилось двенадцать человек. И из них одиннадцать пробыли неделю или больше. Из одиннадцати восемь лежали в палате Клер Коул.
— И что?
— Двое из этих восьми — операторы радара. Трое — писари.
— Высокий процент заболеваемости среди этих "белых воротничков". Что еще ты обнаружил?
— Я довел дело до конца, Майк. Из двух операторов у одного было увольнение в те дни, что Клер провела в Уилмингтоне. Из писарей — увольнительные тогда были у двоих.
— Что же мы сейчас имеем?
— Имена. Три имени. У каждого из этих троих была возможность познакомиться и хорошо узнать Клер Коул. У всех троих увольнительная была в то же время, что и у нее. И все трое имели доступ к ключу.
— Кто они?
— Альфред Джоунс, оператор радара третьего класса, Пери Дэниелс, писарь второго класса, и Ричард Шефер, писарь второго класса, — секретарь в твоей комиссии.
Рейнольдс с минуту подумал. Затем сказал:
— Одно только, Чак.
— Что?
— Я думаю, ФБР уже знает все это.
— Пошел ты к черту.

Он выглядит честным, подумал Мастерс. Конечно, он не похож на убийцу.
Он изучал худого парня, стоящего перед столом в кают-компании. Высокого роста, с проницательными голубыми глазами и угловатым лицом. У него были большие руки, и

сейчас он их нервно сжимал.

— Тебя зовут Альфред Джоунс? — спросил Мастерс.

— Да, сэр. Вы знаете меня, сэр. Я работаю на радаре. Оператор третьего класса, сэр. Сэр, фебеэровцы уже допрашивали меня. Я имею в виду, если это насчет…

— Вольно, Джоунс. — Мастерс посмотрел на парня, а затем в другой конец каюты, где Шефер, секретарь комиссии, деловито стенографировал. — Присядь, Джоунс, — он указал рукой на стул.

Джоунс опустился на него. Мастерс заметил, что он сел на самый краешек. Он быстро сунул руку в карман рубашки, вытащил пачку сигарет и протянул ее Джоунсу.

— Закуришь?

Джоунс покачал головой, его глаза сузились.

— Вы пытаетесь выяснить, курю я или нет, сэр?

— Да, пытаюсь, — признался Мастерс, ничем не выдав своего удивления.

— Я догадался. Они нашли два старых окурка в радиолокационной рубке, правда ведь? Одну сигарету курила девушка, а вторую — парень, что ее задушил.

— Ты хорошо информирован, Джоунс.

Джоунс пожал плечами.

— Сплетни, сэр. Я также слышал, что фебеэровцы ничего не нашли, кроме смазанных отпечатков на сигарете того парня. — Он замолчал и улыбнулся. — Я курю, сэр.

— Угощайся, — сказал Мастерс.

— Нет, спасибо.

Мастерс положил пачку обратно в карман.

— Ты знаешь, почему ты здесь, Джоунс?

— Конечно. Я работаю на радаре. Вы считаете, раз радиолокационная рубка была заперта в День Флота, открыть ее мог оператор радара. Я на ход вперед вас, сэр.

— У тебя есть ключ от рубки, Джоунс?

— Был.

— Что ты с ним сделал?

— То же самое, что и все остальные из нашего подразделения в первую минуту, как нашли сестру. Выбросил за борт.

— Почему?

— Простите меня, сэр, но как давно вы на флоте? Я выкинул его, потому что все остальные ребята так сделали. Я не хотел быть единственным, кого поймают с ключом.

— Понятно.

На минуту установилось молчание. Мастерс взглянул на Шефера. Голова писаря склонилась над блокнотом, он яростно работал карандашом.

— Чересчур быстро для тебя, Шефер?

Шефер поднял голову. У него было бледное, ничего не выражающее лицо с большими карими глазами, которые казались влажными.

— Нет, сэр.

Мастерс кивнул и обратился к оператору:

— Ты знал Клер Коул, Джоунс?

— Нет, сэр. Я никогда не видел ее. Ни живой, ни мертвой.

— Где находится Уилмингтон, Джоунс?

— Что?

— Где находится Уилмингтон?

— В Делавэре, я думаю.

— Ты когда-нибудь был там?

— Нет, сэр.

— Когда у тебя было последнее увольнение.

— Пару недель назад.

— Когда именно?

— Я не помню томную дату, сэр. Это было несколько недель назад. Я думаю, две недели назад.
— Где ты был, Джоунс?
— В Ньюпорт-Ньюз.
— Где в Ньюпорт-Ньюз?
— В одной гостинице. Я не помню.
— Ты был с кем-то?
— Некоторое время.
— С кем?
Джоунс улыбнулся.
— Вы задаете нескромные вопросы, сэр.
— Не заносись, Джоунс. С кем ты был?
— С какой-то девицей. Я подобрал ее в баре.
— Как ее зовут?
— Кто знает?
— Когда ты был с ней?
— В субботу вечером.
— Как ты думаешь, ты сможешь найти ее?
— Может быть. А что, это так важно?
— Ты точно не помнишь, как ее зовут, Джоунс?
— Ладно, помню. Агнес.
— Агнес, а дальше?
— Не знаю. Вы хотите знать, какие у нее родинки на…
— Это все, Джоунс.
Джоунс поднялся с мрачным видом.
— Вы не думаете, что я убил эту медсестру? Вы не думаете так?
— Проваливай, Джоунс.
Казалось, Джоунс был в нерешительности. Секунду он поколебался, а затем сказал:
— Я не собираюсь садиться в тюрьму по ложному обвинению, сэр. Вы насобирали всяких слухов, сваливаете все на рядового. А мне отдуваться. Я никогда не видел этой проклятой медсестры, и я…
— Убирайся, Джоунс, — сказал Мастерс, — прежде чем действительно попадешь в беду.
Джоунс вытянулся по стойке смирно, резко козырнул и направился к двери.
Когда он вышел, Мастерс обернулся к Шеферу и спросил:
— Что ты думаешь, приятель?
— О чем, сэр?
— Об этом типе. Он говорил правду?
— Я не знаю, сэр, — медленно ответил Шефер.
— Ты помнишь Клер Коул, Шефер?
— Что?
— Ты ведь лежал в госпитале?
— Да, сэр.
— Ты помнишь, что видел ее там?
— Да, сэр, помню.
— Хорошенькая?
— Да, сэр.
— Мужчина бы запомнил ее, если бы увидел?
— Я… я думаю, да, сэр.
— Почему, ты полагаешь, Джоунс сказал, что никогда не видел ее, живой или мертвой? Он тоже был в палате Клер Коул.
Шефер ничего не ответил.

— Так что ты думаешь, Шефер?
— Может, он напуган, сэр.
— А ты боишься, Шефер?
Шефер долго колебался, прежде чем ответить. В конце концов он проговорил:
— С чего мне бояться, старший лейтенант Мастерс?

Вечером в кают-компании после того, как Старик поднялся к себе в каюту, Рейнольдс и Мастерс пили кофе. Рейнольдс держал дымящуюся белую кружку в дочерна загорелых руках, пар обрамлял его лицо, придавая ему какой-то сатанинский вид.
— Ты похож на черта, — сказал Мастерс.
— Что?
— Ничего. Мысли вслух.
— Ты видел Старика? — неожиданно спросил Рейнольдс.
— Видел.
— Ему сейчас лучше на глаза не попадаться. Он зол не на шутку.
— Ему сейчас туго приходится, — кивнул Мастерс. — Какого черта он не предоставит все ФБР, как положено?
— Положено — то ему положено. Но на него все равно все давят. Убийство на военном корабле! Черт, это как цепная реакция. Семья и друзья погибшей пишут письма и посылают телеграммы своим конгрессменам. Конгрессмены их читают и давят на Главное Управление по личному составу ВМС. Те начинают наезжать на командующего Атлантическим флотом. Командующий накручивает хвост командиру эскадры. Этот мерзавец наваливается на нашего Старика, желая знать, что да как. А Старик срывается на всех остальных. Я не могу его винить. Они ведут себя так, как будто он убил эту проклятую девку.
— А может быть, на самом деле?
— Тебе не идет быть легкомысленным.
— Расслабься, Майк. Мы — то что, черт возьми, должны делать? Мы моряки, а не полицейские.
— Медсестра была убита на этом корабле. Все неприятности свалились на Старика.
— Но и на нас тоже.
— Что там у тебя с Джоунсом?
— Он наглец. Ты знаешь об этом? Как только все закончится, я ему покажу.
— Если только он не убийца.
— Если он убийца, — сказал Мастерс, — ему уже нечего будет показывать.
— Ты говорил с Дэниелсом или Шефером?
— Я поговорю с Дэниелсом утром. Шефера я приберегаю напоследок.
— Почему?
— Во-первых, он знает все вопросы, которые я задаю. Он наш секретарь, ты помнишь?
— А во-вторых?
— Это все. Только во-первых.

Мастерс нашел Пери Дэниелса на следующее утро после уборки в заднем спальном отсеке. Писарь сидел на ящике для обуви, начищая свои ботинки. Из угла рта торчала сигарета, дым клубился над коротко остриженной головой. Мастерс стоял наверху трапа и некоторое время изучал парня. Дэниелс выглядел на двадцать шесть или около того, был узкокостным и жилистым. Он так усердно трудился щеткой над своими ботинками, что под кожей ходили мышцы. Писарь щурился от дыма, и его значки мерно позванивали.
Мастерс откашлялся и начал спускаться. В тесном помещении стоял запах пота, и Мастерс подумал, правильно ли было приходить сюда для разговора с этим человеком. Но сейчас было уже слишком поздно.
— Дэниелс? — спросил он.
Писарь поднял голову. Увидев офицера, он положил щетку, вынул изо рта сигарету и

бросил ее на пол. Он был босиком и поэтому не наступил на нее.

— Да, сэр. — Он сделал движение подняться, но Мастерс остановил его:

— Вольно.

Дэниэлс нагнулся над тлеющей сигаретой и потушил ее каблуком ботинка, надетого на руку.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, Дэниелс.

— Конечно, сэр. — Дэниелс казался совершенно спокойным, но Мастерс подумал, не напускное ли это. Писарь развернул бархотку, засунул ногу в ботинок и начал наводить на него глянец.

— Ты когда-нибудь лежал в госпитале на берегу, Дэниелс?

— Да, сэр.

— Ты помнишь медсестру по имени Клер Коул?

— Да, сэр. Это та, которую убили в радиолокационной рубке.

Мастерс сел на ящик напротив Дэниелса. Дэниэлс плюнул на ботинок и начал придавать ему окончательный блеск.

— Ты был с ней знаком?

— Да, сэр. Разговаривал. Она была очень приятная. Всегда скажет что-нибудь хорошее. Славная девушка. — Дэниелс надел второй ботинок, плюнул на него и начал полировать.

— Ты когда-нибудь пытался назначить ей свидание?

Глаза Дэниелса широко раскрылись.

— Я, сэр?

— Да, ты. А почему бы и нет?

— Она же была лейтенантом. Вы знаете, что я имею в виду.

— Что я знаю?

— Ну, сэр, неуставные отношения с вышестоящим по званию. Это запрещено.

В голосе Дэниелса чувствовалась смесь почтительности и благоговения перед начальством. И Мастерс подумал, не наигранна ли эта наивная невинность. Динамик на перегородке внезапно захрипел. Раздался свисток боцмана, и сиплый голос объявил:

— Внимание! Личному составу начать проветривать матрасы! Личному составу начать проветривать матрасы!

Мастерс выругался про себя. Это означало, что сейчас в отсеке начнется суета. Дэниелс встал, снял ботинки и полез в ящик за парой форменных черных носков. Он быстро натянул носки, зашнуровал ботинки, убрал щетку и крем обратно в ящик.

— Обожди с матрасом, — сказал ему Мастерс. — Пойдем наверх, пока остальные будут тут толпиться.

— Я хочу занять место, сэр. Если я не возьму свой матрас прямо сейчас…

— Я найду тебе место, Дэниелс. Пойдем.

— Ладно, сэр, — с сомнением согласился Дэниелс.

Они поднялись по трапу. Мастерс подошел к спаренной пятидюймовой установке рядом с антенной. Он облокотился о ствол и посмотрел на воду. Дэниелс стоял у него за спиной, бесшумно дыша.

— Ты женат, Дэниелс?

Дэниелс секунду колебался.

— Простите, сэр?

— Ты женат?

— Нет, сэр, я не женат.

— А девушка есть?

— Нет, сэр, — быстро ответил писарь.

— А что ты думаешь об этой Коул?

— Простите, сэр?

— Брось, Дэниелс. Как мужчина мужчине, что ты о ней думаешь?

— Ну, сэр, я действительно…

— Забудь о моих погонах, Дэниелс. Что ты думаешь о Клер Коул?

Дэниелс ухмыльнулся.

— Ну, я не стал бы выгонять ее из своей постели.

— Куда ты ездил на выходные, Дэниелс?

— В Норфолк.

— Почему именно в этот захудалый городишко?

— Денег нет, сэр.

— Кого-нибудь там встретил?

— По-моему, несколько знакомых ребят. Я точно не помню.

— Ты был один?

— Да, сэр. — Дэниелс помолчал. — Я люблю развлекаться в одиночку. Когда несколько морских волков собираются вместе, это уже чересчур.

— А кого именно ты видел в городе?

— Я не помню, сэр.

— А ты не ездил в Уилмингтон?

— Как, сэр?

— Уилмингтон. Ты не ездил туда на уик-энд?

— А где это, сэр?

На палубе, ругаясь, смеясь и обмениваясь солеными шутками, появились моряки с матрасами. Мастерс смотрел, как они раскладывали их на поручни, ящики с боеприпасами, повсюду. Дэниелс нерешительно пошевелился.

— Я думаю, ты можешь идти, Дэниелс.

— Спасибо, сэр. Я просто хочу найти место для своего матраса.

— Если не сможешь, подойди ко мне. Я тебе найду местечко.

— Есть, сэр. Спасибо, сэр.

— Кстати, Дэниелс. Это Делавэр.

Дэниелс моргнул.

— Что Делавэр, сэр?

— Неважно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Городишко был славным, тихим и спокойным. Маленький городок, который каким-то образом умудрялся не походить на все остальные маленькие городки. Для города это было хорошее время года, середина осени. Когда листья бесцельно шуршат под ногами, а зима еще не опустошила улицы.

— Замечательно, — сказал Диксон. Он шел быстрой пружинящей походкой, приспосабливаясь к шагу Нортона. Погода была необычно мягкой, и Диксону казалось, что он снова в колледже. Он поймал себя на том, что рассматривает юбки и ноги проходящих девушек. Право же, это было гораздо лучше, чем посыпать порошком отпечатки в душной радиолокационной рубке. — Удивительно хорошо, — повторил Диксон.

— Здесь только одно хорошо.

— Что? — спросил Диксон.

— Недалеко от Вашингтона. Не так дорого звонить жене.

— А почему ты пошел в ФБР? — неожиданно спросил Диксон.

— Я люблю опасную жизнь.

— Нет, серьезно.

— Защищенность, зарплата, какого черта я знаю.

— А я знаю, почему я пришел в ФБР.

— И почему же? — без интереса спросил Нортон.

— Из-за таких дней, как сегодня. Я имею в виду, из-за того, что мы сейчас делаем. Я

нахожу это очень увлекательным.

— Это потому, что ты все еще не протрезвел. Немного поработаешь и будешь ненавидеть такое хождение.

— Не думаю, что я буду ненавидеть что-нибудь вроде этого.

Нортон ничего не ответил. Они молча шли несколько минут, а затем Диксон спросил:

— Ты думаешь, мы что-нибудь узнаем?

— Может быть, — сказал Нортон. — Это все равно не имеет значения.

— Почему?

— Мы сузили круг подозреваемых до трех. Ну ладно, мы потратим сегодняшний день, бродя по городу с фотографиями мертвой сестры и этих трех типов. Может быть, кто-нибудь их и узнает. Честно говоря, я в этом сомневаюсь.

— Она была очень симпатичной девушкой, — немного задумчиво произнес Диксон.

— Симпатичные девушки есть везде. Не заблуждайся на этот счет.

— То есть?

— Что симпатичная девушка лучше запоминается, чем некрасивая. Человеческая память — забавная штука. Однажды у меня было дело, когда мы смогли опознать подозреваемого благодаря тому, что женщина вспомнила волосатую бородавку у него на носу.

— У тебя, наверное, было много дел, Фред?

Нортон остановился.

— Знаешь, Мэт, иногда ты говоришь какую-то чушь.

— Что ты имеешь в виду? Только потому, что я…

— Ладно, ладно, забудь. Да, у меня было много дел. Я когда-нибудь рассказывал тебе, как я однажды раскрыл заговор, целью которого было взорвать Пентагон?

— Что, на самом деле?

— Конечно. После этого они хотели снять Гувера и поставить меня на его место. Я не согласился. В душе я очень простой человек.

— Вечно ты всякую чушь мелешь.

— Я знаю. Пойдем, вот еще меблированные комнаты.

Они задержались перед белым домиком, обшитым досками клинышком.

Дом был маленьким, с двумя слуховыми окнами на верхнем этаже. Каждое окно украшали красные ставни, а перед домом стоял большой серебристый клен, который доблестно, но безуспешно пытался удержать последние пожелтевшие листья.

Нортон открыл калитку и подошел к крыльцу. Он подергал за шнурок старомодного звонка.

— Какое, ты думаешь, будет на этот раз? — спросил он Диксона.

— Не понял.

— Выражение. Когда мы говорим, что мы из Федерального бюро расследований. Потрясение? Страх? Глубокий обморок? Разве ты не заметил, как варьируются выражения их лиц?

— Это будет пожилая леди, — предположил Нортон. — Когда мы скажем ей, что мы из ФБР, она пригласит нас в дом и выдаст нам список соседей, в которых подозревает коммунистов.

— А я так думаю, молодая блондинка с хорошими ногами, — заявил Диксон, включаясь в игру. Такие моменты, как этот, делали иногда работу с Нортоном сплошным удовольствием.

— Я занимаюсь этим уже шестнадцать лет, и у меня еще никогда не было молодой блондинки с хорошими ногами.

Со скрипом открылась дверь. Выглянула женщина средних лет. Прежде чем открыть рот, она изучила лицо Нортона.

— В чем дело? — спросила она.

— Федеральное бюро расследований, мадам, — сказал Нортон. — Мы бы хотели задать

вам несколько вопросов.

Они оба предъявили свои удостоверения.

Женщина непроизвольно схватилась за горло.

— Ой! — сказала она. — В чем дело?

— Можно, мы войдем?

— Да, да, пожалуйста. Что-нибудь не так? Что-то произошло?

— Нет, мадам. Всего лишь несколько простых вопросов.

— Проходите, пожалуйста. — Она широко распахнула дверь, и Нортон и Диксон вошли в сумрачную, прохладную прихожую.

— Вы сдаете комнаты? — спросил Нортон.

— Да, сэр. Но у меня приличные постояльцы.

— По этому поводу нет вопросов. Мы просто хотели знать, не опознаете ли вы несколько человек на фотографиях. Скажите нам, пожалуйста, сдавали вы или нет комнаты кому-нибудь из этих людей?

— Ну, я не знаю… Я имею в виду…

— Попытайтесь, мадам, — сказал Нортон. Он вынул из кармана пиджака кожаный бумажник, в котором лежали фотографии. Сперва он протянул хозяйке фотографию Клер Коул. Снимок был сделан летом. Улыбающаяся Клер в офицерской форме стояла перед общежитием для медсестер.

— Нет, — в ту же секунду сказала хозяйка. — Я не сдаю комнаты женщинам на военной службе.

— Почему?

— Женщинам нечего делать в армии. Только флиртуют с мужчинами. Нет, я не сдаю женщинам-военным.

— Эта девушка была медсестрой, — сказал Нортон.

— Все равно, я не сдавала ей комнату.

— Посмотрите на ее лицо. Она могла быть в штатском, не обращайте внимание на форму. Вы когда-нибудь видели ее раньше?

Хозяйка внимательно изучила фотографию.

— Нет, никогда.

— Она могла снять комнату с мужчиной, и, вероятно, они зарегистрировались как муж с женой. Вы узнаете кого-нибудь из этих людей?

Он протянул ей фотографии Джоунса, Шефера и Дэниелса.

— Моряки? — сказала хозяйка. — Ни за что!

— Вы не сдаете мужчинам на военной службе тоже? — спросил Нортон.

— Солдатам — да. Но только не матросам. Не этим пьяницам. У меня никогда не было матроса в доме, и никогда не будет.

— Как я уже сказал, они могли быть в штатском. Не посмотрите на их лица еще раз?

Хозяйка посмотрела на фотографии, тщательно изучая каждую.

— Нет, я никогда не видела никого из этих людей. Ни девушки, ни мужчин. А что, они сделали что-нибудь?

— Спасибо, мадам, — сказал Нортон. — Извиняемся за беспокойство.

— Они сделали что-нибудь? — еще раз спросила хозяйка.

Нортон был уже на крыльце. Диксон обернулся и помахал рукой.

— Пока! — весело попрощался он.

Они вместе пошли к воротам. Нортон молчал.

— Вот ведь стерва, — сказал Диксон.

— Не особенная.

— Я хочу сказать…

— Потому что она очень разборчиво относится к тем, кто живет под ее крышей? Это ее право. Мне самому моряки не очень нравятся.

— Ну… — сказал Диксон.

— Все это пустая трата времени. Куда, черт возьми, задевался этот проклятый список? — Нортон залез в карман и вынул список, отпечатанный на форменном бланке ФБР. Он пробежал глазами листок, нашел один из адресов и вычеркнул его. — Еще один. Осталось семь. Ты в состоянии или сперва кофе выпьем?

— Я бы не отказался от кофе, — сказал Диксон.

— Вот, начинаешь понимать, — ответил Нортон улыбаясь.

— Почему ты считаешь, что это трата времени, Фред?

— Потому что это и есть пустая трата времени.

— Но почему?

— Потому что я думаю, вряд ли их кто-то запомнил. Кроме того, все получится само собой. Мы в это время уже будем в Вашингтоне.

— Как так?

— Посмотри на это вот с какой стороны, Мэт. Где-то на корабле убийца. Мы считаем, что это один из этих трех, или, по крайней мере, на одного из этих трех указывают косвенные доказательства, даже такие хилые. На основе того, что у нас есть, мы не можем вынести заключения, но наш убиица не знает этого. Если только он не сверхсообразительный.

— А может быть, он такой и есть?

— Сверхсообразительный убийца не убивает на своем собственном заднем дворе. Я полагаю, наш голубок не особенно умен.

— Ну и что?

— Итак, он не очень умен. Он прослужил на флоте уже некоторое время и до смерти боится начальства. Он убил офицера, этот офицер женщина, и он знает, что под ним земля горит. На корабле большой шум, и на базе, и на всем флоте. Он — причина всего этого переполоха. Он начинает немного потеть.

— Ладно. Допустим.

— Старший на рейде направляет следователя, наш убийца начинает потеть чуть больше. Затем капитан назначает комиссию по расследованию — пот с него уже градом льется.

— Это уже похоже на рекламу мыла.

— Нет, сейчас наш парень напуган. Петля затягивается. А потом появляемся мы. Федеральное бюро расследований, — Нортон объявил это с гордостью. — Секретные агенты ФБР, угроза всем преступникам, возмездие злу. Итак, мы появляемся на корабле, бац! — всем запрещено сходить на берег, бац! — вся команда знает, мы снимаем отпечатки пальцев в радиолокационной рубке, бац! — мы начинаем задавать вопросы, и самыми трудными они оказываются для троих: Дэниелса, Шефера и Джоунса. Если наш убийца среди них — а я уверен в этом, — он начинает немного нервничать. В конце концов, как долго он сумеет продержаться против всемогущего ФБР?

— Я не понял, к чему ты клонишь, Фред?

— Я клоню вот к чему. У нас нет ничего, чтобы доказать чью-либо вину. Только наш убийца, я надеюсь, не знает этого. Он видит лишь бурную деятельность: секретные агенты ходят взад-вперед по кораблю, спокойные, неразговорчивые, но только не когда задают вопросы. Этот парень не профессионал, Мэт. Мы спрашиваем об Уилмингтоне. Он знает, что мы знаем о прогулке в Уилмингтон. И тут он начинает спрашивать себя, знаем ли мы, почему была убита медсестра? На самом деле мы не знаем — но он-то не догадывается об этом. Вскрытие показало, она не была беременна. Хорошо, может быть, это была только ссора любовников, но что-то вынудило его совершить убийство. Он задушил сестру, а сейчас мы расспрашиваем об Уилмингтоне. А как мы разузнали об Уилмингтоне? Кто-нибудь из подружек погибшей девушки? Если да, то что еще Клер Коул рассказала? Известно ли его имя? Насколько туго затянулась петля? Мы просто играем с ним в кошки-мышки? Каково наказание за убийство? Все это начинает грызть его. Короче, Мэт. Он напуган до полусмерти. Когда он расколется — лишь дело времени.

— Расколется! Ты думаешь, он прибежит к нам каяться?

— Может быть. Или совершит что-то, что укажет на него.

— Например?

— Откуда мне знать? Может быть, попытается разыскать некоторых сестер, которые знали погибшую девушку. Это даст нам хоть что-нибудь. Может быть, он попытается бежать. Кто знает? Но так или иначе, он расколется. Все, что нам нужно делать, — это ждать.

— Я не уверен, — сказал Диксон.

— Я уверен. Я видал непрофессиональных убийц раньше. Они свою задницу от локтя не отличают.

— Надеюсь, ты прав.

— Я тоже надеюсь, — сказал Нортон с ударением. — Не нравится мне Норфолк. И военно-морской флот не нравится. Чем раньше я вернусь в Вашингтон, тем буду счастливее.

— Норфолк неплох, — заметил Диксон.

— Нет, но Делия хороша.

— Делия? А, твоя жена.

— Да, — сказал Нортон. — Моя жена.

— Так к чему проверять все эти гостиницы и меблированные комнаты? — спросил Диксон неуверенно. — Какой в этом смысл?

— Это может сократить время. Вдруг кто-нибудь узнает людей на фотографиях. А если нет, будем ждать. Наш убийца скоро сделает ход, ты увидишь. Они всегда так поступают. Когда груз вины становится для них чересчур тяжел, когда они начинают думать, что весь мир против них — бац! — они раскалываются.

— Они раскалываются, — повторил Диксон.

— Вон кафе, — сказал Нортон. — Давай выпьем кофе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Он был вполне доволен тем, как проскочил все допросы. У них действительно против него ничего не было. Конечно, кроме того факта, что он лежал в госпитале. Что же, он отлично справился, подумал он. И с обоими фебеэровцами, и с Мастерсом.

Есть несколько верных способов реагировать на вопросы. Главное, конечно, не казаться подозрительным. Это можно сделать, притворившись высокомерным или наивным. Он выбрал свою роль и теперь придерживался ее.

Они действительно подозревали его. Это несомненно. Но они подозревали еще и двух других. А повесить человека только по подозрению нельзя. Они как-то пронюхали про уик-энд с Клер в Уилмингтоне. Но, зная, как Клер относилась ко всей этой истории, теперь уже в ретроспективе, он был абсолютно уверен, что она ни с кем ничего не обсуждала. Видимо, информация об Уилмингтоне всплыла случайно — она сказала или сделала что-то неосознанно. Да, они знали, что Клер с кем-то встречалась в Уилмингтоне, но ему было все равно, как они это выяснили. Хватало того, что выяснили.

Как только они узнали об этом, они наверняка просмотрели список увольнений, а затем проверили, кто из матросов в последнее время лежал в больнице, кто имел возможность познакомиться с Клер. Его заподозрили. Но это было все. Он был уверен, что больше у них ничего нет. В противном случае они бы уже арестовали его.

Его никогда не видели с Клер, и это было ему на руку. В этом смысле они вели себя очень осторожно. Это было необходимо. Трудно предположить, что младший офицер будет встречаться с рядовым. Но сейчас все это обернулось в его пользу, и это было замечательно.

Их поездка в Уилмингтон держалась в строгом секрете. Клер выехала раньше, она добиралась автобусом, а потом поездом. Он отправился позднее. Она сняла комнату в Дэвид Блэйк и сказала администратору, что через день приедет ее муж. Она зарегистрировала их как мистера и миссис Марк Ноуз. У нее был с собой багаж. Она выглядела прилично; Клер

всегда выглядела прилично. Не возникло никаких вопросов.

Когда он приехал в Уилмингтон, он позвонил в гостиницу и попросил миссис Марк Ноуз. Клер, задохнувшись, подбежала к телефону.

— Клер? Дорогая, я приехал.

— О, милый, я так рада.

— Были какие-то трудности?

— Нет, нет. Никаких проблем. Мне просто одиноко.

— Я уже здесь.

— Хорошо. Ты идешь?

— Да. Какой у тебя номер комнаты?

Она сказала ему номер. Он заплатил за разговор и поехал прямо в гостиницу. Не останавливаясь около стойки, он прошел прямо к лифту и поднялся на этаж, где жила Клер. Он подождал, пока дверь лифта не закрылась и лифт не поехал вниз. Тогда он направился к комнате.

Они провели большую часть времени в номере. Если они выходили из гостиницы перекусить, или погулять, или в кино, они делали это незаметно. Клер не оставляла ключ от номера у администратора. Они оба были одеты неброско, в штатское. Они не сошлись близко ни с кем из служащих гостиницы или других жильцов. По соображениям секретности они старались выглядеть как обычная, спокойная семейная пара, которая остановилась в городе провести уик-энд. Когда они уезжали, они сделали это тихо и незаметно, как и все остальное. Клер заплатила за комнату наперед. Она лишь оставила ключ на стойке, поблагодарила управляющего и удалилась, а он тем временем взял их вещи и вышел из гостиницы. Они вместе пришли на железнодорожную станцию, но в поезде ехали в разных вагонах, больше не встречаясь и не разговаривая друг с другом. Все прошло без заминки.

Он стоял рядом с антенной, чувствуя слабый запах, исходивший от составленных неподалеку мусорных ящиков, и более сильный солоноватый запах воды, плещущей о металлический борт корабля. Он затянулся сигаретой и подумал: я выкручусь.

Он был уверен в этом. Даже несмотря на все допросы, несмотря на все уловки следователей, он знал, что выкрутится. Он был уверен, что никто в Уилмингтоне не вспомнит ни Клер, ни его. Вспоминать было нечего. Да, он выкрутится.

Эта мысль не доставила ему удовольствия, потому что живой Клер нравилась ему больше. Она значила что-то для него. Она определенно что-то для него значила. С самого начала, как бывает, когда два человека неожиданно притягиваются друг к другу. Какая-то искра, вспыхнувшая в двух парах глаз. Да, она была офицером, но она вся принадлежала ему. Он снова вспомнил о ее теле, о том, как он его обнимал, вспомнил, каким прекрасным оно было тогда в Уилмингтоне. Эта мысль причинила ему боль. В ней было столько женственности, гораздо больше, чем в женщинах, которых он знал раньше. Из-за чего она так взъярилась на него? Почему она не могла оставить все, как было. Господи! Они были бы прекрасной парой, и им было бы хорошо вместе. Видит бог, он не хотел ее убивать. Дикая, нелепая случайность…

Конечно, есть и другие женщины, на которых можно рассчитывать. Женщины. Не важно, что еще случится, не важно, где тебя подстерегает неудача, не важно, как тяжело придется на службе, всегда есть женщины. И когда ты после этого чертового корабля оказываешься даже в таком скучном, благопристойном и трезвом городке, как Норфолк, ты всегда можешь найти себе женщину. И все же Клер значила для него гораздо больше, чем большинство других.

Может быть, ему еще раз удастся урвать недельку отдыха в госпитале встретить еще одну медсестру. Не такая уж плохая идея. После того как все кончится, конечно. Эти идиотские ограничения начали его раздражать. Сколько можно держать человека на привязи? Это еще хуже, чем учебный лагерь. Но эта идея с госпиталем была неплоха. Черт, один раз это уже сработало, почему бы не попробовать снова. Естественно, когда все

закончится. После того как все эти ищейки перестанут вынюхивать. Мастерс его развеселил. Сыпал вопросами, как окружной прокурор в суде. Где было то, и когда было это, то да се. Смех, да и только.

Эти типы из ФБР — тоже парочка комиков. Эботт и Костелло или Мартин и Льюис. Черт, они и Миссури не смогут найти, если кто-нибудь спрячет ее в их ванной.

Он похихикал над своей собственной шуткой, в последний раз затянулся сигаретой и щелчком отправил ее за борт, проследив, как она прочертила дугу на фоне темного неба и зашипела, едва коснувшись воды.

Фебеэровцы вернулись на корабль примерно в 21.00. Сейчас было 22.30. А его все еще не вызвали на очередной допрос. Он готов был биться об заклад, что они ничего не узнали. Этот орешек им не по зубам. Он снова хихикнул и уже собрался уходить, когда услышал шаги, направляющиеся к нему. На секунду его охватила паника, но он сказал себе: спокойно, спокойно.

Он прищурился в темноте, жалея, что дверь в спальный отсек, в котором горел свет, закрыта и он ничего не видит. Человек приближался, но он все еще не мог узнать его. Может быть, Мастерс идет, чтобы задать еще несколько вопросов? Может быть, снова Мартин и Льюис? Может быть, они узнали что-нибудь? Может быть… Нет, они ничего не могли узнать. Никто не знал, что он ездил в Уилмингтон. Никто не видел его там.

— Кто это? — спросил он темноту.

— Я.

— Кто я?

— Шефер.

— А-а. Чего тебе?

Сжав кулаки, готовый ко всему, он смотрел, как Шефер подходит все ближе, бесшумно проскользнув мимо мусорных ящиков.

Он устало взглянул на писаря.

— Я собирался идти спать.

— Это может подождать.

— Естественно, — сказал он и потянулся за сигаретой, торчащей из кармана его синей куртки, а потом передумал.

— Что у тебя на уме, Шефер?

— Мертвая медсестра, — тихо сказал Шефер.

Он почувствовал, как его руки слегка затряслись, но он сдержал дрожь и спросил:

— Что именно?

— Ты знаешь.

Он быстро оглянулся. На палубе никого не было. Корма была не освещена.

— Нет, я не знаю.

— В больнице. Ты и медсестра.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты все прекрасно понимаешь. Моя кровать была напротив твоей. Я видел, как ты заигрывал с ней. Я видел все, так что можешь не отрицать.

Его мозг бешено заработал. Неужели это правда? Или это одна из штучек Мастерса?

— Ну, хорошо, — сказал он покладисто, — я заигрывал с ней, и что?

— И ты ездил в Уилмингтон, — сказал Шефер. — На выходные, я знаю.

— Ты сумасшедший.

— Нет, я не сумасшедший. Я знаю, потому что ты спрашивал расписание поездов до Уилмингтона за несколько дней до выходных. Я это вспомнил. Я печатал приказ о назначениях, когда ты спросил о расписании. Я вспомнил.

— Ты сумасшедший, — повторил он, судорожно пытаясь вспомнить, спрашивал ли об этом. Почему, черт возьми, он это делал? Да, да, сейчас он вспомнил. Он действительно спрашивал. Клер считала, что для него будет безопаснее получить информацию прямо на корабле, гораздо менее заметно, чем если бы она стала наводить справки на берегу. Да и

мужчины сплетничают гораздо меньше, чем женщины. Он спрашивал о расписании, а Шефер — этот сукин сын — вспомнил.

— Ну и что, к чему ты клонишь, Шефер?

— Старший лейтенант Мастерс думает, что здесь есть связь. Я пока молчал, потому что я не хочу быть доносчиком.

— Ты хочешь сказать, что рассказал всю эту чушь Мастерсу?

— Нет пока. Но если ты убил медсестру…

Внезапно он ударил Шефера кулаком в скулу. Писарь зашатался, отлетел назад и врезался в мусорные контейнеры. Он снова ударил Шефера, тот обмяк и упал на палубу.

Тяжело дыша, он наклонился над Шефером. Оглянулся, благодаря бога, что на палубе никого не было. Приподнял тело и поволок писаря к борту. Перекинул его через позвякивающие цепи и отпустил. Он подождал, пока не услышал, как тело ударилось о воду. Тогда он закричал: "Человек за бортом! Человек за бортом!" и побежал вдоль кормы корабля, взобрался по трапу на шлюпочную палубу и слился с темнотой. Позади он слышал, как из кормового спального отсека выскакивают люди.

"4 ноября в 22.47 Ричард Н.Шефер, писарь второго класса Военно-Морских Сил США, разбился насмерть, упав со шканцев эскадренного миноносца "Сайкс". На крик "Человек за бортом!" выбежали люди из кают. Через час тринадцать минут тело при помощи захватов и крюков было извлечено из воды, что было осложнено тем, что тело застряло под винтом. Было сделано искусственное дыхание. В 00.16 помощник старшего врача зарегистрировал смерть, что было позднее подтверждено врачом из берегового госпиталя. Во время самоубийства мы с Диксоном находились в кают-компании с капитаном Гленбурном, обсуждая отрицательные результаты поездки в Уилмингтон. Позднее, когда тело было извлечено из воды, Диксон обнаружил синяки на скуле и щеке Шефера. Они появились в результате удара о воду и контакта с корабельным винтом, когда тело было затянуто течением под корабль. Царапины на наручных часах Шефера подтверждают это предположение.

Как уже было указано в нашем отчете 32-А-741 от 1 ноября, Шефер был одним из подозреваемых в убийстве лейтенанта Клер Коул. Не имея вещественных доказательств, мы проанализировали следующие косвенные улики: а) Шефер знал мисс Коул, познакомившись с ней во время своего лечения в госпитале на базе в конце сентября этого года: б) Шефер имел доступ к ключам от боевого информационного поста (радиолокационной рубки); в) Шефер был в увольнительной в то же самое время, когда у Коул якобы было свидание с неустановленным матросом.

Можно сделать вывод, что Шефер, движимый чувством вины, боясь разоблачения, покончил жизнь самым простым, доступным ему способом. В личном деле Шефера отмечено, что он был хорошим пловцом, но мы считаем, что он подплыл под гребной винт. Сослуживцы признали, что с момента убийства сестры и начала следствия Шефер вел себя странно. В связи с вышеизложенным мы просим вашего разрешения на прекращение следствия по делу и возобновления нормального режима службы на борту эсминца" Сайкс".

Фредерик Нортон (агент)

Диксон протянул Нортону подписанный отчет.

— Ты прочитал? — спросил Нортон.

— Да, прочитал.

— Ну и?

— Я не знаю, Фред.

— Что ты не знаешь?

— Ну, я не знаю, уверен я или нет.

— Ради бога, Мэт…

— Конечно, я знаю, у тебя большой опыт в такого рода делах. Но я все же не уверен, Фред.

— Так в чем проблема? Что тебя беспокоит, малыш?

— Ничего. Я, конечно, понимаю, что это единственный вывод, который мы можем сделать. Но мне все же хочется, чтобы были еще какие-нибудь доказательства. Ни отпечатков пальцев, ничего, а по кораблю, когда была убита медсестра, бродила целая толпа людей. Мне хочется быть уверенным, что это тот самый человек, Фред.

— Ты слишком беспокоишься, — заметил Нортон. В подобных делах нужно принимать факты такими, какие они есть. Я же тебе говорил, что убийца расколется?

— Говорил.

— Вот он и раскололся. Послушай, Мэт, я согласен, что и Дэниелс, и Джоунс могли убить эту чертову медсестру. Но с мостика-то спрыгнул Шефер. Свяжи это с тем, что у нас уже есть, и сделай вывод.

— Ты наверное, прав.

— Тебе что, очень нравится копаться в этом дерьме? — спросил Нортон.

— Нет. Конечно, нет.

— Ты хочешь вернуться в Вашингтон?

— Да.

— Тогда послушай моего совета. Забудь. Это всего лишь одно дело, и не такое уж и важное.

— Мне, конечно, не хочется проявлять излишнего усердия.

— Так не проявляй.

— Это что, обычный способ проведения расследования?

— Обычного способа ведения расследования не существует. Ты подгоняешь факты к делу. Насколько я понимаю, Шефер окончательно доказал свою вину тем, что покончил жизнь самоубийством. Меня это убедило.

— Но если существуют какие-то сомнения, разве мы не должны их проверить.

— Какие сомнения?

— Ну… — поколебался Диксон.

— Вот видишь, никаких сомнений у тебя нет. Признай это. Ты бы покончил жизнь самоубийством, если бы ничего не совершил?

— Думаю, нет.

— Ну, тогда все в порядке. Подписывай это чертово заключение, и давай сваливать. Если повезет, мы еще до конца недели будем в Вашингтоне.

Госп одину Фредерику Нортону

Отель "Филдз", Норфолк, Вирджиния.

Возвращайтесь в Вашингтон за дальнейшими указаниями. Сообщите капитану Гленбурну о разрешении возобновить нормальный режим службы на борту "Сайкса". Считайте дело закрытым.

Сальваторе Де'Оглио,

начальник отдела.

Мистеру и миссис

Питер Шефер

Ист-стрит, 217

Бронкс, 67, Нью-Йорк.

Рядовые и офицеры эсминца "Сайкс" выражают свои глубокие соболезнования в связи со смертью вашего сына Ричарда Шефера. Как вам сообщили из военного ведомства, несчастные случаи такого рода происходят крайне редко. Тем тяжелее переживать эту трагическую случайность. Личные вещи вашего сына будут высланы через несколько дней. Мы разделяем вашу боль.

Джонас С.Гленбурн,

командир корабля

ВМС США

— Отвратительно, — сказал Мастерс. — Старый мерзавец написал так, будто счастлив.

— Он должен был отправить телеграмму, — ответил Рейнольдс. Пожал плечами. — Хватит и того, что он не упомянул, что Шефер был убийцей.

— Если убийцей был он, — сказал Мастерс.

— Похоже, что ФБР думает именно так. Послушай, Чак, давай оставим это. Родные медсестры счастливы, командующий Атлантическим флотом счастлив, командир эскадры счастлив, а больше всех счастлив Старик. Давай оставим это.

— Конечно, давай оставим.

— Так в чем дело?

— Ни в чем.

— Нет, ты что, думаешь, Шефер этого не делал?

— Не делал чего? Не покончил жизнь самоубийством или не убил сестру?

— Сам выбери.

— Я думаю, он не делал ни того, ни другого.

— Как так?

— Ты видел его личные вещи? А я видел.

— Я тоже видел.

— Хорошо, если ты их видел, тогда ты знаешь, что Шефер не дописал письмо своим родителям. Письмо было датировано вечером того дня, когда он якобы покончил жизнь самоубийством. Объясни мне, почему парень, который собирается прыгнуть за борт, останавливается на середине предложения, а затем ныряет головой вниз — ни словом не упомянув об этом родителям.

— Но не все самоубийцы оставляют записки.

— Нет, но большинство самоубийц приводят свои вещи в какой-то порядок. Черт, Шефер даже выложил мыло и полотенце на койку.

— Ну и что ты думаешь?

— Откуда, черт возьми, я могу знать. Может быть, его что-то беспокоило. Может быть, он не дописал письмо, потому что пошел прогуляться. Может быть, он увидел кого-нибудь и остановился с ним поговорить. Может быть, этот кто-то столкнул его за борт.

— Я очень сильно в этом сомневаюсь, Чак.

— Да? Тогда, может, тебе следует взглянуть на его личное дело? И может быть, тогда ты мне сможешь объяснить, почему такой парень, как Шефер, выбирает именно этот способ покончить счеты с жизнью.

— Не понял, — сказал озадаченный Рейнольдс.

— Не понял? Все записано в его личном деле. Шефер был очень хорошим пловцом. Собственно говоря, когда он впервые пришел на флот, он поступал в школу подрывников-подводников. А теперь скажи мне, как может классный пловец утонуть, прыгнув за борт?

— Обдумай это и его мотивы. Давай предположим, что Шефер на самом деле убил медсестру. Если его поймают — повесят. Это наказание за убийство на флоте, так?

— Да.

— Значит, все, что он может потерять, — это свою жизнь. Он в запасе, поэтому не беспокоится о флотской карьере, или почестях, или славе, или что там еще, черт возьми. Он просто служит, дожидаясь, пока его демобилизуют. Если его не ловят за убийство, он уходит с флота и становится свободным человеком. Если его уличат, его повесят. Он может потерять только свою жизнь. Если у человека хватило ума убить Клер Коул, у него хватило бы ума в нынешней ситуации пойти ва-банк. Но он этого не сделал, по крайней мере ты говоришь, что он этого не сделал. Он кончает жизнь самоубийством, теряя единственное, что он мог потерять. — Мастерс помолчал. — Извини, я не верю.

— А чему ты веришь?

— Я верю, что убийца все еще бродит по этой старой посудине. Только сейчас на его счету двое, и все тихо. Службу возобновили, никому не запрещают сходить на берег. Этот сукин сын, должно быть, сейчас на седьмом небе. Это мне покоя не дает. Мне хреново делается при мысли, что он выкрутится. И мне еще хреновее, когда я думаю об этих идиотах в штабе, довольных, как не знаю кто, оттого что Шефер якобы покончил жизнь самоубийством.

— Перестань говорить "якобы", Чак. Командующий Атлантическим флотом…

— Командующий, черт бы его подрал! Командующий так же доволен, как и все остальные. Напряжение спало, можно расслабиться. Можно и дальше выслуживаться ради четвертой нашивки и еще одной бляхи на фуражке. Можно снова ходить в офицерский клуб и поднимать тосты за прекрасную комиссию по расследованию. Можно забыть о медсестре, можно забыть об этом несчастном дураке, который жил в Бронксе. Мне тошно от этого. Я бы гроша ломаного не дал за…

— Успокойся, Чак. Дело закрыто.

— Я знаю.

— Больше уже ничего нельзя предпринять.

— Я знаю.

— Ты просто расслабься, Чак.

— Вот именно этим я и собираюсь заняться. Я пойду вечером в клуб и напьюсь как свинья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Здесь очень уютно, подумал Мастерс. Мне нравится освещение, мне нравится тихая музыка, мне даже нравится невнятное гудение голосов. Но больше всего мне нравится скотч. Нужно отдать должное ВМС, они тут знают, как выбирать виски.

Скотч был прекрасным лекарством от всех болезней, лекарством для души. Он усмехнулся, покрутил стакан, прислушиваясь к позвякиванию кубиков льда о стекло. Вначале он даже по вкусу напоминает лекарство. Только вначале. Позже ты привыкаешь к нему, и проклятое зелье начинает казаться совершенно безвкусным. Это высшая похвала любому лекарству.

Ему было любопытно, есть ли скотч на борту для медицинских целей. Нет, бренди, наверное, есть, и помощник капитана все уже, должно быть, вылакал. Жаль беднягу, который свалился за…

Ну вот, подумал он, опять начинается. Как карусель, лейтенант Мастерс, круг, еще

один круг, и все время к этому несчастному сукину сыну писарю, которого спихнули за борт.

Один из них сделал это. Точно. Либо Джоунс — оператор радара, либо Дэниелс — другой писарь. Наверняка. Если бы не флот, он бы живого места не оставил на этих двух негодяях. Он бы избивал их, пока кто-нибудь не сознался. Если бы не флот. Но вы на флоте, лейтенант Мастерс. Вы должны это помнить.

Да, я, конечно, помню это. Это флот, дело закрыто, и сейчас мы готовы начать новое — скотч на этот раз. Вы что, никогда не хотели стать капитан-лейтенантом, лейтенант Мастерс? Если да, допивайте, и забудьте о Клер Коул, о Ричарде Шефере, и займитесь своими делами. Ешьте, пейте и назначьте свидание Мэри… На завтра.

Завтра. Хорошо, завтра. А где Мэри сейчас? Это важный вопрос, на который должна ответить комиссия по расследованию.

Он отпил еще немного скотча, понимая, что в голове у него все начинает путаться и он стал плохо соображать. Он осушил стакан и оглядел тускло освещенную комнату. В его голове отозвалось: где Мэри?

К черту Мэри, подумал он. Я не знаю никакой Мэри.

Пора еще один скотч заказать. Скотч — вот что мне сейчас нужно. Он встал на ноги, нетвердой походкой подошел к бару. Треснул по стойке стаканом и сказал: "Скотч с содовой. Много льда не надо".

— Есть, сэр, — ответил голос.

Есть, сэр, есть, сэр. Напиться мне надо, вот и все. Где, к чертовой матери, мой скотч?

— Эй, — позвал он.

— Сейчас будет, сэр.

Он поднял голову и посмотрел на человека за стойкой бара. Человека, который протягивал ему его выпивку.

— Ну, что? — спросил он громко.

— Простите, сэр?

— Ну, что, господин Джоунс? Господин оператор радара третьего класса Джоунс. Какого черта вы здесь делаете в баре?

Джоунс улыбнулся и поставил стакан на стойку.

— Вы заказывали виски с содовой, сэр. — В его глазах пряталось веселье, как будто вид пьяного в стельку офицера доставлял ему удовольствие.

— Я помню, что я заказывал, Джоунс. Я прекрасно, черт возьми, помню, что я заказывал. Ты мне лучше скажи, что ты тут делаешь? Вахту несешь в офицерском клубе?

— Это моя работа, сэр.

— А я думал — это работа официантов.

— Если только вы нужных людей не знаете. — Джоунс лукаво подмигнул.

— А ты знаешь нужных людей, да? И кто же эти нужные люди, Джоунс? Может, мне тоже познакомиться с твоими "нужными людьми?" Может, мне тогда ночные дежурства не будут ставить?

— Может быть, сэр, — Джоунс снова улыбнулся.

— Ну-ка скажи мне, Джоунс, чем так хороша работа в клубе?

Джоунс пожал плечами.

— Вы сами знаете, сэр.

— Ничего я не знаю. Честное слово, ничего не знаю. Расскажи-ка мне, Джоунс.

— Сами понимаете, кругом спиртное.

— И что, ты тоже иногда пропускаешь рюмочку?

— Разве я это говорил, сэр? — Джоунс широко усмехнулся.

— Нет, ты не говорил. Ты очень предусмотрительно не сказал этого. Ты хитрый парень, Джоунс.

— Спасибо, сэр.

— Очень хитрый парень. Ты и еще один. Только кто-то из вас гораздо хитрее нас всех. Нужно быть хитрым, чтобы сделать то, что он сделал, и как он это сделал. Вот он-то

действительно хитрый. Ты ведь очень хитрый, Джоунс?
— Простите, сэр?
— Это очень хитро — изображать наивность. Очень хитро. Ты хитрый, Джоунс.
Рыжеволосая женщина, офицер из добровольной женской организации ВМС, нетвердой походкой подошла к бару.
Она была без кителя, и ее белая блузка вылезла сзади из юбки.
— Эй, Джонси, ну-ка поработай немного.
— Да, мадам, — сказал Джоунс. Он подошел к ней, улыбнулся и взял ее стакан. — То же самое, мадам?
— Я — мисс, а не мадам, — обиженно сказала она.
— Да, мисс. То же самое?
— То же самое, Джонси.
Ну, подумал Мастерс, вот и Мэри. Господи, это что — Мэри?
Джоунс налил виски в стакан и поставил его перед ней. Она схватила стакан, отпила половину, а затем наклонилась вперед, прижавшись грудью к стойке бара.
— А ты хорошенький, Джонси.
— Спасибо, мадам.
— Я — мисс, а не мадам. Запомни.
— Хорошо, мисс.
— Вот и отлично. Лучше запомни. Начальство нужно знать в лицо.
— Да, мисс, — кивнул Джоунс.
— В лицо. — Она кивнула, соглашаясь сама с собой, схватила стакан и удалилась с пьяным достоинством к столику в углу.
Мастерс спросил:
— Хороша, а, Джоунс?
— Простите, сэр?
— Девица.
— О, да, если вы так считаете, сэр.
— Еще одно, что привлекает в работе в клубе, Джоунс?
— Вы имеете в виду женщин? — Джоунс пожал плечами. — Это все для офицеров, не для рядовых.
— В твоих словах слышится горечь, Джоунс.
— В моих? Бросьте, сэр. Хотите еще выпить, сэр?
— Нет, спасибо, Джоунс. Пойду поищу Мэри.
— Кого, сэр?
— Ты ее не знаешь, Джоунс. Из офицерского состава.
Он развернулся, положил локти на стойку и начал методично осматривать зал. Женщина-офицер сидела с каким-то капитаном, так что она была не в счет; к тому же она не была Мэри. Во всяком случае, для Мастерса. Он продолжал переводить глаза со столика на столик, как будто сканировал горизонт в поисках вражеского корабля. Отличная поисковая операция.
Когда он увидел ее, то в первый момент не узнал. Она была в форме, а он помнил ее в белом халате. Но он был рад видеть ее и удивился, что она сидела одна.
Он поднял свой стакан и прошел через зал, пытаясь сохранять равновесие.
Она поигрывала в руках рюмкой и не заметила, как он приблизился.
Подойдя к столу, он кашлянул.
— Мисс Дворак, — сказал он. — Джейн Дворак.
Она казалась смущенной, и он надеялся, что она хотя бы не покраснеет. Только розы должны краснеть, а не женщины.
— Добрый вечер, старший лейтенант Мастерс.
— Чак, — напомнил он ей. — Можно присесть?
— Ну…

Она нерешительно посмотрела по сторонам, и он быстро спросил:
— Или вы не одна?
Она прикусила нижнюю губу.
— Я была не одна, но она, похоже, пропала.
Мастерс сел.
— Она? — спросил он.
— Да, она.
Он улыбнулся, и Джейн Дворак улыбнулась в ответ. Ее лицо распахнулось, и он еще раз поразился, как улыбка преображала ее.
— Вам нужно чаще улыбаться.
— Правда? Почему?
Он кивнул.
— Это был правильный ответ. Когда мужчина собирается сказать комплимент, женщина должна поддержать его.
Джейн вспыхнула, и он тут же пожалел о своих словах.
— Простите, — сказала она мягко. — Я не намеревалась кокетничать.
— А я не собирался быть галантным. Вам нужно больше улыбаться, потому что тогда вы становитесь настоящей красавицей.
— Спасибо.
— Не за что. Что вы пьете?
Она посмотрела на свою рюмку, как будто бы видела ее в первый раз.
— Я даже не знаю, — сказала она, снова смутившись. — Мне его Мэри заказала. Эта та, что…
— Мэри! — он широко раскрыл глаза и расхохотался. — Мэри! Ой, господи, не может быть! Мэри! Неудивительно, что она потерялась.
Джейн выглядела озадаченной.
— Простите, я не поняла…
— Это я сам с собой. Извините, если это прозвучало грубо.
— Все нормально.
— Нет, действительно извините. Я над собой смеялся.
— Все нормально.
— Я прощен?
— На самом деле не нужно…
— Скажите, что я прощен.
Она улыбнулась. И он непроизвольно улыбнулся в ответ.
— Вы прощены.
— Хорошо. Отлично. Я чувствую себя намного лучше.
— Я бы сказала, что вы с самого начала себя неплохо чувствовали.
— Скотч, — объяснил он, — лекарство от всех болезней. Я топлю свои печали.
— Ваши печали?
— Постсуицидальную хандру.
— А, этот парень на вашем корабле…
— Да.
— Я видела в газете. Это ужасно.
— Ужасней, чем вы думаете.
— Я не понимаю…
— Не тот, дорогая моя, не тот.
Она наморщила лоб, и он сказал:
— Пожалуйста, не делайте это.
— Чего?
— Ваш лоб. Морщинки, они останутся.
— О, простите! Что вы имели в виду, когда говорили "не тот”?

— Не обращайте внимания. Это часть хандры. — Он посмотрел на нее и сказал: — Вы снова делаете это. Пожалеете, когда вам будет сорок.

— Вы имеете в виду, что это не он убил Клер?

— Да, я так думаю. Или я думаю, что я так думаю. Послушайте, мы должны оставаться здесь? Вас не мутит от всех этих капитанов, командиров, всей этой избранной публики?

— Ну…

— Я знаю. Можете не говорить. Я вам не подхожу. Я увидел это по вашему лицу в тот день, когда пригласил вас поужинать. О’кей. Я допью свой скотч и тихонько удалюсь.

Она засмеялась, прикрыв рот рукой.

— Вы очень забавны, когда вы… Знаете, когда вы себя так ведете. Извините меня, мне не следовало смеяться.

— Милая, ваш смех еще лучше вашей улыбки. — Он нахмурился. — Спасибо за компанию, мисс Дворак.

Он встал, но она коснулась его рукава:

— Не уходите, все нормально.

Он уставился на нее:

— Что нормально?

— Я имею в виду…

— Вы хотите сказать, что пойдете со мной? Пусть эти скоты в погонах, извините меня за выражение, сидят здесь, а мы поищем свежего воздуха, который не воняет флотом.

Она снова рассмеялась.

— Я не совсем так собиралась это выразить.

— Мадам, — сказал он. — Мисс. Джейн. Выразить это можно только одним способом. Только одним способом. Давайте, к черту, выберемся отсюда, но сперва позвольте мне сказать до свиданья оставшейся трети триумвирата.

— Господи, кто это?

— Сейчас он похож на Бахуса, но на самом деле может быть Морфеем.

— Морфеем?

— Парнем, который усыпляет. Я сейчас вернусь.

Он, шатаясь, пересек зал и остановился перед баром.

— Эй, Джоунс, — сказал он. — Эй, негодяй, иди сюда.

Джоунс устало подошел к Мастерсу.

— Да, сэр.

— Кончай это свое "да, сэр”. Запомни только одно, негодяй. Я буду следить за тобой. Мне нечего делать на этом проклятом корабле. Так что я буду за тобой следить во все глаза, Джоунс. Я буду следить за тобой и за этим вторым сукиным сыном. И помоги вам бог, если вы оступитесь. Запомни это.

Джоунс в упор посмотрел на Мастерса.

— За что вы меня ненавидите, сэр? — спросил он.

— Ха! — Мастерс хмыкнул. Он развернулся и, не останавливаясь, прошел через зал, подхватив Джейн под руку и ведя ее к двери. — Я предупредил его. Я предупредил этого негодяя. Сейчас я буду следить за ним. За ним и Дэниелсом. Пойдемте, Джейн, мисс, мадам. У меня тут где-то джип стоит.

— Вы думаете, вы можете вести машину? Я имею в виду…

— Нет, не могу, но буду. Вы боитесь за свою жизнь?

— Нет, — сказала она тихо.

— Вы боитесь. И с вашей стороны, очень любезно сказать, что нет. Пойдем пешком. — Он сделал паузу. — У меня все равно нет джипа. Откуда у меня, черт возьми, возьмется джип?

Они шли по обсаженным деревьями улицам базы. Казармы были не освещены, и деревья отбрасывали огромные тени на кирпичные стены.

— Красивая база, — сказал он. — Одна из самых симпатичных.

— Да.

— Жаль, что она в таком вшивом городишке. Вшивые городки не должны иметь таких красивых баз.

— Не должны.

— Иногда можно пофилософствовать. Куда мы идем?

— Я не знаю. Я иду за вами.

— На этой прекрасной базе масса мест, куда можно пойти. Мы можем просто бродить, смотреть на деревья и цветы. Вы не против?

— Я — как вы.

— Или мы можем прогуляться до авиабазы, посмотреть на то, как самолеты садятся в темноте. Но это может быть опасным.

— Тогда не пойдем.

— Я понял, вы не любительница острых ощущений.

— Иногда.

— Тогда остается великолепное футбольное поле с трибунами и массой травы. Погода на редкость теплая, и мы можем представить, что идет игра. Что вы на это скажете?

Она поколебалась.

— Я не знаю.

— Это запрещено, — продолжил он. — Но я думаю, что вход охраняет один рядовой. Мы его напугаем своими погонами. Младший офицер Дворак.

— Ладно, — сказала она, мягко рассмеялась и крепче взяла его за руку.

Они шли молча, пока не увидели проступающие очертания стадиона.

У ворот стоял рядовой с винтовкой. Мастерс подошел к нему и сказал:

— Ты, там, смирно!

Парень вытянулся.

— Простите, сэр, я не заметил вас.

— Отличная рекомендация для часового. Я видел несколько женщин в одном белье, пытающихся проползти под забором на том конце поля. Рви туда и останови их.

— Есть, сэр! — часовой побежал, и Джейн рассмеялась.

— Он, наверно, подумает, вы сумасшедший.

— Нет, но он будет сильно разочарован. После вас, дорогая.

Они пересекли поле. Он снял китель и, несмотря на ее протесты, расстелил его на земле. Они сели. На небе над головой ярко светили звезды, и казалось, что мир заканчивается у границы футбольного поля.

— Я начинаю трезветь, — сказал он.

— Правда? Это хорошо.

— Почему? Я сразу начинаю вспоминать, почему я надрался.

— Опять Шефер?

— Опять Шефер. К черту, зачем они засунули меня в эту проклятую комиссию по расследованию?

— Чак, вы не можете это забыть? Вы знаете флот так же хорошо, как и я. Посмотрите на это с другой стороны. Сколько человек гибнет, когда тонет корабль?

— Конечно.

— Чак…

— Да?

— Не расстраивайтесь.

— Не буду. — Он внезапно рассмеялся.

— Что такое?

— Мэри. Я просто подумал о Мэри.

— Моей приятельнице?

— Нет. Другой Мэри. Ты не она — но я тебя все равно поцелую.

— Чак…

Он обнял ее, она секунду сопротивлялась, пока его губы не нашли ее. А затем она затрепетала в кольце его объятий и ответила на поцелуй.

— Мы с тобой будем часто видеться, — сказал он.

— Я…

— Да, будем. Так что можешь привыкать к тому, как я целуюсь.

У нее перехватило дыхание, и она сказала очень тихо:

— Я уже привыкла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мастерс услышал сигнал подъема по внутреннему радио на следующее утро, но это не подняло его с постели. Он услышал, как Лепаж заворчал, просыпаясь на койке напротив. Мастерс уткнулся лицом в перегородку и положил на голову подушку. Лепаж топтался в поисках ботинок, и Мастерс в сотый раз выругался про себя, какого черта они подселили к нему этого идиота. Человек не должен шуметь по утрам. Человек должен возвращаться к жизни медленно. Он не должен суетиться, пока жизнь не шлепнет его по лицу, как мокрая макрель.

Что, черт возьми, он там делает?

Мастерс услышал бряцанье бляхи и еще какой-то звук, который не сразу узнал.

Когда он понял, что это такое, он испытал большое искушение запустить подушкой в пустую башку Лепажа. Этот чертов осел заправлял постель!

— Эй, Мастерс, — позвал Лепаж. — Просыпайся, Мастерс, подъем.

Мастерс притворился мертвым. Может быть, если он будет лежать без движения и не дыша, Лепаж оставит его в покое. Может быть, он уйдет. Может быть, он выйдет на палубу и прыгнет за борт.

— Эй, Мастерс, — заорал Лепаж. — Давай вставай. Подъем! Опоздаешь на завтрак.

Укрывшись подушкой и одеялом, Мастерс пробормотал:

— Лепаж, ты чертов осел.

— Проснулся? — спросил Лепаж, вероятно, услышав невнятное бормотание.

Мастерс задержал дыхание.

— Ты проснулся? — повторил Лепаж.

— Да, черт возьми, я проснулся, — завопил Мастерс. — В этом грохоте даже покойник проснулся бы.

— Послушай, Чак, я думал, ты хочешь завтракать.

— Я не хочу завтракать.

— Ну, откуда я знал.

— Я ничего не хочу. Я хочу только тишины. Полной тишины. Я просто хочу немного поспать.

— Тяжелая была ночка?

— Я не хочу разводить дискуссию, — терпеливо сказал Мастерс. — Я хочу спать. Иди, Лепаж. Иди и ешь свой завтрак. Можешь съесть и мою порцию. Ешь, пока не наешься. Ешь, пока не лопнешь. Только убирайся отсюда и оставь меня в покое.

— Ну, хорошо, Чак. Я думал, если ты хочешь…

— Это приказ, — зарычал Мастерс.

— Есть, сэр, — ответил Лепаж. Он торопливо пошел к зашторенной двери.

Мастерс сурово улыбнулся и снова перевернулся на спину. Он закрыл глаза и попытался снова вернуть сон. Но все было бесполезно, он проснулся. Еще один чертов день маячит на горизонте. Но что-то было не так…

Джейн. Джейн Дворак.

Имя всплыло у него в памяти, он неожиданно вспомнил все, что случилось накануне

ночью, и невольная улыбка засветилась у него на лице. Хорошая девушка. Действительно хорошая девушка, одна из самых хороших, которых он когда-либо встречал. Интересно, он пообещал позвонить ей сегодня?

Он не помнил. Но он ей позвонит независимо от того, обещал или нет. Как только он сможет сойти на берег. Тогда, подумал он, нужно вставать.

Он опустил ноги на пол и лениво почесал грудь. Широко зевнул, вытянул мускулистые руки над головой и вздохнул.

Его форма, брошенная на спинку металлического стула, была безнадежно измята. Он неожиданно вспомнил, сколько скотча влил в себя накануне. Влил, именно влил. Он забеспокоился, нормально ли вел себя с Джейн. Да, он был уверен, что все было как надо. С такой девушкой непросто. Не каждый день знакомишься с такой девушкой.

Он улыбнулся и натянул серые брюки. Подошел к раковине и начал умываться. Он яростно драил зубы, вычищая привкус вчерашнего скотча. А Лепаж когда-нибудь моется, поинтересовался он про себя. Мне кажется, что все, что он делает, так это только ест. Когда-нибудь я все ему выскажу. И заставлю вымыться.

Но не сейчас. Не прямо сейчас. Прямо сейчас я отправлюсь в кают-компанию, где набью себе брюхо тем дерьмом, которое они называют завтраком. Затем перекличка, а затем я свалю с этой плавучей посудины и позвоню в госпиталь. Может быть, Джейн согласится встретится со мной сегодня вечером.

В кают-компании он сел между Рейнольдсом и Карлуччи и подождал, пока официант возьмет у него заказ. Этим утром подавали яйца. Он выбрал яичницу-болтушку и попросил, чтобы ему немедленно подали чашку кофе, которую и выпил в ту же секунду, как ее принесли.

— Как самочувствие? — спросил Рейнольдс.

— Замечательно, — ответил Мастерс. — А у тебя?

— Паршиво. Я всегда чувствую себя паршиво. Но по-моему, вчера ты тоже не особенно веселился.

— Это было вчера, а сегодня я чувствую себя замечательно.

— Ты, что ли, забыл о всех этих трупах?

— Эй, — сказал Карлуччи. — Чем ты заслужил блины, Майк? — Он взглянул на тарелку Рейнольдса, а затем посмотрел на свою яичницу.

— Я помощник капитана и привык к привилегиям.

— Не хочешь поделиться? — спросил Карлуччи.

— Лучше доедай свои яйца, — ответил Рейнольдс.

— А где сегодня Старик? — спросил Мастерс.

— Думаю, спит. Ты что, когда-то видел его за завтраком?

— Никогда. Я просто надеялся, что он вывалился за борт.

— Ты слишком суров к нему, — серьезно сказал Рейнольдс. — Ему хватает головной боли.

— Даже теперь, когда ФБР разобралось с этим гнусным скандалом? Я думал, его заботы позади.

— Как ты умудрился стать офицером, Чак? — спросил Рейнольдс.

— С помощью подхалимажа.

— Хватит, ребята, — сказал Карлуччи, принимаясь за свои яйца с явным отвращением на лице.

— Нет, серьезно, — повторил Рейнольдс.

— Серьезно? По правде говоря, я хотел стать фебеэровцем. Я…

— Не трепись.

— Честное слово. Я завалил экзамен. Поганый был денек, — грустно сказал Мастерс. — Но, охваченный идеей попасть на государственную службу, я пошел на флот. Мне сразу же присвоили офицерское звание. Вот и вся история, Майк… — А вот и моя яичница. — Он взял у официанта тарелку и начал есть.

Взглянув туда, где сидел Лепаж, он поразился количеству пищи, которое тот умудрялся запихать себе в рот и проглотить, видимо, не пережевывая.

Рейнольдс и Карлуччи ушли до того, как он закончил есть.

Он заказал еще чашку кофе и пил его и курил, пока боцман не объявил о перекличке. Он допил оставшийся кофе, раздавил в пепельнице окурок и вышел из кают-компании.

Люди которых он встречал сегодня, казались ему счастливее. Корабль был замечательной штукой. Настоящее маленькое сообщество. Тесное сообщество людей, живущих в ужасно узких каютах. Вы находите в радиолокационной рубке мертвую медсестру, и запах трупа, естественно, распространяется по всему кораблю. Люди не любят жить рядом с трупами. И никому не улыбается мысль о том, что убийца бродит где-то рядом по палубам-улицам их города-корабля. Никому не нравится эта мысль. Шефер положил конец замешательству команды, Шефер, который якобы прыгнул за борт. Вместе с ним исчез и запах трупа. Город избавился от убийцы.

Команда, думающая одинаково, возможно, сейчас любила Шефера больше, чем тогда, когда он был жив. Шефер поднял завесу. Он избавил их от ограничений. Они могли ходить по девкам. Они могли посещать дешевые, тускло освещенные танцплощадки. Или могли просаживать свое жалованье в многочисленных тирах. Они могли сделать себе татуировки или заказать себе костюм. Или тратить свое время и деньги многими другими способами, которые по-настоящему не приносили большого удовольствия.

Но перестанут ли они когда-нибудь сомневаться в том, что Шефер на самом деле задушил сестру? Интересуется ли когда-нибудь обычный гражданин методами полиции? Если насильник держит в страхе всю округу, а полиция заявляет, что они его поймали, продолжают ли люди проводить ночи без сна? Нет, они чувствуют облегчение.

Команда тоже чувствовала облегчение. Кругом были улыбки. Посвистывание. Матросы ругались всегда, но сегодня особенно забористо. Все, как прежде.

Почти.

Все не могло быть, как прежде, если кто-то, Джоунс или Дэниелс, был убийцей. Все не могло быть, как прежде, если это так.

И всем, кроме меня, наплевать, подумал Мастерс.

Чарльз Стентон Мастерс, защитник невинных, поборник справедливости.

Чарльз Стентон Мастерс, идиот первого класса.

Не надо было мне вообще с постели вставать сегодня.

Коломбо, старшина первого класса, протянул Мастерсу список для переклички. Он был высоким и худым и всегда выходил на перекличку ясноглазым и улыбающимся. Мастерс завидовал его свежему виду. У него самого по утрам так не получалось. Отделение связи, состоящее из радистов, операторов радара и гидроакустической установки, сигнальных и еще вдобавок старшин-рулевых, выстраивалось каждое утро на пятачке между кормовым спальным отсеком и поручнями. Они стояли лицом к морю и неизменно смотрели мутным взором. Мастерс и Коломбо стояли лицом к ним. Иногда по утрам, когда Мастерс маялся похмельем так, что не мог читать список, Коломбо его заменял. У Коломбо никогда не было похмелья.

Неподалеку от них, между кормовыми орудиями, выстроился орудийный расчет. Сейчас повсюду на корабле матросы стояли перед своими офицерами, проводящими перекличку.

В дополнение к перекличке офицер обычно сообщал своим подчиненным разную информацию, касающуюся распорядка дня на корабле. Например, он говорил им, что в полдень будет проверка или он хотел, чтобы все в его подразделении сегодня подстриглись. Или что в 15.00 будут выдавать жалованье. Или что все должны сидеть на корабле, потому что в радиолокационной рубке нашли мертвую медсестру. Что-нибудь в этом роде. Ибо жизнь моряка — это не только подъем утром и выполнение своих обязанностей. На корабле

есть люди, которые подробно объясняют тебе, как их нужно выполнять. Мастерс был одним из таких людей.

Этим утром все было, как обычно. Он равнодушно зачитывал имена своих подчиненных, и каждый в своей собственной манере отвечал ему. Вариации были самые разные: "я", "тут", "присутствует", "в наличии" и в редких случаях "здесь". Джоунс откликнулся на свое имя "в наличии" — это был самый крутой ответ. Матрос быстро усваивал, что "здесь" было ответом, подобающим лишь новичкам, только что из учебки. Перекличка прошла без сучка, без задоринки. Все присутствовали, и все были учтены. Люди, ссутулившись, слонялись по палубе, переговаривались, пока боцман не прогудел в свою дудку и не объявил об уборке.

Люди рассыпались в стороны. Коломбо не спешил. Он был старшиной первого класса. Старшине первого класса не подобало торопиться.

Мастерс был старшим лейтенантом. Поэтому он вернулся в свою каюту посмотреть, что там еще, черт возьми, по плану на сегодня. Сегодня был последний день для подачи списков на присуждение очередного звания. Список уже отпечатали, но сегодня был последний день перед отправкой, когда можно внести дополнения. Он уже подал свои предложения по старшинам и подумал, что было бы неплохо представить к повышению кого-нибудь из младших матросов. Он прокрутил в голове несколько фамилий и записал их. Решил, что отнесет список командиру, оставит у писаря, а потом сойдет на берег, чтобы позвонить Джейн. Он прошел вдоль левого борта к среднему проходу и свернул к каюте командира. Прислонился к косяку и заглянул внутрь.

Пери Дэниелс печатал, сидя за столом.

— Привет, Дэниелс, — сказал Мастерс.

Дэниелс не поднял головы, пока не допечатал до конца строки и не перевел каретку. Только после этого он посмотрел на вошедшего.

— О, здравствуйте, сэр. Что я могу для вас сделать? — Он отодвинул стул и подошел к перегородке.

— Я хочу добавить несколько имен к списку. Младших матросов — на матросов.

— Я сделаю это, сэр, — кивнул Дэниелс.

— Вы, наверное, сейчас очень заняты здесь, Дэниелс?

Писарь в упор посмотрел на Мастерса.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Сейчас, когда Шефер погиб.

— А-а.

— Рук не хватает?

— О Брайен очень помогает, сэр. Он новичок, но, может быть, сегодня будет назначен младшим матросом. Он хороший парень.

— Так, значит, легко обходитесь без Шефера?

— Я не говорил этого, сэр.

— Вы хорошо ладили? Ты и Шефер?

— О, да, сэр. Мы никогда не ругались. Конечно, я и предположить не мог, что это он убил сестру. Он казался таким славным парнем, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Никогда не скажешь по человеку.

— Нет, никогда.

— Я позабочусь об этом списке, сэр. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь, Дэниелс. А ты не беспокойся об Уилмингтоне.

Дэниелс слегка приподнял брови. Он моргнул и сказал:

— Что, сэр?

— Мы думаем, что парень, который сказал, что видел тебя там, врет, — продолжал Мастерс, импровизируя.

— Кто-то сказал, что видел меня в Уилмингтоне, сэр? — его лицо побелело как мел, и он не сводил глаз с Мастерса.

— Да, — сказал Мастерс.

— Кто? Я имею в виду, кому надо было говорить такое?

— А что? Какое это имеет значение? Ничего преступного в том, чтобы поехать в Уилмингтон, нет. Или есть?

— Нет, черт побери, нет. Но с чего бы мне вообще ездить в такую даль?

— В какую даль, Дэниелс?

— В Уилмингтон.

— Я думал, ты не знаешь, где он, Дэниелс.

— Не знаю, — сказал Дэниелс, облизывая губы. — По-моему, где-то на севере. Да?

— Да, — задумчиво проговорил Мастерс.

— Мне незачем ездить туда.

— Теперь нет.

— Что, сэр?

— Проехали, Дэниелс. Послушай, можно мне войти и взглянуть на несколько личных дел?

Дэниелс заколебался.

— Ну, конечно, если вы хотите. Мне… мне самому кое-что надо сделать. Вы пока здесь побудете — я не буду закрывать дверь.

Мастерс поднял крышку стойки и зашел за нее. Дэниелс прошел мимо него и уже был в дверях, когда Мастерс ухватил его за руку.

— Ты ведь знаешь, где находится Уилмингтон?

— Нет, сэр, не знаю.

— Приговор Шеферу уже приведен в исполнение. Тебе можно больше не врать.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, сэр.

— Так ли?

— Нет, сэр. Извините, мне нужно кое с кем увидеться.

— Конечно.

— Я скоро вернусь. Все ключи, которые вам могут понадобиться, здесь на доске.

— А ключ от радиолокационной рубки тоже здесь?

— Ну да, этот ключ тоже…

— Хорошо, Дэниелс, иди.

— Я был бы очень признателен, если бы вы дождались меня. Я на минутку.

— Куда ты идешь, Дэниелс?

— Я… я одолжил одному парню свою перьевую ручку, а он мне ее не вернул. Хочу забрать ее, пока он не забыл и не решил, что она его.

— Понятно. Ты проследишь за моими назначениями.

— Да, сэр.

— У тебя самого что?

— Вы имеете в виду, с назначением?

— Да.

— Я еще не видел список писарей. Арнехт — главный писарь — не любит показывать нам его до отправки. Я видел списки всех подразделений. Но он прячет от нас наши назначения.

— Понятно.

— Мне можно идти, сэр?

— Двигай.

Мастерс наблюдал за Дэниелсом, как тот прошел по коридору и свернул на корму. Он постоял в дверях, размышляя, почему Дэниелс врал об Уилмингтоне. Он наверняка врал, никаких сомнений. Дэниелс — тот человек? Тот негодяй, который провел ночь с Клер Коул где-то в Уилмингтоне? Он задушил ее в радиолокационной рубке? Он сбросил Шефера за

борт? Нет, он не походил на убийцу. Но и Джоунс тоже не походил, уж если на то пошло. В конце концов, как должен выглядеть убийца? Бегающие глаза, безвольный рот, хищный нос? Чушь собачья.

Мастерс хмыкнул и открыл ключом шкаф с личными делами всех матросов корабля. Он еще раз просмотрел папку Шефера, находя подтверждение тому, что видел раньше. Да, Шефер пытался поступить в школу взрывников-подводников. Этот факт ничего не менял. Он продолжал листать дело. Писарю в то время было 22 года. Это, вероятно, был просчитанный ход, чтобы не попасть в пехоту. Он продолжал переворачивать страницы. В конце папки отчет комиссии по расследованию подводил итог морской карьере Шефера.

Мастерс вздохнул и стал просматривать личное дело Джоунса, оператора радара. Ничего необычного. Никогда не отлучался с корабля без разрешения. Никогда не сидел на "губе". Идеальный матрос.

Мастерс усмехнулся и захлопнул папку. Он перебрал остальные дела и вытащил папку Пери Дэниелса. Быстро просмотрел типовые сведения, которые приводятся во вступлении, и уже был готов перевернуть страницу, когда его взгляд остановился на одном пункте. Женат.

Он еще раз нашел напечатанную строку. Женат. Да, именно так. Пери Дэниелс был женат.

Так, одну минутку, подожди одну минутку.

Разве он не спрашивал Дэниелса об этом? Разве не задавал ему этот вопрос, когда первый раз беседовал с ним? Разве он не произносил этих слов: "Ты женат, Дэниелс?”

И разве Дэниелс не ответил: "Нет"?

Конечно, ответил. Но в деле значилось, что он женат. В деле значилось, что каждый месяц жене Дэниелса шли отчисления из его жалованья. Тогда какого черта…

Жена Дэниелса жила в Уилмингтоне? Поэтому он врал, что не знает такого города или что вообще не женат? Знал ли он о свидании с погибшей сестрой в Уилмингтоне? Знал ли он это и продолжал лгать, чтобы не попасть в беду?

Откуда еще он мог знать, если только…

Так, подожди, Мастерс. Подожди минуту. Прежде чем делать поспешные выводы, посмотри, куда отправляют этот чек. Он внимательно проверил. Отчисления шли по адресу в Северной Дакоте, миссис Пери Дэниелс.

Ладно, его жена не живет в Уилмингтоне. Давай начнем отсюда.

Давай возьмем роман с Клер Коул. Ты допускаешь это, Мастерс? Да. Кто-нибудь знает о романе? Нет, никто не знает. Зачем тогда лгать об Уилмингтоне?

И зачем лгать, что не женат?

Кто-нибудь на корабле знает, что Дэниелс женат? Естественно, знает тот, кто переводит деньги. Лейтенант Дейв Берсон. Он знает, что Дэниелс женат. Но знает ли кто-нибудь из матросов?

Так, что сказал Дэниелс? Он предпочитает быть одиноким волком на берегу. Это сходится. Если женатый человек собирается погулять, он не захочет, чтобы каждый на корабле знал об этом.

Это все еще не объясняло вранье насчет Уилмингтона. Если только не делать очевидный вывод, что свидание было с Клер Коул, обвиняющий факт, который сразу укажет на Дэниелса.

Упоминала ли Клер Коул что-нибудь о романе с женатым человеком? Говорила ли она об этом Джейн? Если она хоть что-нибудь сказала, просто обронила что-нибудь, что-то, что можно было бы сейчас понять иначе?

Если ему был нужен повод, чтобы позвонить Джейн, теперь он у него был. Дэниелс — скрытный негодяй. Это тоже сходится. И это предполагает возможный мотив. Может быть, она угрожала рассказать все жене? Подожди минуту, не торопись с выводами. Может быть, она ничем не угрожала. Может быть, ему не понравилось, как у нее губы были накрашены в тот день. Или она сказала что-то, что обидело его. Помни, что она была офицером, а он простой матрос. Это может иметь отношение к делу, если Дэниелс тот человек.

А если Дэниелс не тот, почему он врал?

Это стоило проверить. Это стоило проверить быстро. Он положил папку обратно в шкаф и вышел из комнаты. Пусть Дэниелс сам беспокоится о своей собственности. Это его головная боль.

Мастерс проходил по среднему коридору по направлению к сходням, когда заскрежетал громкоговоритель.

"Внимание, внимание! Всем офицерам немедленно пройти в кают-компанию. Всем офицерам немедленно пройти в кают-компанию!"

Мастерс с досадой щелкнул пальцами и подошел к Данели, который нес вахту.

— В чем дело, Джек? — спросил он.

— Понятия не имею. Старик решил всех собрать несколько минут назад. Велел мне объявить об этом сразу же.

— Черт бы его подрал!

— Тебе лучше пойти туда. Старику не терпится.

— Ему всегда не терпится.

Он с тоской посмотрел на сходни. Придется позвонить Джейн позже. Он покачал головой и быстро пошел в кают-компанию. Вошел в нее без стука. Некоторые из офицеров уже были там. Мастерс боком пробрался к Рейнольдсу и спросил:

— В чем дело, Майк?

— Спроси кого другого. Может, проверка качества уборки или еще что-нибудь.

— Это на него похоже, — сказал Мастерс.

— Послушай, ты никогда не был командиром. Ты не знаешь, что это такое.

— Ну, ты-то уже много лет командуешь Атлантическим флотом, — согласился Мастрес.

— Иди к черту!

Они ждали, пока все соберутся.

Наконец дверь открылась и вошел капитан Гленбурн. Его глаза были очень серьезными.

На нем были серые брюки и рубашка, расстегнутая у горла, серебряные кленовые листья блестели на воротнике.

— Вольно, господа, — сказал он, — присаживайтесь.

Офицеры заняли свои места.

Капитан продолжал стоять во главе стола, упершись в него руками.

— Я буду краток, господа. Нас переводят в судно радиолокационного дозора.

Мастерс поднял глаза.

— Именно то, что я сказал, господа. Судно радиолокационного дозора. Некоторые из вас могут не знать этот термин, поэтому я объясню. Корабль радиолокационного дозора ведет разведку впереди основных сил в радиусе от 10 до 75 миль. Он образует сплошной экран, используя радар. Мы применяем такие корабли в Арктике в качестве дополнения к нашему радиолокационному экрану земного базирования. Вот так.

Офицеры молчали. Гленбурн откашлялся и наклонился над столом.

— Что это для нас значит? Это означает, что наше торпедное вооружение будет полностью снято и за счет этого усилено радиолокационное вооружение. Число операторов радара, радистов и офицеров связи будет удвоено в течение последующих нескольких недель. — Он посмотрел на Мастерса. — Это значит, что у тебя теперь будет очень много дел, Чак.

Мастерс кивнул:

— Да, сэр.

— Мы направляемся в сухой док сегодня в 11.00. Сразу же на корабле начнется работа. Я считаю, это удобное время, чтобы предоставить людям отпуска. Командиры подразделений должны предоставить графики отпусков к 15.00. В твоем списке, Мастерс, не

должно быть ни одного оператора радара.

Мастерс нахмурился.

— Почему, сэр? Я хочу…

— Я объясню это тебе, когда все уйдут. Я не хочу задерживать остальных. — Он посмотрел на часы. — Готовность в 10.00. Ты назначишь дозорных, Майк.

— Есть, сэр.

— Вопросы есть? — Старик подождал. — Тогда — за дело. Если ты останешься, Чак, мы с тобой обсудим детали.

— Есть, сэр, — ответил Мастерс. Он оставался сидеть, пока все другие офицеры не вышли из кают-компании.

Гленбурн достал пачку сигарет и предложил Мастерсу. Тот взял сигарету и закурил.

— Значит, так, Чак. Наши новые операторы и несколько человек, окончивших обучение по созданию радиотехнических помех, — уже на пути в Бригантину, штат Нью-Джерси.

— Куда, сэр?

— Бригантина — это маленький островок недалеко от Атлантик-сити. У ВМС там есть специализированная радиолокационная школа. Этот перевод, Чак, означает особую тактику в работе и офицеров, и рядовых. Пополнение прибудет вместе с новыми офицерами связи, ты с ними познакомишься в школе.

— Когда, сэр?

— Ты отправишься, как только будут готовы твои бумаги. Это не займет больше получаса. Поэтому-то я и не хотел, чтобы ты включал своих операторов в список отпускников. Они все поедут с тобой.

— Им это не понравится.

— Обойдутся, — отрывисто сказал Старик. — Лучше начинай упаковывать вещи, Чак.

— Я бы хотел на минуту спуститься на берег. Я думал…

— Боюсь, это подождет.

— Есть, сэр. Это все?

— Еще одно, Чак.

— Что именно, сэр?

— Эта убитая медсестра.

— Да, сэр.

— Ты хороший офицер, Чак. Один из лучших на корабле. Когда придет время писать отчет о соответствии занимаемой должности, ты, можешь быть уверен, получишь хороший отзыв.

— Спасибо, сэр.

— Но я слышал разговор, который мне не понравился, Чак. О медсестре. И о тебе.

— Я не понял, сэр.

— Может быть, это всего лишь слухи. Если это так — что ж, давай забудем об этом. Если нет — я должен сказать тебе, что мне это не нравится. Все выяснили, Чак. С меня наконец слезли, и я хочу, чтобы все оставалось так, как есть.

— Даже если не тот человек…

— Вот об этом я и говорю, — сказал Гленбурн, гневно рубя воздух рукой. — Вот именно эти разговоры. Послушай, Чак, медсестру убил Шефер. Запомни это. Ее убил Шефер, и он покончил жизнь самоубийством, когда понял, что ему не выкрутиться. Это установленные факты. И это те факты, которые мне нужны.

— Вы имеете в виду, что у вас все-таки есть сомнения.

— Нет, у меня нет никаких сомнений. Заключение Федерального бюро расследований вполне меня устраивает. Если они сказали, что это сделал Шефер, значит, так оно и есть. Я удовлетворен. Ты понял, к чему я клоню?

— Думаю, что да.

— Отлично. Я не хочу ворошить пепел. Я не хочу, чтобы эта чертова история снова

повторилась. Командующий эскадры наконец-то остыл и пригласил меня на прием на следующей неделе. Если он услышит разговоры, что дело все еще открыто, когда оно должно быть закрытым… Ну, я просто не хочу, чтобы он слышал подобные разговоры.

— Даже если это правда, сэр? — спросил Мастерс.

— Черт возьми, это неправда. Медсестру убил Шефер.

— Хотел бы я в это верить, сэр.

— Тебе, черт возьми, лучше начать в это верить, Мастерс, и поскорее! — Гленбурн замолчал, взяв себя в руки. — Может быть, эта поездка в Атлантик-сити прочистит тебе мозги.

— Может быть, сэр.

— Ты будешь чертовски занят, Чак. Я тебе уже говорил это. У тебя не будет времени играть в детектива.

— Понятно, сэр.

— Поэтому выкинь всю эту чушь из головы.

— Есть, сэр. Я попытаюсь.

— Нечего пытаться. Выкинь, и все.

— Есть, сэр.

— Пойми, Чак… — Гленбурн остановился.

— Да, сэр?

— Пойми, по моему мнению, справедливость восторжествовала.

— Я понимаю, сэр.

Гленбурн рассматривал кончики пальцев.

— Это… Ах, да, на берег. Ты сказал, что хотел спуститься на берег на минуту.

— В общем, да, сэр.

— Девушка?

Мастерс поколебался.

— Да, сэр.

— Понятно. — Гленбурн кашлянул. — Немного отвлечься — это то, что тебе нужно. Занять голову другими делами.

— Может быть, сэр.

— Ты собирался на свидание к этой девушке?

— Да, сэр. Я надеялся. До вашего сообщения, конечно.

— Вероятно, весь твой личный состав до завтра не доберется до Бригантины.

— Да, сэр?

— Да. Я думал, что тебе имеет смысл приехать туда первым, чтобы познакомиться с обстановкой. — Гленбурн секунду подумал. — Но если эта девушка отвлечет тебя от убитой медсестры… — Он помолчал. — Как ты думаешь, она сможет это сделать, Чак?

Мастерс улыбнулся этой попытке шантажа.

— Сможет, сэр.

— Тогда мы отложим вашу поездку до завтрашнего утра. Дадим немного времени собрать все необходимые бумаги для тебя и твоих подчиненных. Нет смысла торопить канцелярию. У них и так полно работы с этими новыми назначениями да еще с отпусками. Как, Чак? Дадим тебе возможность повидаться с твоей девушкой?

— Я бы хотел этого, сэр. Спасибо.

— Не за что, — ответил Гленбурн. — Тебе просто нужно немного отдохнуть. — Он по-отечески улыбнулся. — Небольшой отдых еще никому не помешал, а, Чак?

— Нет, сэр.

— Я всегда слежу, чтобы мои подчиненные регулярно ходили в отпуск. Хорошая политика, не находишь?

— Да, сэр.

Мужчины немного помолчали.

— Это все, что я хотел тебе сказать, Чак.

Мастерс поднялся.

— Еще раз спасибо, сэр, — сказал он, направляясь к двери. Когда он уже взялся за ручку, Гленбурн произнес:

— И еще, Чак.

— Да, сэр.

Гленбурн улыбнулся:

— Отдохни как следует, сынок.

График отпусков и предложения по присуждению очередных званий были вывешены рядом на доске объявлений. Он внимательно их изучил, а затем пробрался через толпу матросов, собравшихся в коридоре.

Подойдя к поручням, он выбросил за борт сигарету и пошел к мостику. Кто-то поприветствовал его на ходу, он не ответил. Его рот сжался в прямую твердую линию, брови насупились.

Вот, значит, как, подумал он. Вот, значит, как все обернулось.

Он был зол, и злость была и на лице, и в походке. Он уселся на один из бомбодержателей и закурил.

Сухой док, подумал он. Сухой док, пока они будут вытаскивать эти чертовы внутренности из корабля. Отлично, просто отлично.

Он снова вспомнил об именах, которые прочитал на доске объявлений. Эта мысль взбесила его, и он с яростью отшвырнул докуренную сигарету. Он сидел около антенны, но не думал о человеке, которого недавно сбросил за борт. Он думал только о своем гневе и офицерах, снующих между рядовыми. От этих мыслей он становился еще злее.

Он сдвинул берет на затылок, резко поднялся и направился на шканцы. Он им покажет. Так поступить с человеком. Он им всем покажет. Тем более прошло уже много времени. Прошло уже много времени, и даже у Мастерса дел будет по горло со всем этим переоборудованием. Его не заподозрят. А имена на доске объявлений — это все, что ему было нужно для того, чтобы приступить к действиям.

Он прошел по проходу в середине корабля, как раз к изолятору.

Дверь в изолятор была открыта, и он увидел Коннели, одного из помощников старшего врача, читающего комикс.

— Принимаешь? — спросил он.

Коннели взглянул на него.

Это был совсем молодой парень с густой россыпью ярко-рыжих веснушек на носу и щеках. У него были светлые зеленые глаза. Он широко открыл их от удивления и сказал:

— Господи, опять ты!

— Я себя нехорошо чувствую.

— Ты себя никогда хорошо не чувствуешь, — сказал Коннели. — Ты проводишь в госпитале больше времени, чем врачи.

— Если бы вы, коновалы, с самого начала правильно лечили, — проскрипел он недовольно, — я бы так часто к вам не ходил.

— Ладно, что у тебя на этот раз? — Коннели встал и сунул комикс на одну из полок. — Триппер или что?

— Не остри, Коннели. Мне кажется, у меня поднялась температура.

— Сейчас проверим, — устало произнес Коннели. Он достал термометр из стакана со спиртом и насухо протер кончик ватой.

— Ты видел списки, которые они вывесили?

— Какие списки?

— Отпуска и звания. Оба. Может, тебе что перепало?

— Ты не шутишь? Не обманываешь?

— Какие могут быть шутки? Пойди взгляни.

— Сейчас. На возьми, засунь в рот. Три минуты. Я к этому времени вернусь. Отпуска и

звания. Господи! — Коннели протянул термометр и выбежал из каюты.

Он дождался, пока Коннели скроется из виду, и зажал термометр в ладони, наблюдая за тем, как поднимается серебряный столбик ртути. Он вынул из кармана рубашки спичечный коробок, зажег одну спичку и подержал ее под кончиком термометра. Дал ртути подняться до 103 градусов и задул спичку. К тому времени, как Коннели вернется, она, вероятно, немного опустится. Может, надо было догнать до 104? Нет, к черту! При 104 человек, наверное, умирает.

Он подождал, пока термометр немного остынет, и засунул его обратно в рот. Через тридцать секунд Коннели ворвался в каюту.

— Боже, приятель, — воскликнул он с восторгом. — Мне дали второй класс! И отпуск через две недели! Вот это да, братец!

Он кивнул Коннели, и помощник врача, казалось, внезапно вспомнил о термометре. Он подошел, взял тонкую стеклянную трубочку большим и указательным пальцами и внимательно посмотрел.

— Господи, — сказал он.

— Что там?

— 102,8.[2] Ты, видать, действительно болен.

— А ты думал, я симулирую?

— Нет. Мы отправим тебя в госпиталь. Это, наверное, лихорадка или еще какая-нибудь зараза.

— Опять госпиталь, — застонал он. — Господи, человек не может…

— Второй класс! — повторял Коннели, все еще не в силах поверить. — И отпуск через две недели! — Он замолчал и обернулся: — Эй, а у тебя-то как?

— Все нормально. Послушай, если мы едем в госпиталь, то давай отправляться. Мне чертовски хреново.

— Конечно конечно. Я переговорю с шефом. Ты ведь идти можешь? Носилок или "скорой" не надо?

— Иди, разговаривай с шефом.

…Вечером по пути на среднюю палубу, спеша на свидание с Джейн Дворак, Мастерс проходил мимо списков, вывешенных на доске объявлений. Он подошел поближе, чтобы посмотреть повнимательнее. Пробежал глазами первый список, затем второй.

Джоунс был переведен в операторы второго класса. Он кивнул, вспоминая, что одобрял это уже давно. Поискал в этом списке имя Дэниелса. Его там не было. Писарь по службе не продвинулся. В графике отпусков значилось, что Дэниелс уходит в отпуск через три недели. Имени Джоунса в графике не было вовсе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В эту ночь была луна. Она протягивала длинные желтые пальцы неровного света к воде залива. Они стояли у поручней катера, глядя на блестящую поверхность, прислушиваясь к мягкому плеску волн о борта, к глухому перестуку старомодных гребных колес.

— Вот что называется выходным за работой, — сказал Мастерс.

— Все равно замечательно, — ответила Джейн. — Лучше, чем старый душный кинотеатр.

— Несравнимо, — согласился Мастерс. — Тебе идет лунный свет.

— Это из песни, она так и называется.

— А разве не из самых популярных песен берутся клише для выражения искренних

[2] В США пользуются температурной шкалой Фаренгейта. 102,8° по Фаренгейту соответствует 39,3° по Цельсию.

чувств?

— Как ты очутилась в ВМС, Джейн?

— Я думала, сегодня вечером мы не будем их обсуждать.

— Как ты очутилась в том, о чем нельзя говорить?

— Ты говоришь, как Хэмингуэй.

— Спасибо. Ну так как?

— Мне нравится работа медсестры. А на флоте нужны были сестры. Так я здесь и оказалась.

— В Норфолке, — Мастерс грустно покачал головой. — Им следовало послать тебя в какой-нибудь город получше.

— Норфолк не так уж и плох.

— Но и не хорош. Это большая разница. — Он помолчал. — Конечно, я рад, что они отправили тебя в Норфолк.

— Рад?

— Я бы не встретил тебя, если бы тебя сюда не назначили. — Он заметил ее смущение и добавил: — Извини, я все время забываю, что ты краснеешь от комплиментов.

— Нет, дело не в этом.

— А что тогда?

— Ничего. — Она внезапно подняла глаза. — Как ты очутился на флоте, Чак?

— Я думал, что все американские парни, в чьих жилах течет красная кровь, рано или поздно идут служить на флот.

— Нет, серьезно.

— Я считал, что это неплохая карьера.

— Больше ты так не считаешь?

— Сейчас я не уверен, — сказал он серьезно. — После того, что произошло с…

Она его осторожно перебила:

— Тс-с. Никаких разговоров об этом. Помнишь?

— Конечно, извини.

— Ты действительно считаешь, что была совершена несправедливость? — спросила она через некоторое время.

— Я думал, мы не будем говорить об этом.

— Почему это так беспокоит тебя, Чак?

— Не знаю. Боюсь, я шизофреник. Одна половина меня говорит: "Забудь об этом", другая половина настаивает: "Двое человек убиты, и убийца на свободе". Какую половину я должен слушать?

— Ты действительно считаешь, что смерть Шефера была убийством?

— Да.

— И ты все еще думаешь, что это сделал один из этих двоих? Как их имена?

— Дэниелс и Джоунс. Пери Дэниелс и Альфред Джоунс.

— Ты думаешь, один из них виновен?

— Да.

— У тебя нет никаких сомнений? Ты действительно веришь этому?

— Да.

— Тогда доведи дело до конца.

— Будет трудно сделать это. Утром я уезжаю в Нью-Джерси.

— Да?

— В радиолокационную школу.

— Да-а? — сказала она еще разочарованней.

— И Старик заставляет меня забыть это, и помощник капитана. Какой смысл плевать против ветра? Почему бы мне не оставить все в покое? Только…

— Что, Чак?

— Клер когда-нибудь упоминала, что ее таинственный возлюбленный женат?

— Женат? Во всяком случае, я не помню. А что?

— Пери Дэниелс женат, судя по его личному делу. Он сказал мне, что холост. Какого черта он сделал это, если ему нечего было скрывать? Я имею в виду, это могло быть еще одной причиной, чтобы держать все в секрете, — кроме этого очевидного аспекта "офицер — рядовой". Понимаешь, это может быть мотивом. Женатому гораздо больше терять, чем холостому. Я хочу сказать, если любовница вдруг сделалась упрямой. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Да, конечно. Но она никогда не упоминала об этом. Во всяком случае, я не помню.

— Она, возможно, и не сказала бы об этом, даже если бы знала. А она могла и не знать. А может быть, она вначале не знала, а потом выяснила — это могло оказаться причиной. — Он замолчал. — А может, я совершенно не прав.

— Нет, все, что ты говоришь, звучит абсолютно правдоподобно.

— Да, но каким образом… Почему я не заткнусь и не поцелую тебя?

— Мне самой это интересно, — сказала она мягко и подалась к нему.

Он был знаком с больничным распорядком. Коннели привел его в приемный покой, санитар записал его имя, звание и личный номер. Коннели безразлично сообщил ему всю необходимую информацию, обычное дело.

— О’кей, приятель, — заключил он, — как говорят штатские, выздоравливай побыстрей.

— Спасибо.

Коннели ушел, санитар оглядел пациента с "Сайкса" и сказал:

— Иди за мной. Забери свой бушлат и мешок.

Он пошел за санитаром в комнату в конце коридора.

— Можешь оставить свой бушлат здесь, приятель.

— Никто не украдет?

Санитар пожал плечами.

— В чем дело? Ты нам не доверяешь?

— Я никому не доверяю.

— Ты все равно должен его здесь оставить. Таковы правила.

— Знаешь что сделай со своими правилами…

— Послушай, ты…

— Ладно, ладно, — сказал он. Занес бушлат в комнату и повесил на крючок рядом с другими синими куртками.

— Сейчас возьмем тебе пижаму. Иди за мной.

Он шел за своим провожатым по пахнущим дезинфекцией коридорам госпиталя.

— Лучше сходи в туалет до того, как я тебе твою кровать покажу, — посоветовал санитар. — Потом будешь на судно ходить. А что с тобой вообще?

— Говорят, катаральная лихорадка.

— В туалете можешь и переодеться. У тебя есть какие-нибудь ценные вещи, которые ты хочешь сдать?

— Я с собой их возьму, спасибо.

— А ну да, верно, ты ведь никому не доверяешь.

— Даже родной маме.

— Так нельзя, приятель. Мне тебя жаль.

— Ты давно на флоте? — спросил он санитара.

— А что?

— У меня воровали все — от трусов до шнурков из ботинок.

— Но это же госпиталь. Мы жалеем больных.

— Я знавал парня, у которого сперли его форму, пока он лежал с пневмонией.

— У тебя пневмония?

— Нет.

— Так что ты переживаешь? Вот твоя кровать.

Он заглянул в дверь.

— Отдельная палата? — спросил он счастливо.

— Да, ты заслужил.

— Как так?

— Отделение переполнено. К тому же эту освободили только что. — Санитар сделал паузу. — Парень, который ее занимал, неожиданно концы отдал. Ничего более странного не видел. Поступил с пустяковой болячкой и внезапно умер.

— А что у него было?

— Катаральная лихорадка, — печально сказал санитар. — Спи крепко, приятель.

Он вошел в комнату улыбаясь. Он не ожидал отдельной палаты. Непредвиденная удача вдохновила его. Он повесил вещмешок на спинку кровати, вынул оттуда бумажник и засунул его между подушкой и наволочкой. Потрогал рукой матрац, довольный его мягкой упругостью, накрахмаленными белыми простынями. Это здорово отличалось от его койки на корабле. Лучше больницы ничего быть не может. Глазунья и гренки завтра утром, апельсиновый сок. Да, это было замечательно.

Он снял покрывало и забрался в постель. Вначале, конечно, придется притвориться больным. У него на самом деле однажды была катаральная лихорадка, так что он знал, какие симптомы изображать. Нехорошо, если его заподозрят в симуляции. Горло воспалится, если пожевать табак. Этим можно было заняться с тем же успехом и сейчас. Он залез в свой мешок, достал пачку сигарет, разломил одну. Он знал, что никотин яд, но не собирался жевать много. Он положил немного табака на язык, сморщившись от горечи, протолкнул табак в горло, чуть не подавившись, а затем сплюнул на ладонь. Он начал кашлять, специально напрягая горло, чтобы оно было красным, когда его будут осматривать врачи. Он еще не знал, как поднимет температуру, но он что-нибудь придумает. Тлеющая сигарета в пепельнице, какая-нибудь уловка, чтобы выдворить сестру из палаты, — справится. Раньше получалось, почему бы не получиться и на этот раз.

Он был очень доволен тем, как все шло. В прошлый раз Шефер его засек. Но тогда они были в общей палате. Сейчас у него была отдельная, и это значит, что он будет наедине с любой сестрой, которую ему дадут. Очень редко он встречал женщину, которая бы его совсем не привлекала. Так что он не боялся, что ему не понравится сестра. Женщины интересны в этом плане. Если у них физиономии так себе, то фигуры хорошие. И наоборот. Клер была исключением. Хорошенькая, с упругим телом. Не имело смысла о ней больше думать. Если уж совсем страшилище попадется, придется пострадать. Он лежал в кровати, улыбаясь и предвкушая первую встречу с любой медсестрой, которую ему дадут.

Конечно, в Норфолке были потаскухи. Бог свидетель, в Норфолке был миллион потаскух. Но в тот день, когда он заплатит одной из них, он себе руку откусит. Были, конечно, на базе и женщины-военнослужащие, но они всегда окружены рядовыми и сержантами. Нужно было отшить человек десять, прежде чем к ней подберешься.

Медсестры — самый хороший вариант. Конечно, медсестры были офицерами и, являясь таковыми, предназначались строго офицерам. Это было дурацкое правило: никаких неуставных отношений с вышестоящими по званию. Господи, это правило противно человеческой природе. Что должен делать мужчина? Что он может поделать, если у него нормальные человеческие аппетиты? Конечно, он ничего не может сделать. А попробуй сказать об этом начальству, просто попробуй объяснить им это.

Ну, в этом смысле он был очень ловким. Он был уверен в своей привлекательности и знал, что главное познакомиться с девушкой, — остальное шло как по маслу. Иногда ему казалось, что то, что он рядовой, ему даже на руку. Было что-то волнующее в том, чтобы делать запрещенное. Украденное яблоко слаще. Сестры могли иметь каких угодно офицеров. Но он подозревал, что это было скучно. А так — существовала какая-то опасность, девушкам нравится элемент опасности…

— Привет, — сказал голос от двери.

Он снова увидел санитара.

— Привет, — ответил он.

— Принес тебе температурный лист, — сообщил санитар. — Как самочувствие?

— Хреново.

— А ты не выглядишь хреново.

— Да? А какое тебе дело до моего самочувствия?

— Никакого. Я просто не доверяю людям, особенно с катаральной лихорадкой.

— Ты что, врач?

— Нет.

— Тогда нечего ставить диагнозы. Кроме того, я тоже недоверчивый, помнишь?

— Конечно, помню. — Санитар подошел и повесил на спинку кровати свежий лист.

— Ты ведь здесь был раньше?

— Да, — ответил он медленно.

— Мне кажется, я тебя узнал.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Я смотрю, ты болезненный.

— Точно. Я болезненный.

— М-м-м, — промычал санитар, кивая.

— Когда врач делает обход?

— Можешь расслабиться. Он уже сделал все обходы сегодня. Он не придет до завтрашнего утра. Если только, конечно, ты умирать не начнешь. Ты не умираешь?

— Нет, — ответил он.

— Я так и думал. Я тут, правда, слышал недавно, как ты подавился, и подумал, что ты уже готов сыграть в ящик. Если хочешь, чтобы я привел тебе доктора, я буду счастлив сделать это.

— Я могу подождать до утра.

Санитар улыбнулся.

— А то я не знал.

— Если ты закончил, я бы хотел отдохнуть.

— Ну, конечно, — сказал санитар улыбаясь. — Я должен дать больному человеку отдохнуть. Но ты же понимаешь, что я должен был принести тебе температурный листок. Без него мы не можем отличить больного от симулянта.

— Ты что, нарываешься на неприятности? — спросил он неожиданно.

— Я? Выбрось это из головы.

— Тогда катись отсюда к черту.

— Конечно. — Он покачал головой. — Для больного ты разговариваешь слишком круто.

— Я не настолько болен, что не могу…

— Спокойной ночи, приятель. Спи крепко.

Санитар вышел из комнаты, и он смотрел, как его широкая спина в синем форменном халате завернула за дверь и исчезла. Он послал негодяя подальше, откинулся на подушку и подумал, не причинит ли ему этот выскочка каких-нибудь неприятностей. Ему только обвинений в симуляции не хватало. Это верная "губа". Если не трибунал. Черт возьми, почему только людям надо вечно совать нос в чужие дела?

Когда он снова услышал шаги, он подумал, что возвращается санитар. Но затем узнал приглушенное шарканье тапок, которые обычно выдавались больным.

Парнишка робко просунул голову в дверную щель. Он был высоким, темноволосым и голубоглазым. Ребенок не старше 18 или 19.

На нем был выцветший голубой больничный халат и тряпичные тапки.

Лицо было бледное, как будто бы он долгое время не видел солнца.

— Ты только что поступил? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Гиберт. Ты болеешь?

— Я ведь в госпитале.

Гиберт зашел в палату.

— Не возражаешь, если я войду?

— Ну…

— Я официальный встречающий комитет. Я здесь уже восемь месяцев. Вижу всех, кто приходит и уходит. Меня здесь зовут Ветеран Гиберт. А я тебя, кажется, здесь раньше видел.

— Может быть, — ответил он. Черт побери, весь госпиталь прямо-таки кишит шпионами.

— Как тебя звать? — спросил Гиберт.

— Тебе какое дело?

— Просто хочется знать.

— На листке написано, — сказал он враждебно.

Гиберт быстро посмотрел на листок.

— Что у тебя?

— Катаральная лихорадка.

— Везет.

— Почему?

— Я здесь уже восемь месяцев, и они до сих пор не знают, что со мной.

— Да?

— Честное слово. Меня осмотрели практически все флотские врачи. — Гиберт пожал плечами. — Ничего не могут понять.

— Ты заразный? — внезапно спросил он.

— Не-е, об этом не беспокойся. Вначале они тоже так думали, а сейчас уже нет. Держали меня в боксе три месяца. Считали, что я разношу какую-то страшную болезнь. Но нет. Они просто не понимают, что у меня.

— Правда? — спросил он, заинтересовавшись.

— Да, — печально сказал Гиберт. — У меня все время температура. 101–102. Выше не поднимается. Но держится постоянно, день и ночь. Такая температура может довести человека, а?

— Могу себе представить. И ты здесь уже восемь месяцев?

— Восемь месяцев и шесть дней, если быть точным. Врачи думают, меня какой-нибудь жук или еще что-нибудь там укусил. До этого я был на Тихоокеанском, на "Коралл Си". Они думают, меня укусил какой нибудь редкий тропический жук. У меня болезнь, неизвестная медицине. Этим гордиться можно.

— И никто больше этим не болеет?

Гиберт покачал головой, немного с гордостью, немного с благоговением.

— Во всяком случае, они не знают. Сперва они думали, я прикидываюсь. Симулирую. Но они не могли не обращать внимания на показания термометра. Каждый день, черт возьми. 101–102. — Гиберт печально покачал головой. — Видать, мне в больнице всю оставшуюся жизнь провести придется. Если они узнают, что со мной, то тогда уж справятся и с раком, и с насморком.

— Здесь, наверное, не очень плохо?

— Совсем неплохо. Много хороших парней, а некоторые сестры так прямо куколки. Одна особенно симпатичная на этом этаже, подожди, увидишь. У нас их четверо, но эта — настоящий персик.

— Да? — спросил он, снова заинтересовавшись.

— Да, сам увидишь.

— У нас здесь больной, Гиберт, — раздался из дверей голос.

Он повернул голову. Санитар снова вернулся.

— О, извини. Я не подумал об этом, Грег.

— Да, он очень болен, — сказал санитар. — Очень, очень болен.
— Тогда я пойду, Грег.
— Я думаю, так будет лучше, — ответил Грег.
— Рад был познакомиться с тобой, приятель, — сказал Гиберт.
— Взаимно, — бросил он.
Грег посмотрел на него и широко улыбнулся.
— Тебе лучше отдохнуть. Утром придет врач.
Он улыбнулся Грегу.
— Конечно, — сказал он. И подумал: и сестры. Сестры тоже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Она стояла в своей комнате перед зеркалом во весь рост, боясь разбудить подругу и пока не собираясь ложиться спать.

Она смотрелась в зеркало так, как будто видела свое отражение впервые. Она чувствовала себя довольно по-идиотски из-за этого ощущения, которое росло внутри нее.

Никогда раньше она не встречала никого, похожего на Чака Мастерса, никогда в своей жизни.

Она родилась на ферме в Миннесоте, обычная фермерская дочь. Единственное только, что ее отец был суровым богобоязненным человеком, который бы не подпустил моряка к своей ферме на четыре мили. Она до сих пор помнила пшеничные поля, тонкие колоски, покачивающиеся на утреннем ветру, голубизну неба и сияние солнца над головой. Девочкой она любила гулять в полях, где колеблющиеся золотые стебли скрывали ее с головой.

Она была замкнутым, необщительным ребенком, Джейн Дворак. Она любила домашних животных и книжки про них. Ее никогда особо не интересовали мальчики. На соседней ферме жил хороший мальчишка по имени Свен. Он часто приезжал вместе со своим отцом. Он скатывался с повозки, и они вместе бегали босиком по полям, залитым солнцем. Тогда они были еще совсем детьми, и она не понимала разницы между мальчиками и девочками.

Когда ей исполнилось двенадцать и у нее начала расти грудь, мать объяснила ей, что с ней происходит. Она до сих пор хорошо помнила мать с золотистыми, как пшеница, волосами и голубыми, как небо, глазами. Ее мать была очень мягкой женщиной, терпеливо сносившей резкость отца. Она до сих пор помнила то огромное чувство утраты, которое она испытала, когда мать умерла. Они похоронили ее в плодородной земле Миннесоты, она тихо плакала, ее сердце навсегда осталось с женщиной, которая была ей самым лучшим другом.

У нее было три брата и ни одной сестры. После смерти матери ей не с кем стало советоваться. Свен все так же продолжал приезжать с отцом, но он уже воспринимал ее как девушку. Когда он спрыгивал с повозки, он стоял некоторое время, ничего не говоря и по-дурацки ковыряя землю большим пальцем.

Она предпочитала Свену свои книги.

Она перешла в старшие классы и считалась уравновешенной, прилежной девочкой. Ей предложили вступить в женскую организацию, но она отказалась. Ее часто приглашали на свидания, но она редко принимала приглашения, хотя мальчишки никогда не переставали делать это. В том, как она держала себя со спокойным достоинством, было что-то удивительно привлекательное.

Если бы она захотела, она стала бы звездой школы, но она не хотела.

Ее мать умерла от рака, и у Джейн навсегда осталось ощущение жестокой несправедливости этой смерти. Ей хотелось заняться чем нибудь полезным. Ее отец был небогат, и она оставила всякую надежду стать врачом. Но работа медсестры была тоже достойной профессией. Она поговорила с наставником в школе, который и посоветовал ей пойти на флот после окончания школы.

Она была хорошей студенткой, и она стала хорошей медсестрой, очень уважаемой в госпитале.

Эта история с Чаком… она не заблуждалась на его счет. Он был первым мужчиной, который действительно заинтересовал ее. Но она спрашивала себя, действительно ли она любит его или переживает те чувства, которые должна была испытать, когда ей было пятнадцать.

Она снова взглянула на себя в зеркало и начала раздеваться. Сняла китель и пилотку.

Он не был красавцем. Она встречала мужчин и покрасивее, но все они оставили ее равнодушной. Он не был ни умнее, ни искреннее, ни надежнее, ничуть не лучше других, уж если на то пошло. Короче говоря, он просто привлекал ее.

Она сняла блузку и юбку и в одном лифчике и трусиках снова подошла к зеркалу.

Ей казалось, что она была привлекательной женщиной. Ее грудь была не хуже других, что она видела — а она их повидала достаточно с тех пор, как начала работать медсестрой. И если бы она немного поправилась, ее фигура была бы очень даже ничего. Во всяком случае, Чаку, похоже, она нравилась. Или она так вообразила себе.

Вот в этом и была опасность: девушка может позволить своей фантазии увлечь ее. Она встречала множество мужчин на флоте, и похоже, что для каждого из них ее белый халат был символом доступности или, во всяком случае, намекал на это. Она никак не могла этого понять. Она, конечно, слышала истории о женщинах-военнослужащих и о медсестрах, но форма необязательно делала из ее обладательницы гулящую женщину. Она могла побиться об заклад, что форма не имела к этому никакого отношения. Эти девушки, несомненно, вели бы себя точно так же и на гражданке. Клер, например. Хотя о Клер не надо больше думать, упокой господи ее душу.

Думать нужно было о Чаке. Неужели он такой же, как и все? В конце концов, он попытался назначить ей свидание при первой же встрече, и это вряд ли предвещало прочную дружбу. А во второй раз, когда он ее встретил, он был пьян и, наверное, увязался бы за любой юбкой. Она сильно увлеклась им в тот раз. В нем было что-то необычайно привлекательное, но что именно, она не могла понять. Возможно, это было неосознанное материнское чувство, желание защитить несчастного пьяницу. Но все равно, это не объясняло ее реакцию на его поцелуи. Ни одна мать не чувствует себя так по отношению к ребенку.

Ну-ка остановитесь, мисс Дворак, предупредила она себя. Для доблестного лейтенанта это могло быть просто развлечение, маленькое развлечение. И если это действительно так, то он будет очень сильно разочарован.

Не похоже было, чтобы он именно так чувствовал. Хотя сказать трудно. Пока. И если не считать его поцелуев, он был настоящим джентльменом. Джентльмены так не целуются.

Ладно, не будем загадывать. Он некоторое время будет в Нью-Джерси. Кстати, где в Нью-Джерси? Он даже не сказал мне, что тоже показывает, как он ко мне относится. Однако он обещал писать. Чего еще ждать от мужчины?

Тем не менее нужно терпеливо подождать и поступать обдуманно. Мы чересчур откровенно выразили свои чувства, слишком рано.

Может быть, мне следует познакомиться с другими мужчинами? Может быть, мне нужно чаще ходить куда-нибудь? Что-то во мне все равно не так, если я, как глупая девчонка, влюбилась в первого встречного.

Я буду встречаться с другими мужчинами. А может быть, и нет. Чак ведь уехал ненадолго и сказал, что будет писать. Хотя, может быть, и нет. Увидим. И кроме того, кто пригласит меня на свидание, если его нет?

Все это глупо. Тебя часто приглашают на свидания, так что не находи отговорок. И ты прекрасно знаешь, что ты уже по нему с ума сходишь, так что не говори себе… Ну, а почему нет? Что плохого в том, чтобы встречаться с кем-нибудь, пока его нет. Я что, с ним помолвлена? Или замужем?

Миссис Чарльз Мастерс.

Ну не замечательно ли?

Иди спать, дурочка, сказала она себе, сбросила с себя белье и направилась к кровати.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Можешь звать меня Грег, — сказал санитар. — Меня все приятели зовут Грег.

— Спасибо, — ответил он.

— И я хочу, чтобы ты считал меня своим другом. Я действительно хочу, чтобы ты считал меня своим другом.

Он с любопытством уставился на Грега. Санитар намекал на что-то, но он не понимал на что. Он не знал, в чем дело, и эта неопределенность его раздражала.

— Друзей иметь никогда не помешает, — сказал он.

— Это уж точно, — ответил Грег. — Особенно в больнице.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, — ответил Грег. Он помолчал. — Ты сдал на больного сегодня?

— Я не знал, что я сдавал экзамен.

— А как же. Ты знал, что это экзамен. Ты должен был это понимать.

— Не понял.

— Как тебе понравилась мисс Пил?

— Кто?

— Твоя медсестра, — ответил Грег. — Та, которая приходила с доктором Мелвиллом.

— Ничего.

— Лакомый кусочек, не находишь?

— Так себе, — ответил он.

— Я бы по тебе этого не сказал. Ты выглядел так, будто собирался ее съесть. С чего бы это? У вас что, на корабле женщин нет? — Грег расхохотался. — Да, она настоящий персик, наша мисс Пил. Только она помолвлена — с капитаном. Жалко, да?

— Меня это совершенно не волнует, — ответил он.

— Да? Что-то новое. Интересно. Особенно после того, как у тебя чуть глаза не вылезли, когда она тебе термометр ставила. Как ты умудряешься себе такую температуру делать? Сто один. Как это тебе удается?

— Я болею, — сказал он.

— Ну, конечно, нет вопросов. Могу пари держать, ты еще сильнее заболеешь после того, что я сказал тебе о мисс Пил.

— К чему это ты клонишь, Грег?

— Я? Ни к чему. Я просто заметил, что у тебя слабость к юбкам. Вот и все. Ничего страшного, правда ведь?

— Совершенно ничего, — ответил он напряженно.

— Я тебе кое-что подскажу. Сегодня ночью будет дежурить мисс Леман. Не очень симпатичная, но ужасно преданная своей профессии. Смотреть не может ни на чьи страдания. Скажи ей, что ты весь горишь, и она протрет тебя спиртом. У нее очень мягкие руки, у нашей мисс Леман.

— К чему это ты?

— А ты к чему? — в упор спросил Грег.

— У меня катаральная лихорадка, вот и все.

— Ты на меня не сердишься? После всех моих подсказок?

— Мне не нужны никакие подсказки. Я болен.

— Ты так же болен, как и я.

— Достал. Убирайся отсюда.

— Естественно. Но еще одна подсказка. Присмотрись к медсестре, которая придет в двенадцать. Это действительно что-то. Действительно, что тебе понравится. А мы

постараемся, чтобы твое пребывание здесь было приятным.

— Мне не нужны никакие медсестры, — сказал он.

— Да? — глаза Грега сузились. — Я ведь помню тебя, приятель. Последний раз, когда ты здесь был, ты, наверное, был слишком занят, чтобы заметить меня. Но я-то помню тебя, я тебя чертовски хорошо помню. У меня память, как у слона.

— Да?

— Да, — коротко ответил Грег.

— Ну и что?

— Ничего. Просто заруби себе на носу, что я тебя узнал. — Он направился к двери. — Еще увидимся, приятель.

— Не очень-то хотелось, — буркнул он вслед Грегу.

В 12.23 Джейн Дворак зашла в его палату.

— Привет! — сказала она. — Я мисс Дворак. — Она профессионально улыбнулась. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— Ужасно, — ответил он. Его глаза загорелись. Грег не обманул его. Это действительно было что-то. Рядом с ней все остальные казались больными. Эта была для него.

— В самом деле? Ну, что же, давайте посмотрим. — Она подошла к кровати и взяла температурный листок. Ее глаза быстро скользнули по его имени, а затем пробежали по температурной кривой.

— У меня катаральная лихорадка, — сказал он.

— Да, я вижу. Ну что ж, у вас не такая высокая температура. — Она снова улыбнулась. — Я думаю, вы выживете.

— Я уверен в этом, — сказал он. — Теперь у меня есть ради чего жить.

Она секунду смотрела на него с любопытством, а затем легко пожала плечом.

— Как это, быть офицером? — спросил он.

— Я никогда не задумывалась над этим, — ответила Джейн.

— Вы не чувствуете себя немного неловко, когда вам козыряет рядовой?

Она улыбнулась и заметила:

— Вообще-то да.

— Я так и думал.

— Почему вы так думали?

— Не знаю. Мне просто показалось, что вы девушка, для которой форма значит не очень много, я имею в виду погоны.

— М-м. Вы очень наблюдательны.

— Стараюсь.

— И вы очень разговорчивы. Вам нужно немного поспать.

— Я не хочу спать. Больше не хочу.

— Да? Ну что ж, тогда мне, наверное, нужно позвать врача, чтоб он вас выписал. Если вы так хорошо себя чувствуете.

— Я все еще ужасно болен, — сказал он улыбаясь.

Она подошла к кровати и положила руку ему на лоб.

— Моя мама так делала, — сказал он.

— Лоб не очень горячий.

— Я думаю, может быть, температура спала. Она ведь должна снизиться через некоторое время?

— Да. Увидим.

Она пошла от его кровати, и он спросил:

— Вы что, уже уходите?

— Да. А что? — спросила она удивленно.

— Вы зайдете еще? Позднее?

Она посмотрела на него. Ее глаза и рот выражали веселое удивление.
— Зачем?
— Поболтать.
— Может быть, — сказала она.
— Это поможет мне поправиться, — добавил он торопливо. — Мне очень одиноко.
— Одиноко? Вы поступили только вчера вечером.
— Мне всегда одиноко в госпитале.
— Но мне надо зайти к другим больным.
— А позже вы вернетесь?
— Вы настойчивый молодой человек.
— Я просто одинокий.
— Посмотрим.
— Обещайте.
— Ну… в самом деле…
— Или вы не разговариваете с рядовыми?
— С чего вы это взяли?
— Флотские правила.
— Я не думаю, что флотские правила применимы к разговорам медсестры с ее больным, — сказала Джейн.
— Так, значит, вы вернетесь?
— Я этого не сказала.
— Бросьте, мисс Дворак. Скажите, что придете.
— У меня очень много работы, — сказала она, улыбаясь и качая головой. — А вы немного поспите.
— Я увижу вас позже?
— Может быть, загляну, если не буду очень занята.
— Обещаете?
— Я никогда не даю обещаний, если не уверена, что смогу их сдержать.
— Тогда обещайте и сдержите свое обещание.
— Вам бы нужно было новобранцев вербовать!
— Так, значит, вы вернетесь?
— Да, позднее. Только на несколько минут.
— Я буду ждать.
— Затаив дыхание, без сомнения, — сказал она и вышла из комнаты.

Она пришла к нему позднее, после того как обошла остальных больных. Он полулежал в постели, подоткнув подушку за спину, и смотрел в окно. Солнце прочертило длинные золотистые полосы на его лице. Он выглядел очень слабым и жалобным, и она на секунду задержалась в дверях, прежде чем войти. Она всегда испытывала огромное сочувствие ко всем, кто болел. А его поза выражала такое отчаянное одиночество, что она почувствовала, как внезапно сжалось ее сердце.
Он продолжал смотреть в окно, не замечая ее присутствия. И она подумала, не оставить ли его наедине с его мыслями. Вместо этого она подошла к его кровати. Он обернулся, когда услышал шуршание ее накрахмаленного халата. Улыбка расцвела на его лице.
— Привет! Я думал, вы не придете.
— Я ведь обещала.
— Да, обещали. Я очень рад вас видеть.
— Надеюсь, я не помешала. Вы выглядели таким… таким торжественным.
Казалось, его глаза пронзила боль. Он на мгновение повернул голову, солнце очертило его профиль.
— Вы ведь понимаете… — сказал он.
— Нет. Что-нибудь не в порядке?

Он снова повернулся к ней, изучая ее, тщательно изучая ее, как будто старался запомнить ее черты.

— Ничего, — сказал он наконец. Он широко улыбнулся. — Во всяком случае, ничего, чем бы забивать вашу хорошенькую головку.

Джейн посмотрела на него с любопытством.

— Если я могу вам помочь…

— Нет, нет, ничего. Просто иногда человеку становится одиноко.

— Вы давно на флоте?

— Уже порядком.

— Скучаете по дому?

— Немного.

Она подняла брови и снова посмотрела на него. В нем было что-то странное, ощущение правдивости, но глубоко скрытой.

Она не могла понять, говорил он серьезно или шутил. Эта неспособность понять, что у него на уме, раздражала ее и одновременно вызывала интерес. Без всякой на то причины она спросила:

— Вы женаты?

— Нет, — ответил он быстро, не колеблясь.

— У вас девушка осталась дома?

— Нет, не в этом дело.

— Просто скучаете по своему городу, по родным?

— Думаю, что да, — его голос опять прозвучал одиноко и потерянно, и она снова ощутила охватывающее ее сострадание.

— Иногда я тоже что-то вроде этого чувствую. Это нормально. — Она помолчала. — Трудно оторваться от своих корней. Флот заставляет это сделать. Но это трудно, я знаю.

— Вам нравятся ВМС, мисс Дворак?

— Да, очень.

— Хорошо, — он сделал паузу. — Мне тоже.

— Как много у нас общего.

— За исключением… А, не обращайте внимание.

— Нет, в чем дело? — спросила она.

— Правила. Иногда они меня раздражают.

— Правила всех раздражают. Но они должны быть. Иначе не будет флота.

— Поймите меня правильно, Джейн… Ничего, если я буду называть вас Джейн?

— Ну…

— Вот это я и имею в виду. Это естественно, когда девушка и молодой человек называют друг друга по имени. Совершенно естественно. Но я вынужден с осторожностью называть вас Джейн. Это ведь глупо.

— Ну… — она улыбнулась, — наверное, глупо, если хорошенько об этом подумать.

— Можно, я буду называть вас Джейн?

Она поколебалась.

— Думаю, что нет.

— Почему?

— Правила.

— Конечно, — снова с грустью в голосе сказал он.

— Не расстраивайтесь так.

— Все нормально.

— На самом деле это не так важно.

— Для меня это важно.

Его глаза всматривались в ее.

— Для меня очень важно называть вас Джейн.

— Ну если это так важно… — она лукаво улыбнулась. — Хорошо, называйте меня

Джейн. Но только в этой палате, ладно?

— А вы будете звать меня по имени?

— Я даже не знаю вашего имени. Кстати, и фамилию тоже.

— Вы меня обманываете. Я думал, вы уже наизусть выучили мой температурный лист.

— Нет, боюсь, что нет, — ответила она, все еще улыбаясь. — Честно говоря, надо признаться, что для меня вы — 107-й.

— 107-й?

— Номер палаты, — сказала она, указывая головой на дверь.

— 107-й, — повторил он сокрушенно. — В конце концов, ВМС сократили меня до номера. Сделаете мне одолжение?

— Смотря какое.

— Вам даже не придется смотреть на мой лист. Как насчет этого? Я сделаю все очень просто, никакой суеты.

— И все же смотря какое.

— Я назову вам свое имя. Никаких трудов. Не надо идти к краю кровати, напрягать глаза. Как насчет этого? Все, что вам надо сделать, — это обещать называть меня по имени.

Она подумала несколько секунд, затем сказала:

— Нет.

— Почему? — спросил он жалобно.

— Так будет лучше, — она кивнула. — Будет лучше, если вы останетесь 107-м.

Он упал духом.

— Вы помолвлены?

— Нет, — ответила она медленно.

— Но он все-таки есть?

— Есть, — призналась она.

— Он бы возражал, чтобы я называл вас по имени? Я многого прошу? Я ведь не… Я только прошу… — он в отчаянье развел руками.

— 107-й, — повторила она улыбаясь.

— Каждый получает то, что заслуживает. Нет, если подумать, имя неплохое. Звучит хорошо. И очень оригинальное. Я знал парня, которого звали 108-й, но никого по имени 107-й.

Она расхохоталась, потом резко остановилась, но не могла сдержать улыбку.

— Вы очень красивая, когда улыбаетесь. Вы знаете это?

Это заявление удивило ее. И она вернулась мыслями к тому вечеру в офицерском клубе, когда Чак произнес почти те же самые слова. Она подумала о Чаке. Ее шея покраснела, и краска расползлась по всему лицу.

— Извините, — сказал он. — Я не хотел смутить вас, Джейн.

— Не обращайте внимания. Спасибо за комплимент.

— С любовью от 107-го, — сказал он улыбаясь.

Она резко встала, взглянув на часы.

— Мне нужно идти. Было очень приятно.

— Мне тоже. Вы еще зайдете?

— Мы еще увидимся. Я вам еще надоем.

Его лицо вдруг стало серьезным.

— Вы никогда не надоедите мне, Джейн, — сказал он. Его взгляд был таким проникающим, и она поняла, что снова вспыхнет, если немедленно не выйдет из палаты.

— Поспите немного, — сказала она, развернулась на каблучках и вышла.

Из конца коридора Грег увидел, как она выскользнула из палаты 107. Его глаза следили за ней, пока она не завернула за угол коридора, и он снова стал заполнять отчет, раздраженный тем, что она отвлекла его внимание.

Что там с этим негодяем из 107-й? Что там такое?

Что-то было, совершенно точно. Какое-то чувство. После стольких лет в госпитале вы

автоматически знаете, кто притворяется, а кто действительно болен. На то, что 107-й прикидывался, Грег готов был поставить свой последний доллар.

Катаральная лихорадка. Дежурный диагноз. Не знают, как еще назвать. Катаральная лихорадка. Он готов был поспорить, что и бедняге Гиберту тоже поначалу поставили катаральную лихорадку. Так что 107-й не придумал ничего нового. Но он хитрый, мерзавец. Это надо признать. Он хитрый, эта хитрость бесила Грега. Особенно сейчас, после того, как он видел мисс Дворак выходящей из его палаты. Она пробыла там почти двадцать минут. Медсестра не должна так долго оставаться с пациентом, особенно такая невинная куколка, как мисс Дворак, и особенно с таким хитрым мерзавцем, как этот 107-й.

Что он замышлял? Трудный вопрос. То, что парень из 107-й что-то замышлял, было ясно, как дважды два. Просто симуляция? Добивается, чтобы его списали по болезни? Нет.

Он бы выбрал что-нибудь посерьезнее, чем лихорадка, если бы у него на уме было это. Тогда что? Может быть, он собирается психом прикинуться. Пену изо рта пускать, на пол падать, клопов с себя смахивать. Только на меня их смахивать не надо, приятель. Черт возьми, почему мне не нравится этот сукин сын? Грегу самому было интересно. А может быть, он действительно болен? Ну как же! Нет, он не болен.

Тогда что он замышляет?

Я не знаю, признал Грег. Но я выясню.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Чак Мастерс постарался поудобнее пристроить голову на жестко обитой спинке сиденья.

Сколько бы он ни ездил поездами, ему никогда не удавалась эта простая задача — устроиться поудобнее. Он был уверен, что поезда придумали те же люди, которые придумали электрический стул и подземные камеры пыток. Так положишь голову — неудобно, положишь иначе — тоже неудобно. Что ему нужно, так это пульман[3]. Но в пульманах он тоже ездил и никогда не мог уснуть. К черту! Надо было ему поступить в ВМС!

В конце концов он устроился более-менее удобно, наклонив голову и откинувшись немного назад, градуса на три. За окном проносился сельский пейзаж, ласковое южное небо незаметно переходило во все более суровое выцветшее небо севера. Он начал считать телеграфные столбы. Столбы были установлены через равные промежутки, но вкопаны на разную глубину, так что провода то поднимались, то опускались, то поднимались, то опускались…

Господи, меня начинает укачивать.

Он отвернулся от телеграфных столбов и пейзажа за окном и сосредоточился на стекле напротив, в котором отражался проход и сиденья. На одном из них сидела девушка. Она была рыжеволосая, в узком зеленом шерстяном костюме и коротком пальто. Ее ноги были скрещены, на одной из щиколоток поблескивала золотая цепочка. Скрещенные ноги позволяли видеть мясистое белое бедро, и казалось, девушка знала и гордилась этим. На секунду Мастерсу захотелось отвернуться от отражения и насладиться оригиналом. Боролись два чувства: желание посмотреть на щедро выставленное напоказ бедро и сохранить удобное положение, которое он с таким трудом нашел. Ты — офицер Военно-Морского Флота Соединенных Штатов, напомнил он сам себе, и твое поведение должно соответствовать

---

[3] ПУЛЬМАН (Pullman) Джордж Мортимер (1831-97), американский промышленник и конструктор железнодорожных спальных вагонов. Занимался в молодости производством шкафов. В 1858 г. начал усовершенствовать старые железнодорожные вагоны, чтобы сделать путешествия на дальние расстояния более комфортными. Первый современный спальный вагон начали использовать в 1865 г. Известный как пульмановский вагон, он был сконструирован Пульманом и Беном Филдом.

поведению офицера Военно-Морского Флота Соединенных Штатов. Но бедро продолжало манить. Девушка опустила журнал и глубоко вздохнула. Это явно угрожало целости верхней части ее туалета, и Мастерс был уже почти готов встать и познакомиться с молодой особой, когда вспомнил о Джейн Дворак. Одновременно с этим один из его операторов прошел по проходу и плюхнулся на свободное сиденье рядом с ним, так что Мастерс даже не понял, кто не дал ему познакомиться с рыжей девицей с выставленными бедрами — оператор или Джейн Дворак.

— Здравствуйте, господин старший лейтенант, — сказал оператор.

— Здравствуй. — Он не повернул головы. Если уж та рыжая не заставила его сдвинуться с места, у оператора это точно не получится.

— Не возражаете, если я сяду здесь? — спросил оператор.

— Пожалуйста.

Оператор, который уже и так сидел, устроился поудобнее.

— Вот здорово, — пробормотал он.

Мастерс подумал, не сошел ли тот с ума, а потом понял, что оператор сидит как раз напротив рыжеволосой и видит ее саму, а не смутное отражение в стекле.

— Не находите, сэр? — спросил оператор.

— О чем ты, о путешествии или о пейзаже?

— И о том, и о другом, сэр.

Мастерс хмыкнул, не поворачивая головы.

— Очень хорошо, — сказал оператор, очевидно, совсем удобно устроившись и, очевидно, планируя провести здесь всю ночь, или, может, остаток месяца, или даже оставшуюся жизнь. — Как вы думаете, когда мы приедем, сэр?

— Рано утром, — ответил Мастерс.

— Думаете, нам дадут увольнительные?

— Сомневаюсь.

— Жаль.

— Я не вижу твоего лица и не хочу поворачиваться.

Оператор с любопытством посмотрел на него, проверяя, не заболел ли лейтенант.

— Кто ты такой? — спросил Мастерс.

— Я Колдрони. Вы меня что, не помните?

— Я тебя очень хорошо помню, Колдрони.

— Я на минуту решил… — Колдрони долго молчал. — Сэр? — прошептал он наконец.

— М-м-м?

— А она ничего, а? — прошептал он.

— Рыжеволосая?

— Да, сэр.

— Да, ничего.

— Я прошу прощения, сэр, вы увидели за окном что-то важное для выполнения нашего задания? Я имею в виду, сэр, что, если вы озабочены службой, я могу вас понять. Но если нет, тогда может быть, я…

— Я думаю об удобстве, Колдрони.

— Понятно, сэр. — Его голос снова упал до шепота. — Она-то удобная, сэр.

— Да, я знаю.

Колдрони снова взглянул на рыжеволосую.

— Сэр, а вы когда-нибудь бывали в Атлантик-сити?

— Нет, — ответил Мастерс.

— Я думаю, это очень хорошее место. Один из наших ребят живет в Джерси. Он говорит, что Атлантик-сити — это класс.

— Рад слышать это.

— Сэр, так вы думаете, что вообще не будет увольнительных?

— Увидим, — сказал Мастерс. Он помолчал. — Тебя что, послали ко мне, Колдрони?

— Послали? Кто послал?

— Другие из твоего подразделения.

— Нет, сэр. Послали меня куда, сэр?

— Послали тебя сюда. Выяснить, будут в Атлантик-сити увольнительные или нет.

— Нет, сэр. Почему вам такая мысль в голову пришла?

— Показалось, Колдрони. Может быть, и будут увольнительные. Увидим.

— Это очень хорошо, сэр.

— А теперь, я надеюсь, ты оставишь меня в покое.

— Сэр, если вы ничего не имеете против, мне нравится это место. — Колдрони опять посмотрел на рыжеволосую девушку и облизал губы.

— Ну-ну. — Мастерс помолчал. — А что ты делаешь в увольнительные, Колдрони?

— Таскаюсь по девкам, — ответил Колдрони улыбаясь.

— А что, все таскаются по девкам?

— Большинство, я думаю. Если нет — они мертвые. Или женатые.

Дэниелс, подумал Мастерс. Пери Дэниелс. Женат.

— В нашей команде не много женатых, а, Колдрони?

— Нет, не много, — согласился Колдрони. — Несколько человек.

— Ты знаешь Пери Дэниелса?

— Да, сэр.

— Хорошо?

— Очень хорошо, сэр.

— Одно время Дэниелс меня очень привлекал. Что-то вроде профессионального интереса.

— А что такое?

— Он женат?

— Дэниелс? — Колдрони хихикнул. — Черта с два, сэр. Извините, конечно.

Мастерс повернул голову, пожертвовав удобным положением.

— Откуда ты знаешь, Колдрони?

— Ну, это просто известно, и все. Дэниелс не женат. Извините, сэр, но он настоящий бабник. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Нет. Что ты имеешь в виду?

— Ну, сэр, когда вы впервые оказываетесь на корабле, вы не знаете, кто есть кто. Для вас все одинаковые, как дырки в стене. Я хотел сказать, в переборке. — Казалось, что Колдрони смущен тем, что у него вырвалось не морское словечко.

— Продолжай.

— Тогда ты начинаешь выяснять. Сначала выясняешь, кто из офицеров нормальный, а кто с душком. Я, естественно, не говорю о присутствующих.

— Естественно.

— Ну вот, вы выясняете, с кем из офицеров вы можете жить и кто из офицеров, вам бы хотелось, чтобы сдох. И вы избегаете тех, с кем не можете поладить. А потом вы начинаете присматриваться и выяснять, с кем бы из рядовых вам хотелось сойтись поближе. Нам повезло, потому что в нашем подразделении хорошие ребята. Но это исключение. Могла подобраться какая-нибудь кучка козлов. И тогда я был бы совсем один. Я не хотел рисковать, и, когда я пришел на корабль, я начал проводить свое собственное изучение.

— Ну, и какое отношение это имеет к Пери Дэниелсу?

— Нужно же выбрать, с кем пойти в увольнительную, например. Неохота идти с каким-нибудь слюнтяем или, наоборот, чересчур крутым. И в то же время тебе не нужен какой-нибудь осел, который не знает, как правильно пробор на голове сделать. Если ты собираешься идти по девочкам, нужно выбрать подходящего человека. В этом смысле у нас, наверное, Зингер лучше всех. Он-то точно знает, как подкатить к девушке. Вы можете высадить его на берег в любом городе мира, и я гарантирую…

— А Дэниелс?

— Дэниелс? Ну, у него репутация. Он свое дело знает. Естественно, я хотел держаться за него. Но он работает один.

— Как ты это узнал?

— Молва, а как вы думали? Здесь спросишь, там спросишь, и уже все известно. Видно по тому, как он одевается, носит шитый костюм или форму, умеет козырнуть формой в приличном портовом городе или ходит в штатском, ну все такое. Вначале он мне здорово не понравился. Стрижка бобриком. Я решил, что он новичок желторотый. Но он умный парень. Он с этой прической похож на мальчишку. И женщинам охота прижать его к груди. Как бы это сказать… он вызывает жалость.

— И он не женат, ты в этом уверен?

— Если он и женат, сэр, то держит это в страшном секрете.

— Так оно и есть.

— Может быть, вы путаете, сэр, его развлечения в увольнительных и семейную жизнь.

— Что ты имеешь в виду, Колдрони?

— Я вам уже сказал, сэр, что Дэниелс — талант. Но ему далеко до Зингера. Зингер никогда не промахивается, это точно. Но и Дэниелс неплох, так что, может, вы путаете… Ну, сэр, это почти то же самое, что быть женатым по сути…

— Я не совсем понял, Колдрони.

— Это между нами, сэр?

— Конечно.

— Дэниелс не ограничивает театр военных действий одним Норфолком.

— Да?

— Да, сэр.

— Ньюпорт-Ньюс?

— Само собой, сэр. Но Дэниелс освоил и гораздо более отдаленные участки.

— Насколько отдаленные?

— Очень отдаленные, сэр. По крайней мере мне Шефер, царствие ему небесное, так говорил.

Мастерс весь застыл.

— Шефер рассказывал тебе что-то о Пери Дэниелсе?

— Да, сэр. Конечно, Шефер оказался убийцей, так что, может, его словам нельзя верить, но он говорил мне задолго до того, как прикончил эту сестру, так что это может оказаться правдой. Но я, сэр, знаю точно, что хотя бы часть из этого — правда, потому что я кое-что сам проверял.

Колдрони помолчал.

— Как я уже говорил, когда я впервые оказался на корабле, я начал искать себе компаньона. Сейчас у меня Зингер, так что я…

— Наплевать на Зингера. Что тебе Шефер говорил? Что ты узнал о Дэниелсе?

Глаза Колдрони широко раскрылись.

— Я говорил с Шефером пару раз, когда пришел на корабль. Не повредит знать кого-нибудь из писарей. Никогда не угадаешь, когда тебе понадобится новое удостоверение или…

— Что тебе говорил Шефер?

— Он мне первым подсказал, что Дэниелс умеет обращаться с девушками.

— Что он сказал?

— Сказал, что у Дэниелса большая сеть постоянных точек по всей стране. Ну я уж не знаю, как насчет всей страны, но уверен, что Дэниелс действовал за пределами Норфолка. Я проверил.

— Я посчитал, что у Дэниелса полезно поучиться. И стал следить за его действиями. Нет, он в Норфолке не задерживался. Однажды я проследил за ним до железнодорожной станции, пытаясь узнать, куда он направляется. Спросил кассира после того, как Дэниелс купил билет.

— Ну и куда он ездил?

— Хитрый он парень. Вот тогда мне и захотелось стать его напарником. Ну, потом я узнал, что он одинокий волк, так что смысла не было изучать его методы. И я нашел Зингера. Прямо в нашем подразделении. Прямо у себя под боком.

— Куда ездил Дэниелс? В тот раз, когда ты следил за ним?

— В Уилмингтон, сэр.

— Уилмингтон? — повторил Мастерс.

— Да. Бьюсь об заклад, у него там есть уютное гнездышко.

— Было, — сказал Мастерс, и Колдрони вопросительно посмотрел на него.

Высокий парень в белом берете, сдвинутом на затылок, лениво прошел по проходу и сел рядом с рыжеволосой.

— Меня зовут Фред Зингер, — сказал он улыбаясь. — А вас как?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Раннее утро. Военно-морская база в Норфолке, Вирджиния. Дымка, висевшая над лужайками перед базой, окутывавшая все, от казарм до широких извивающихся бетонных улиц, медленно поднялась вверх, как дух, вызванный на заре обратно в могилу, оставив влажные кирпич и бетон наедине с зимним солнцем. Люди на базе тянулись на завтрак, или заправляли койки, или чистили зубы. Караул, дежуривший с четырех до восьми, сменили. И на кораблях, стоящих вдоль дока или пришвартованных в заливе, люди выстраивались на перекличку.

В госпитале санитар по имени Грег Бартер принес завтрак пациенту из 107-й палаты. Он вкатил тележку и методично составил на поднос стакан апельсинового сока, дымящуюся тарелку каши, сваренные всмятку яйца, гренки и стакан молока. Затем он поставил поднос на колени больному.

— Доброе утро, сэр, — сказал он жизнерадостно, подражая манере и дружелюбию гостиничного коридорного. — Все нормально, сэр?

— Все хорошо, спасибо.

— С температурой все в порядке? — спросил Грег.

— Все в порядке, спасибо.

— Это значит, она снижается, или все еще держится?

Он устало посмотрел на Грега. Было что-то в этом негодяе, за чем надо было следить. Надо же было такому случиться, чтобы встретить этого типа. Грег поднял брови в ожидании. Лицо выражало самодовольство и понимание.

— Все еще держится, сэр? — спросил Грег.

— Думаю, немного спала.

— Замечательно. Ничто мне не доставляет большего удовольствия, чем вид выздоравливающего человека. Это наша работа. За это нам, бедным больничным лакеям, платят жалованье. В основном мы, конечно, судна выносим, но еще мы любим смотреть, как наши дорогие маленькие пациенты снова встают на ноги. Мы человеколюбы.

— Сильно сомневаюсь.

— Это действительно так, — сказал Грег и спросил: — Где ты был в учебке?

— А тебе-то что?

— Ты не любишь отвечать на вопросы?

— Нет. Не люблю. — Он посолил яйца и взял ложку.

— Ну, не важно. Съешь кашку, — сказал Грег заботливо. — Это придаст тебе силы.

— Яйца остынут.

— Но кашу все равно съешь.

Он пожал плечами, взял столовую ложку и зачерпнул каши.

— Вкусно? — спросил Грег.

— Послушай, тебе больше некуда пойти?
— Ты у меня последний, дорогуша. Ты что, не рад?
— Я до смерти рад.
— Ты когда-нибудь ел такой завтрак у себя на корабле?
— Конечно.
— Не такой, как этот. Лучше больничного режима ничего нет.
— У меня хороший корабль.
— Какой у тебя корабль?
Он поколебался.
— "Сайкс", — сказал он наконец.
— "Сайкс"? Это что, линкор?
— Эсминец.
— А-а, эсми… "Сайкс", говоришь? — глаза Грега сузились. — Так ты с "Сайкса"?
— Да. А что в этом такого?
— Ничего. — Грег замолчал, думая. — У вас там недавно были большие неприятности? Да?
— Никаких неприятностей у нас не было.
— Я говорю о мисс Коул, — сказал Грег, прищурившись.
— А это… — он отодвинул тарелку с кашей и принялся за яйца.
— ФБР и все такое?
— Да.
— Как звали того парня, что сделал это?
— Шефер, — ответил он, не сводя глаз с яиц.
— Шефер. Что-то знакомое. Он когда-нибудь здесь был?
— Не знаю.
— Он был писарь, да?
— Да.
— М-м-м.
— Ну и что что писарь? Слушай, тебе больше некуда пойти? Что, эта палата излюбленное место сборищ в вашем госпитале?
— Мне кажется, я помню Шефера. Он был здесь примерно в то же время, что и ты.
— Кто сказал, что я здесь был?
— Я сказал. Я посмотрел твою историю болезни.
— Зачем?
— Я люблю все знать про своих пациентов.
— С каких это пор ты стал врачом?
— Из-за чего это ты так сердишься, приятель? — его взгляд стал изучающим и подозрительным.
— Кто сердится? Просто я хочу есть свой завтрак, а не выслушивать твою чушь.
— Ты знал мисс Коул?
— Нет, — отрезал он.
— Приятная девушка. Тебе бы она понравилась. Немного озабоченная, но приятная.
— Жаль, что я ее не знал, — сказал он устало.
— Да, жаль, — ответил Грег. — И сейчас уже не узнаешь. После того, как Шефер ее убил. Жаль.
— Ты собираешься проповедь читать или что?
— В чем дело, приятель? — спросил Грег сладким голосом. — Я тебе не нравлюсь?
— Не особенно. Почему ты, черт возьми, не свалишь отсюда?
— Конечно, — сказал Грег, а затем уже жестко: — Тебе лучше снова начать выглядеть больным. Доктор будет с минуты на минуту. — Он развернулся и вышел из палаты.

Она вошла в палату 107, как луч света. Он ждал ее весь день, и сейчас, когда она была

здесь, он почувствовал настоящее волнение. Она чертовски симпатичная девушка, с хорошими ножками, может быть, даже лучше, чем у Клер, и с таким славным невинным лицом, что, глядя на него, хочется одновременно смеяться и плакать. Она выглядела такой незащищенной. Он видел, что она заглатывала его наживку. Она не сильно красила губы. Они были у нее сочные, прекрасной формы, и он хотел целовать эти губы до синяков.

— Привет, — сказала она от дверей. — Как сегодня больной себя чувствует?

— Сейчас, когда вы здесь, лучше.

— Вы нахал, молодой человек.

— Ничего не могу с собой поделать. Человек поступает с обычной катаральной лихорадкой, вы ее вылечиваете, но по вашей же милости он заболевает кое-чем похуже.

— В самом деле? И какую же ужасную болезнь вы здесь подцепили?

— Болезнь сердца, — серьезно ответил он.

— Это совершенно нормально, — ответила с легкостью Джейн. — Каждый мужчина влюбляется в свою медсестру.

— А медсестра?

— Медсестра здесь для того, чтобы мерить температуру.

Она встряхнула термометр, и он сказал:

— Подойдите с другой стороны кровати, Джейн.

— Зачем? — удивилась она.

— Мне так больше нравится. Я суеверный.

Джейн пожала плечами.

— Хорошо, — вздохнула она, — как скажете.

Она обошла кровать так, что окно оказалось за ее спиной и солнечный свет просвечивал сквозь хрустящий накрахмаленный халат и прозрачную комбинацию, обрисовывая ее ноги.

Он рассматривал ее ноги, довольный тем, как ловко провел ее, довольный ее уязвимостью, ее наивной невинностью.

— Откройте рот, — сказала она.

— Вы хорошенькая, Джейн.

— Перестаньте.

— Вы замечательная.

— Перестаньте, я сказала.

— Вы чудесная.

— Вы слишком болтливы. Ну-ка. — Она засунула термометр ему в рот.

— Уы не имеете пава быть такой хоошенькой, — сказал он, не вынимая термометра.

— Не разговаривайте с термометром во рту, — предупредила она, глядя на часы.

Он на секунду вытащил термометр и повторил:

— Вы не имеете права быть такой хорошенькой.

— Замолчите и положите термометр обратно в рот.

— Есть, мадам, — сказал он, отдавая честь.

Джейн хихикнула и, повернувшись, отошла к окну. Он любовался гибкими, стройными очертаниями ее тела. Увидел упругий эластик ее лифчика там, где он врезался в тело на спине под белой прозрачной тканью халата. Это гораздо лучше, чем спичка, подумал он. Это просто замечательный способ поднимать температуру! Интересно, как она выглядит не в форме, интересно, как она выглядит в одном белье. Черт, наверное, потрясающе.

Она отвернулась от окна, на ее лице все еще была улыбка.

— Ну, ладно. Давайте посмотрим, что у вас там. — Она взяла термометр и посмотрела на него. — М-м-м.

— Я умираю?

— Нет.

— Почему тебе никогда не говорят твою собственную температуру? Врачи и медсестры всегда делают из этого такую страшную тайну.

— Нормальная, — сказала она.
— Хорошо, — ответил он и помолчал. — А может быть, и нет.
— Почему? Я думала, вам хочется выбраться отсюда.
— Да, но… — Он покачал головой.
— Что такое?
— Джейн, когда я выпишусь… я с вами больше не увижусь?
— Вы совершенно невозможны. Вы знаете об этом?
— Я серьезно. Я бы хотел остаться здесь навсегда. Я бы хотел всегда быть с вами здесь.
Она попыталась отшутиться.
— Боюсь, что это немного непрактично.
— Я могу придумать что-нибудь другое, — сказал он торопливо.
— Можете? Ну-ну.
— Или… или вы не хотите?
— Сейчас я хочу сосчитать ваш пульс, — сказала она профессиональным голосом. Она взяла его запястье и посмотрела на часы.
— У меня сердце ходуном ходит.
— Это не так уж и плохо.
— Джейн, не могли бы вы… вы думаете, это невозможно?
— Что невозможно?
— Встретиться со мной после того, как я выпишусь из госпиталя.
Она не ответила.
— Джейн?
— Тс-с. Я считаю.
— К черту, — сказал он, выдергивая запястье и хватая ее руку. — Ответьте мне, Джейн.
Он держал ее руку очень крепко. Джейн показалось, что ее ударило током. Она мимолетно подумала о Чаке, и старые сомнения вновь проснулись у нее в душе. Чак забыл о ней?
Почему он не позвонил? Или не написал?
— Я… я думаю, мне лучше пойти, — мягко сказала она.
— Нет! Вы встретитесь со мной, когда я выпишусь, Джейн?
— Я… я не знаю.
— Когда вы будете знать?
— Пожалуйста, сюда могут войти.
— К черту всех, Джейн. К черту всех, кроме нас. Кроме нас двоих, дорогая. Все остальные не имеют значения.
— Пустите меня.
— Ответьте.
— Что вы хотите, чтобы я сказала?
— Что вы встретитесь со мной.
— Мне нужно подумать. Пожалуйста…
— Погоны мешают?
В его голосе не было горечи. В нем была огромная печаль, которая сразу же вызвала в ней жалость и одновременно злость.
— Не будьте смешным, — резко сказала она.
— Вы же знаете, что это нарушение правил.
— Я знаю. Но это не имеет никакого значения.
— Да?
— Да, никакого.
Он почти достиг своего. Он почувствовал это инстинктивно.
— У вас могут быть неприятности, если мы не будем осторожны. Вы этого не боитесь?
— Моя работа значит для меня очень много. — Он видел, что это была правда. И он на

секунду испугался, испугался, что взял неверный курс, испугался, что все испортил.

— Конечно, — сказал он медленно и заботливо. — Никто ведь никогда не узнает. Правда?

— Я… я думаю, нет.

Он неожиданно поднес ее руку к губам, поцеловал ладонь, поцеловал запястье. Его губы были влажными и горячими. Она попыталась освободить руку, но он крепко держал ее, прижимая к своей щеке.

— Скажи, что ты увидишься со мной, Джейн. Пожалуйста, пожалуйста. Неужели ты не видишь, что я чувствую к тебе? Это незаметно? Господи! Как ты не можешь понять, что я сойду с ума, если не увижу тебя снова.

— Нет, нет, не говорите так. Пожалуйста, вы не должны. Вы не понимаете. Мы… мы почти не знакомы. Мы всего лишь…

— Джейн?

— Что? Пожалуйста, отпустите мою руку.

— Ты увидишься со мной?

— Может быть. Я не знаю. Пожалуйста, мне нужно подумать.

— Ты прекрасна, — прошептал он и неожиданно уронил ее руку.

И руке сразу же стало холодно. Она поднесла руку к горлу, избегая его взгляда. Она не могла отрицать, что он что-то задел в ней.

Она почувствовала растерянность и смущение от своих собственных мыслей и поэтому старалась не смотреть на него. Направилась к двери.

— Возвращайся, — прошептал он. — Возвращайся ко мне.

Она заколебалась, а потом оглянулась. Он сидел на кровати с печальной улыбкой на лице, выглядя ужасно слабым. Ей захотелось обнять его, утешить, но она не могла, не могла.

Она прикусила губу.

— Я приду, — сказала она. — Я приду.

— Я так понимаю, что ты собираешься встать с постели, — сказал Грег.

— Мне разрешили, — ответил он.

— Ну, хорошо. Я думаю, тебе не терпится вернуться обратно на "Сайкс". Должно быть, интересно служить на таком корабле. На эсминце.

— Перестань издеваться, Грег. Нет такого корабля на всем этом чертовом флоте, на котором было бы интересно служить.

— Нет? — сказал Грег, внимательно его рассматривая. Ему не нравилось, как все шло. Ему всегда удавалось рассердить пациента из 107-й, а сегодня он не был так вспыльчив. Мерзавец выглядел таким самодовольным. Это раздражало Грега. Ему нравилось подкалывать этого сукиного сына, он получал от этого огромное удовольствие.

— Ну, с моего места "Сайкс" кажется очень заманчивым. Не на каждом корабле на флоте медсестру убивают. — Грег наблюдал. Глаза этого мерзавца сверкнули на мгновение — ему не нравилось говорить о корабле и о сестре, особенно о сестре. Что ж, если ему это не нравится, это как раз то, что Грегу нужно.

Ловко, профессионально, взбешенный этим симулянтом, Грег поставил укол.

— Они ведь нашли ее в радиолокационной рубке?

— Да.

— Ты видел ее там?

— Нет. Как, черт возьми, я мог ее увидеть?

— Я думал, что мог.

— Слушай, в чем дело? Ты что, был влюблен в нее?

— Я? Нет. Мне просто интересно.

— Задавай вопросы где-нибудь в другом месте. Будешь продолжать в том же духе, я на тебя врачу нажалуюсь.

— Брось, приятель, — рявкнул Грег. — Никому ты ни о чем не нажалуешься.

— Нет?

— Нет! Разве тебе не нравится разговаривать о мертвой медсестре?

— Нет. Я не люблю говорить о мертвых.

— Это потому, что ты сам болезненный.

— Да, я болезненный. И от тебя меня тошнит, если хочешь знать.

— Из-за чего ты так возбудился? Потому что я упомянул мисс Коул, или потому что ты был к ней неравнодушен, когда в последний раз был…

— Заткнись. Ни к кому я не был неравнодушен.

Это его взъярило. Он чуть из кровати не выпрыгнул.

Глаза Грега сузились. Он осторожно закрепил преимущество.

— Ты должен признать, она была хорошенькая куколка, — сказал он елейным голосом.

— Я никогда не видел ее.

— Но ты же был в ее палате. Разве не помнишь?

— Я не помню никакой Клер Коул.

— Но ты знаешь ее имя?

— Конечно, я знаю ее имя. Что, черт возьми, в этом такого необыкновенного? Все на "Сайксе" знают, как ее звали. Она была убита на нашем корабле.

— Я знаю это.

— О’кей, если знаешь, отвали. У меня от тебя голова разболелась.

— Это так неприятно? Не думал, что от разговоров о мисс Коул у тебя голова заболит. Мне очень жаль, приятель.

— У меня не от разговоров о ней голова болит, просто от разговоров.

— Она была славной девушкой. Жаль, что этот подонок Шефер убил ее?

— Как ты думаешь, ему что-нибудь откололось?

— Не знаю.

— Это вполне возможно. Она была горячая, наша мисс Коул. Мне кажется, она вовсю погуливала. Она была…

— Мне наплевать, что Клер… — он оборвал себя. В комнате внезапно воцарилось молчание. Грег наблюдал и ждал. — … что Клер Коул делала в свое свободное время. Меня это не касается.

— Нет, — сказал Грег, — конечно, нет.

— Так что отвяжись.

— Ладно. Мне просто не нравится, когда убивают курицу, несущую золотые яйца. Понимаешь? Она, черт возьми, могла бы расширить сферу своей деятельности. Могла бы кого-нибудь из нас, бедняг, включить. Тебе бы не хотелось этого, дружок?

— Я даже не знаю, как она выглядела.

— Такая хорошенькая, как мисс Коул? Как ты мог пропустить ее?

— Я не знаю, как она выглядела, — настаивал он.

— М-м-м, — сказал Грег. — Ты много потерял. Там было на что посмотреть. Ею стоило заняться.

— Так что же ты не занялся?

Грег наблюдал. Что-то происходило. Негодяй начал запираться. Что-то заставило его прикусить язык. И Грег был уверен, что сегодня его уже не растормошить.

— Шефер никогда не рассказывал тебе, какая она?

— Нет.

— О всяких там поцелуях…

— Я никогда не спрашивал.

— А мне кажется, тебе было бы интересно.

— Это было личное дело Шефера.

— Естественно. Даже если ты сам на нее глаз положил.

— Это ты говоришь так, не я.

— Но мы ведь оба знаем, что это правда.

— Я знаю только то, что я читал в газете.

— Ты читал о том, как ее нашли? Синяки на горле, задранная юбка? Ты читал это, приятель?

— Да, читал.

— Наверно, это было интересно.

— Очень.

Грег поднялся.

— Увидимся, приятель. — Он остановился у двери. — Жаль, что Шефер пришил твою милую.

— Пошел ты знаешь куда… — он перевернулся в кровати и натянул до шеи одеяло.

Она избегала его палаты, потому что ощущала неуверенность в своих чувствах и хотела подумать. В нем было что-то очень привлекательное, обаяние юности, хотя она знала, что он, без сомнения, старше ее. Но в нем было это — неиспорченная откровенность молодости. Ей нравилась эта откровенность, и ей нравилось его… Да, его обожание. Он очень отличался от Чака своей уверенной, дерзкой манерой, но эта дерзость не раздражала ее. Это ее не раздражало, потому что она чувствовала, что он вел себя нагловато не для того, чтобы казаться тертым парнем. Он вел себя нагловато, потому что говорил то, что думал. И вряд ли это можно было назвать наглостью.

Еще он немного пугал ее. Нет, не слишком пугал, но от него исходило ощущение мужской силы. Да, именно это, мужская сила. Эту мужскую силу можно было обонять, увидеть в глазах, увидеть в жестоком — и одновременно мальчишеском — изгибе рта. Эта сила пугала ее. Но и возбуждала. То же самое, правда, можно было сказать и про Чака. Он тоже был мужчиной, он тоже возбуждал ее. Почему он, черт возьми, не позвонит или не напишет?

Все это случилось со мной слишком поздно. Вот в чем беда, подумала она. Я новичок в этой игре. И все потому, что я начала играть в нее, когда большинство других девушек уже полностью ей овладели.

И еще, конечно, нужно было думать о погонах. Само звание младшего офицера мало что значило. Сами по себе погоны мало что значили. Значение имело то, что стояло за ними. Работа медсестры. И она не хотела лишиться этого только из-за того, что ей понравился какой-то матрос. И все же они бы могли надеть гражданское, кто узнает? Что плохого в том, чтобы сходить вместе в кино или пообедать, если они оба будут в штатском? Как об этом можно узнать? Что в этом может быть плохого? Ничего плохого, только если нас не поймают.

А как нас могут поймать?

Вариантов множество. Они могли случайно встретить офицера, которого она знает, или офицера, который знает ее спутника и знает, что он матрос. Но шансы были очень малы, особенно если бы они пошли в кино, скажем, за пределами Норфолка. Они могли бы даже съездить в Ричмонд и обратно, в кино или на обед, и не будет никаких неприятностей, если они будут осторожны. А им придется быть осторожными.

Нужно просто решить, стоило это того или нет? Если бы только Чак написал или дал знать, что все еще жив… Ему, наверное, все равно. Лейтенант, наверное, всего лишь развлекался, но он казался таким искренним, о, Чак, почему ты не спешишь назад? Неужели ты не чувствуешь, что я пытаюсь принять решение, и как я могу решить что-то, когда ты где-то в Нью-Джерси, а он здесь, прямо здесь, с этими своими глазами, и этим жестоким ртом, и этими сильными руками. Чак, Чак, почему ты не звонишь? Неужели ты не хочешь позвонить мне?

Она избегала 107-й палаты, потому что не хотела принимать решение, которое от нее требовали. И поэтому она удивилась и почувствовала себя в ловушке, когда встретила его однажды вечером в коридоре, в выцветшем халате и тапочках ходячего больного. Она натолкнулась на него, поворачивая за угол. Он схватил ее, потащил снова за угол в

маленький коридорчик, заканчивающийся тупиком, где не было ничего, кроме ящика с инструментом.

— Где ты была? — прошептал он.

— В госпитале. Мне… мне дежурство поменяли.

— Не лги мне, Джейн. Если ты не хочешь иметь со мной ничего общего, скажи об этом. Но пожалуйста, не лги мне.

— Извини. Я пыталась что-то решить. Вот почему я… я избегала тебя.

— Ты решила?

— Нет.

— Когда, Джейн? Меня выпишут через несколько дней. Ты ведь знаешь это.

— Да, знаю.

— Милая…

— Пожалуйста, не торопи меня. Дай мне подумать. Неужели ты не видишь, что я…

Его руки были у нее на плечах.

Он вцепился ей в халат.

— Господи, какая ты красивая, — прошептал он. — Джейн, Джейн…

Он притянул ее к себе. Она непроизвольно подняла лицо, и он прижался к ее губам своими губами. Удивительно ласковыми для такого жестокого рта. Он был нежен, и она потонула в нежности его поцелуя. Она придвинулась ближе, его руки крепко обвились вокруг нее, и она ответила на поцелуй.

Ей было приятно его крепкое объятие, неожиданная нежность его рта. Затем она отвела голову, и его губы скользнули по ее подбородку.

Она уткнулась ему в плечо, все еще тесно прижимаясь к нему и чувствуя легкую слабость и головокружение от его поцелуя, силы его рук, близости его тела.

— Ты согласна, Джейн?

— Да.

— Ты хочешь этого?

— Да. — Она все еще чувствовала слабость. Она отчаянно прижалась к нему, стараясь прийти в себя.

— В пятницу, — сказал он. — Меня выпишут к этому времени. Мы пойдем в кино в Ньюпорт-Ньюс. Хорошо?

— Да. — Она отстранилась от него. — Ты должен позволить мне уйти сейчас. Кто-нибудь может прийти.

— В восемь часов, Джейн, — сказал он. — В гражданском. Ты знаешь там кинотеатр?

— Да.

— В восемь часов, в пятницу. Джейн, я…

— Не надо, не говори ничего.

— Хорошо, потом.

— Да, потом. Сейчас давай пойдем. Пожалуйста.

Он поцеловал ее снова, затем быстро развернулся и пошел по коридору. Она следила за ним, пока он не скрылся из виду, потом безвольно прислонилась к стене и подумала: "В пятницу вечером. В пятницу вечером".

В четверг днем они сидели в солярии на шестом этаже. Стекло было вставлено на место в ожидании натиска зимы. Стекло шло от пола до потолка, заменяя сетки, которые вставлялись на лето. Они сидели вместе, трое мужчин, и смотрели на базу.

Первым поднялся Гиберт.

— Пойду вниз, сосну немного. О’кей, Грег?

Грег кивнул и ничего не сказал.

— Одно плохо. Если у тебя редкая болезнь, — сказал Гиберт, — все обращаются с тобой, как с ходячей пробиркой. Черт возьми! Будущее всего человечества, может быть, зависит от того, что они на мне выяснят.

— Тебе цены нет, — сказал Грег. — Иди вниз и попроси кого-нибудь из медсестер запереть тебя в ящик. Нам бы не хотелось потерять тебя.

— Грег, нахал, — сказал Гиберт. — Ну, я пошел. — Он помолчал. — Никто в теннис сыграть не хочет?

Никто не ответил.

Гиберт пожал плечами и пошел прочь. Он наблюдал за тем, как Гиберт прошел мимо Грега и вышел в коридор. Через некоторое время он услышал, как взвыл лифт, двери открылись со скрипом и шумно захлопнулись. Затем снова завывание.

Он повернулся к Грегу.

— Ты, должно быть, счастлив? — сказал он.

— Почему? — не понял Грег.

— Я завтра выписываюсь.

— Мы будем скучать по тебе, приятель. Нечасто встретишь такого профессионального симулянта.

Он улыбнулся. Сейчас он мог позволить себе эту роскошь — улыбаться. Сейчас даже Грег не мог влезть ему под кожу. С Джейн все было решено. Завтра вечером. После этого — черт, все будет просто.

— Чему ты усмехаешься? — спросил Грег.

— Ничему.

— Не думал, что ты будешь так радоваться выписке. Я заметил, у тебя шашни с мисс Дворак. — Грег сделал паузу. — У вас с ней далеко зашло?

— Черт возьми, Грег, — сказал он, изображая невинность. — Я знаю свое место. Мисс Дворак — офицер.

— Но и Клер Коул была офицером, — резко сказал Грег.

— Я не знал Клер Коул. Но даже если бы знал, я бы уважал офицерские погоны.

— Вы были знакомы так хорошо, что ты знаешь и это?

— Что?

— Что она была младшим офицером?

— Все на "Сайксе" знают это.

— Понятно. Включая Шефера.

— Включая Шефера.

— Он казался милым мальчиком, этот Шефер. Не тот тип, чтобы заводить романы. Не тот тип, чтобы убивать.

— Нет?

— Нет. — Грег помолчал. — Ты больше смахиваешь на такой тип.

— Что ты имеешь в виду? — Он сидел, выпрямившись на своем стуле, уставившись на Грега.

Глаза Грега сузились, он посмотрел на моряка и понял, что тот отреагировал чересчур нервно. А ему надо бы быть осторожным.

— Да, — медленно сказал Грег, как будто у него в голове зарождалась мысль. — Да. Ты как раз похож на того, кто может убить.

— Что ты, черт возьми, знаешь об убийцах? — спросил он спокойно, очень внимательно наблюдая за Грегом. Ему не нравилось это коварное выражение лица санитара.

— Ничего. Только то, что я могу учуять. Ты представляешься мне убийцей. Я могу представить тебя убийцей. В драке ты, наверное, настоящий подонок.

— Я никому не дам спуску.

— Да, с женщинами — то это проще.

— О чем ты говоришь?

— Женщину, наверное, ударить нетрудно.

— Я ни разу в своей жизни не ударил женщину.

— Нет?

— Нет.

— А кто ударил Клер Коул?

— Шефер.

— Да? Это написано в газете?

— Да, именно так.

— Но мы — то знаем, как было дело.

Он был настороже. Все его чувства были настороже. Он уставился на Грега и спросил себя, не блефует ли санитар. Откуда он может знать?

Откуда он только может…

— Что ты имеешь в виду?

— Мы, бывало, часто болтали с Клер, — сказал Грег. Его взгляд стал еще более коварным.

— О… о чем?

— О многом. О жизни. О свободе, — Грег выдержал паузу, — о мужчинах.

— С чего бы ей говорить с тобой?

— Я умею сочувствовать. Она рассказала мне все о Шефере.

— Да? — он почувствовал облегчение. Грег ничего не знал.

— И о тебе, — внезапно сказал Грег.

— Обо мне? — он фыркнул. — Ха, это шутка.

— Как ты с ума по ней сходил, — сказал Грег, вставая и подходя ближе к его стулу, спиной к огромному стеклу, окружающему солярий.

— Ты псих!

— Как ты сходил с ума по ней. Как ты и она крутили здесь в госпитале, прямо под носом у Шефера.

— Вали отсюда. Размечтался. Ты никогда не говорил с ней.

— Говорил, приятель, говорил.

Грег говорил правду? Он не мог быть уверен. Господи, неужели Клер говорила с ним? Но откуда вся эта чушь про Шефера? Нет, он блефует.

— Ты блефуешь.

— В чем?

— Что говорил с Клер. Ты никогда не говорил с ней.

— С чего мне блефовать?

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что я знал Клер. Ты меня снова подкалываешь, вот и все. — Он быстро оглядел солярий. Слава богу, они были одни. Никто не слышал этого разговора. Они были вдвоем наверху.

— У тебя есть что скрывать! — заорал Грег. — Ты думаешь, я не знаю, что ты был знаком с Клер?

— Я не был с ней знаком.

— Ты врешь. Ты познакомился с ней здесь, и вы встречались с ней на берегу.

— Какого черта! Ты… ты… я не знал ее!

— Она сказала мне это. Она сказала, что ты душка.

— Она врала. Я не знал ее.

— Она сказала, что спала с тобой.

Обвинение повисло в тишине солярия. Он сидел, наблюдая за Грегом, чувствуя, как у него на лбу проступил пот, мучительно стараясь понять, что же знает Грег…

— Когда она говорила тебе это?

— Как раз перед смертью, — резко бросил Грег. — Как раз перед тем, как пойти на "Сайкс".

— Она… обо мне? Она упоминала меня?

Грег быстро подался вперед, оскалившись.

Его глаза сверкнули.

— Она сказал, что идет на "Сайкс", чтобы встретиться с тобой. Вот что она сказала!

Он соскочил со стула.

— Ты говорил об этом кому-нибудь?

Грег сделал шаг назад. Его лицо внезапно побелело.

— Ты… ты… — Он собирался с мыслями, у него перехватило дыханье. — Так ты… Это все правда?! — Его глаза расширились от изумления и чего-то еще. В них мелькнул страх. Он отступил еще на шаг, будто ожидая нападения. — Я… я придумывал все это, хотел тебя… Но это правда? Господи, ты убил ее? Господи, ты убил Клер Коул?!

Он ударил санитара. Грег, споткнувшись, шатнулся назад. Он ударил снова, на этот раз сильнее. Санитар пытался устоять, теряя равновесие. Он надвинулся на Грега и вложил в удар всю силу. Он видел, как тот отлетел назад, и услышал звон, когда тело Грега ударилось о стекло. Грег задержался на минуту, стекло задрожало, не выдержало, и он вылетел навстречу холодному зимнему воздуху с широко раскрытыми глазами, цепляясь руками за пустоту.

Он выскочил из солярия. Услыша шаги в коридоре, быстро нырнул за угол, где его не было видно.

… Когда Грег ударился о мостовую шестью этажами ниже, его глаза все еще были широко открыты от недоумения и страха. Его череп раскололся, выплеснув на землю жизнь и душу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На острове Бригантина, рядом с побережьем Нью-Джерси, стояла гостиница. Когда-то здание служило казармой для летчиков, но затем его передали ВМС для радиолокационной школы.

На первом этаже перед пультом управления радара уже пятый час подряд сидел Мастерс со своими подчиненными. Отрабатывался перехват вражеского бомбардировщика. Дело не клеилось, и Мастерс был раздражен.

— Что, черт возьми, с тобой, Зингер? Ты что, спишь на ходу?

— Было много помех, отражение от земли.

— Чушь. Какая тут земля? Одна вода до самой Англии.

— Значит, шторм виноват.

— Ладно, хватит, Зингер. Ты его засек только в тридцати милях, и наши не успели его перехватить. Всем быть в комнате тридцать три через десять минут. Сделайте перекур, и не опаздывать. Займемся обнаружением торпед.

— Мы уже делали это, — пожаловался Крауз, один из операторов.

— И будем делать до тех пор, пока толком не научимся, — отрезал Мастерс. — Можете идти курить.

К Мастерсу подошел Эндрю Брэг, юный младший лейтенант, только что из школы связи.

— Вам не кажется, мы слишком круто взялись за дело?

— Что? — спросил Мастерс, поражаясь, почему именно под его начало попадали все идиоты в чине младшего лейтенанта.

— Вам не кажется, сэр, что людям немного тяжело?

— Почему? — раздраженно спросил Мастерс.

— С тех пор как мы здесь — никаких увольнений. Дежурства по двадцать четыре часа в сутки. Все время занятия, только перекур и перерыв на обед. Не знаю, сэр…

Мастерс кисло оглядел Брэга.

— Скажите мне, младший лейтенант, вы что, черт возьми, думаете, мы здесь на пикнике?

— Что, сэр? — Брэг вздрогнул.

— Мы здесь для того, чтобы эти люди сработались, как один четко отлаженный механизм. Мы будем кораблем радиолокационного дозора, Брэг. Вы знаете, что это

означает? Это означает, что судьба "Сайкса" и всего оперативного соединения позади "Сайкса" будет зависеть от эффективности нашей радиолокационной завесы. Знаете, сколько у нашего корабля будет времени в запасе?

— Нет, сэр.

— Считанные минуты, Брэг. Статистику приводить не буду, но я хочу вбить в головы всем нашим, что сейчас все им может казаться шуткой, но может прийти день, когда все будет серьезно. Чертовски серьезно. И они должны быть к этому готовы.

— Конечно, сэр.

— Так что не говорите мне, что я их загнал. Я не слезу с них столько, сколько нужно. И до тех пор, пока не увижу, что что-то начинает получаться, увольнительных не будет. Я сам был в увольнительных, Брэг?

— Нет, сэр.

— Совершенно верно, не был. И я вам кое-что еще скажу, Брэг. Я уже целую неделю до смерти хочу позвонить одной девушке. Она сейчас в Норфолке. И мне хочется быть там, и я хочу, чтобы она знала это. Но как только я оказываюсь в шести ярдах от телефона-автомата в вестибюле, сразу же кто-нибудь появляется с очередным приказом от командира части. У меня времени нет даже ей письма написать. Так что не хнычьте по поводу людей. Мы все люди, Брэг. К черту морской жаргон. И мне это нравится ничуть не больше, чем любому из нас.

— Понятно, сэр.

— Не печальтесь так. Соберите остальных офицеров, проведем небольшое совещание, прежде чем начнем с торпедами. Несите свои сигареты.

— Есть. сэр.

— Брэг!

— Слушаю, сэр.

— Вы бы не могли заменить меня сегодня на ночном дежурстве, чтобы я все-таки написал свое письмо.

Брэг выглядел откровенно разочарованным.

— Как скажете, сэр.

— Оставим это. Я пошутил. Тащите сигареты и вызовите остальных офицеров. У нас много работы.

На базе в Норфолке шли разговоры. Много разговоров.

— Конечно, я знал Грега Бартера. Славный был парень. Он же раньше работал санитаром в психушке. Я всегда говорил, что это заразное.

— Грег Бартер? Да, хороший парень, мой приятель. Склонен был к меланхолии, однако. Надо было это как-то предвидеть. Хотя никогда не знаешь, когда проявится желание покончить с собой.

— Я с самого начала понял, что он псих. — И еще говорили… Грег думал слишком много. Когда начинаешь думать, понимаешь, что сам себе не нравишься. Бац — и прыгаешь из окна.

— Мне нравился Грег. Не думаю, чтобы он выпрыгнул через это стекло. Он, наверное, поскользнулся.

— Совсем один в солярии. Кто, черт возьми, знает, что на самом деле произошло. Только один человек знает — Грег Бартер. Но он уже никому не расскажет, кроме святого Петра.

Знали двое. Один из них, может быть, рассказывал святому Петру, а может, и нет.

Другой не рассказывал никому.

Он стоял в туалете и тщательно брился, очень тщательно. Он хотел хорошо выглядеть сегодня вечером. Сегодня она в первый раз увидит его не в пижаме или халате. Он знал, что

первое впечатление — самое главное.

Джейн Дворак, ягненок, которого вели на бойню.

Ну, не совсем на бойню, скорее в Уилмингтон. И не сегодня, конечно. Основное произойдет позднее, в зависимости от того, как пройдет сегодняшний вечер. У него не было никаких сомнений относительно сегодняшнего вечера. Он был уверен в ней. Она была стеснительным ребенком, но стеснительные — самые лакомые кусочки. Она не знала, какая будет развязка, и не узнает, пока он не покажет ей. И он с нетерпением предвкушал демонстрацию.

Стеснительная, но высший класс. Какая чистая, неиспорченная красота, как первый снег. Господи, как невинна.

Ее невинность причиняла ему почти непереносимую боль. Клер была красивой, но опытной и знающей и немного жесткой, думал он. Но красивой, действительно красивой, этого у нее не отнять. Но нельзя отрицать, что она была жесткой. Он сразу же раскусил ее, понял, что добиться ее несложно. Если ты ее привлекаешь. Он знал, что ей нужно было понравиться, она была жесткой, но не холодной. И он привлек ее, потому что знал, с какой стороны подойти. Верный подход — это самое главное. С Джейн нужно давить на чувства, нести всякую чушь о вечной любви. Он готов был отдать ей свою неувядающую любовь. Это накладывало, конечно, определенные обязательства, но не слишком обременительные. Разве не должна быть любовь бескорыстной? Конечно, Джейн, разве наша любовь не хрупка и нежна? Джейн, неужели мы не можем…

Можем, подумал он улыбаясь.

У умывальника напротив него стоял Петрофф, помощник артиллериста.

— Ты уже вернулся? — спросил Петрофф.

— Да.

— Что у тебя было?

— Катаральная лихорадка.

— У меня такое было однажды. Эй, а ты был там, когда этот дятел нырнул?

— Был где?

— В госпитале.

— Да.

— Псих, должно быть.

— Это уж точно.

— Да-а, Норфолку достается.

— Да.

— Вначале девушка, затем Шефер, потом этот ненормальный. Город как сглазили.

— Я пытаюсь побриться.

— О’кей, о’кей, брейся, — Петрофф сердито отвернулся, заметно обиженный равнодушием сослуживца.

Он минуту наблюдал за Петроффом в зеркальце, а затем переключил свое внимание на более приятное. Он улыбался. У него в мыслях была Джейн Дворак, спелая вишенка, которая прямо-таки ждала, чтобы ее сорвали и съели. Проглотили целиком, за один раз. Ам — и нету! А потом… Черт, после первого раза уже легко.

Как убить.

Ему не нравилось думать об убийстве, но приходилось признать, что с каждым разом это давалось легче. Особенно когда выходишь сухим из воды. А выходить сухим из воды было почти так же легко, как убивать. Ну и отвратительное слово! Но и вещь сама неприятная. Как розу ни назови… Но Джейн пахнет приятно. Не духами, а хорошим мылом. Чистый запах, как и все в ней. Это будет изумительно. Так еще никогда не было.

Этот сукин сын Грег не знал, что его ждет. Наглядный урок всем шутникам. Поиграй с огнем, и кончишь тем, что мозги размажутся по асфальту. Я должен был сразу понять, что он блефует. Но он говорил так убедительно. Ну, сейчас-то он знает, но что ему это дает? Может быть, райские кущи. А может быть, котел в преисподней. Так подлецу и надо. Не нужно

было со мной такие шутки шутить. Сейчас я не могу рисковать. Убить было легко. Мне не будет так легко, если меня поймают. Я должен быть осторожным, очень осторожным. Малейший намек, и я снова сделаю ход. Я вынужден. Я не могу рисковать. С Клер все вышло случайно, и с Шефером — но Шефер знал, и Грег тоже. Ну, знал-то он недолго, быстренько прыгнул ласточкой. Любой, кто знает, мне опасен. Любой, кто знает, ведет меня прямо на каторгу, помогая мне перерезать свое собственное горло.

Он ополоснул бритву и смыл пену с лица. Он провел по щеке тыльной стороной ладони. Гладко. Джейн понравится. Джейн не нравятся похожие на обезьян. Джейн хочет, чтобы все было нежно, как открывающаяся почка. Я как раз то, что надо. Поздравляю.

Она ждала перед кинотеатром. Вечер был прохладный. Она надела юбку со свитером и твидовое пальто, чулки без шва и темно-синие лодочки. Длинная нитка жемчуга повторяла изгиб ее груди под пальто. Она завязала голову платком, но один светлый локон выбился из-под косынки и небрежно лежал у нее на лбу.

Она немного нервничала, вглядываясь в лица прохожих, ища по очереди то его, то кого-нибудь, кто мог бы ее узнать. Она чувствовала, как под ее шерстяным свитером бьется сердце. Ей было не по себе. Она трусила, но ей очень хотелось увидеть его. Она хотела проверить свои чувства. Хотела определить для себя, что же это было.

К тротуару подъехала машина. Она решила, кто-то хочет с ней познакомиться. Она бросила быстрый взгляд и отвернулась.

Затем она снова повернулась к машине. За рулем был он!

Он открыл для нее дверцу, не выходя из машины, она быстро подошла и забралась внутрь, захлопнув за собой дверь.

— Привет, — сказал он.

— Привет! Где ты раздобыл машину?

— Взял напрокат. Тебе очень хочется идти в кино?

— Ну, я не знаю. А ты что предлагаешь? — она надеялась, это не прозвучало чересчур застенчиво, потому что действительно не хотела производить такого впечатления.

— Может быть, покатаемся? Посмотри на звезды. Как их много!

— Да, — сказал она. — Очень красиво.

— А затем, может, по гамбургеру с горячим кофе. Ну как?

— Как скажешь, — ответила она улыбаясь.

Они тронулись. Машина была последней модели, с откидным верхом. Но он прилегал неплотно, и она почувствовала озноб.

— Ты замечательно выглядишь, — сказал он.

— Спасибо.

— А я?

Она оглядела его. На нем было толстое твидовое пальто и, ей показалось, голубой костюм — в сумраке машины трудно было рассмотреть.

Она подумала, что он выглядит очень интересным, и сказала:

— Ты хорошо выглядишь.

— Разочарована?

— Нет.

— Хорошо. Куда?

— Хоть куда. Ты правишь.

— О’кей. Ты действительно в кино не хочешь?

— Сказать по правде, я все еще немного нервничаю.

— Расслабься. Я взял машину еще и поэтому. Подумал, ты будешь себя чувствовать в большей безопасности.

— Ты хорошо придумал.

— Я рад.

— Я думаю, это из-за… весь госпиталь гудит. Может быть, я из-за этого нервничаю.

— Что у вас стряслось?

— Ты же видел этот бедлам, когда выписывался сегодня утром.

— Ты имеешь в виду Грега?

— Да. Это ужасно. Он был таким славным.

— Да, он производил впечатление неплохого парня.

— Иногда я думаю… А, ничего.

— Что?

— У нас были приятельские отношения с Грегом. С ним было хорошо работать. Ты понимаешь, что я имею в виду? Всегда жизнерадостный. Мы часто разговаривали с ним, особенно когда у нас совпадали ночные дежурства. Он играл на скрипке. Ты знал это?

— Нет.

— Не очень хорошо, я думаю, но он чувствовал музыку. Под его грубой внешностью скрывался очень трогательный человек.

— Да. Он казался славным, добрым парнем.

— Я знала его довольно хорошо. Вот почему я чувствую… Это как дыхание смерти. От всего, к чему я прикасаюсь… Вначале Клер Коул, а теперь Грег.

— Джейн, это глупо. Ты не сердишься, что я так говорю?

— Я ничего не могу с собой поделать. У меня возникает такое чувство.

— Это просто глупо. Черт возьми, Клер Коул была убита на моем корабле. Я не чувствую никакого…

— Ты с "Сайкса"? — спросила она внезапно.

— Да, разве ты не знала?

— Нет.

— Ну, да. Ее убили прямо там. А потом еще этот парень, Шефер. Слушать тебя, так у всей команды должно быть чувство вины. Это глупо.

— Шефер, — сказала она тихо. — Писарь.

— Ты знала его?

— Нет. Я только… слышала о нем.

— Славный был парень.

— Он… он покончил самоубийством тоже?

— Да.

— Странно.

— Что странно?

— Два самоубийства. Так близко друг к другу.

— Слушай, тебе не холодно? Я могу включить печку.

— Нет, нет, нормально, — она покачала головой. — Бедняга Грег. Ты ведь был в солярии как раз перед тем, как он… он выбросился?

— Кто?

— Ты. Я думала…

— Откуда ты это взяла?

— Гиберт сказал. Он сказал, что оставил тебя с Грегом вдвоем там, наверху.

— Да. Я спустился вниз через несколько минут после Гиберта. Славный малыш этот Гиберт. Жаль, что у него эта бо…

— Грег говорил тебе что-нибудь, что могло бы указать…

— Нет, ничего особенного. Он просто выглядел очень угрюмым. Поэтому-то я и ушел. Он был слишком печален для меня.

— Да. — Она сидела сейчас очень тихо, задумавшись.

— Не возражаешь, если мы остановимся? — спросил он.

— Что?

— Ничего, если я приторможу?

— Да, если хочешь. — Она огляделась. Дорога была очень темной. Они съезжали с шоссе к небольшой полянке в лесу.

Он выключил двигатель и откинулся на сиденье.

— Посмотри на эти звезды, Джейн.

Она помолчала.

— Ты раньше никогда не упоминал, что ты с "Сайкса".

— Нет? Повода не было.

— Ты хорошо знал Шефера?

— Иногда болтал с ним. — Он положил руку на сиденье за ее спиной.

— Ты знаешь старшего лейтенанта Мастерса?

— Да. — Он придвинулся ближе. — Ты говоришь чересчур много для такой хорошенькой девушки.

— У лейтенанта Мастерса есть теория, — сказала она, поглощенная собственными мыслями. — Лейтенант Мастерс думает… — Она оборвала себя внезапно, медленно повернув голову, чтобы посмотреть на него.

Его рука крепко обхватила ее за плечо.

— Что он думает? — спросил он небрежно.

— Ничего, — сказала она. Ее мозг лихорадочно работал. Она внезапно почувствовала тревогу. Она пыталась думать спокойно, пыталась вспомнить имена, которые называл Чак. Да, да. Той ночью, в заливе… "Ты все еще думаешь, это сделал один из этих двоих? Как их зовут? Дэниелс и Джоунс. Пери Дэниелс и Альфред Джоунс".

Она похолодела.

Как она раньше не связала? Как она могла быть такой идиоткой?

— Джейн?

Она напряженно выпрямилась.

— Да?

— Что-нибудь не так?

— Нет, — сказала она. "Я могу сидеть сейчас с убийцей. Он мог убить Клер и Шефера. И Грега! О боже, Грега!”

Он притянул ее к себе, его губы нашли ее, но в этот раз они были неожиданно холодными. Все же она ответила на его поцелуй, задаваясь вопросом, как ей узнать наверняка, как она может узнать наверняка. Она учащенно дышала, ее грудь опускалась и поднималась. Он лихорадочно целовал ее, принимая ее учащенное дыхание за возбуждение.

— Джейн, — прошептал он, — я люблю тебя. — Она молчала. Он покрывал поцелуями ее шею, уши, щеки, закрытые глаза, кончик носа. Его руки крепко сжимали ее плечи. — Я люблю тебя, я люблю тебя, — повторял он бесконечно.

Она слушала его проникновенный голос. И думала только о том, что он мог оказаться убийцей, что он мог столкнуть Грега с солярия. Мысль напугала ее, она начала дрожать. И он снова неправильно понял ее прерывистое дыхание и дрожь.

Его рука небрежно гладила ожерелье вокруг шеи, пальцы играли жемчугом рядом с ее грудью, которая то поднималась, то опускалась.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил он. Его пальцы изучали каждую бусинку на нитке.

— Что… что ты хочешь от меня услышать?

— Что-нибудь. Я откровенно выразил свои чувства. Разве это не заслуживает ответа?

— Я… я еще не знаю.

Он убрал руку с жемчуга. Небрежно, почти нечаянно. Она почувствовала на себе тепло его ладони, и ее первой реакцией было отодвинуться. Но она сдержала страх и спросила:

— Ты любил многих девушек?

— Как тебя — никого.

— Но многих?

Его рука двигалась, нежно гладила ее. Пальцы становились все тверже и тверже. Он привлек ее к себе, чувствуя себя сейчас более уверенно. Уверенный, что он может позволить себе больше, уверенный в своей привлекательности.

— Я никого не любил по-настоящему, Джейн, — сказал он, — это настоящая любовь.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, чувствуя, как его пальцы ласкают ее. Страстно желая, чтобы он прекратил это, она не осмеливалась остановить его, потому что хотела услышать, что он скажет. Хотела подвести его к тому, что хотела от него услышать.

— Я просто знаю это. Я ужасно хочу тебя. И поэтому знаю, что люблю. Я не испытывал ничего подобного раньше.

— Это биология, — сказала она. — На самом деле ты не любишь меня. Ты просто хочешь…

— Нет, нет. — Его рука непроизвольно сжалась. — Нет, Джейн, честно, я хочу тебя, потому что люблю тебя.

— Я думаю, ты… ты любишь мою форму. Мысль о том, что ты с сестрой, с офицером…

— Нет, я клянусь, это не так.

— Это так. Я чувствую это. Я знаю это.

— Джейн, поверь мне…

Она остановила его руку и отодвинулась в угол.

— Нет. — сказала она, изображая обиду. — Я знаю, что это так. Я офицер. Тебя это просто возбуждает. Вот и все.

Он придвинулся к ней.

— Джейн, это не так. Джейн… — Он притянул ее к себе, целуя, его рука остановилась на ее горле, затем снова опустилась. Он теребил пуговицы ее кофты. Он задыхался.

— Джейн, я с ума схожу по тебе. Я так хочу тебя, я мог бы…

— Прекрати, — сказал она. — Пожалуйста, прекрати. Ты лжешь мне.

— Какая мне, к черту, разница, офицер ты или нет? — закричал он в отчаянье. Его рука касалась уже тонкого шелка. — Ты думаешь, это имеет для меня значение? Ты думаешь, это у меня на уме?

— Да. Это все, что у тебя на уме.

— Я уже был с офицерами раньше, — выпалил он.

Она поймала его руку за запястье, отодвигая ее от себя.

— Не с сестрой! — сказала она.

— Нет, с сестрой. Да, Джейн, я встречался с сестрой.

— С кем?

— Так, с одной. Джейн…

Она отпустила его руку, и он снова схватил ее.

— С кем? — спросила она.

— С сестрой. Мы были очень близки.

— Как близки?

— Очень! Джейн, мы бы тоже могли быть близки…

— Да, — сказала она задумчиво, желая, чтобы он сказал ей больше.

— В понедельник, — сказал он, почти мурлыча. Его уверенность вернулась к нему. Уверенность чувствовалась в его сильных, твердых пальцах, которые откровенно ласкали ее тело. — Ты свободна в понедельник?

— Да, — пробормотала она.

— Мы могли бы съездить куда-нибудь. Мы, вдвоем.

— Куда бы мы могли съездить?

— Я знаю места. Мы могли бы быть вместе, Джейн.

— Как ты и та другая сестра? — спросила она.

— Только ты и я, Джейн, — сказал он, не отвечая на ее вопрос. — Только ты и я. Мы могли бы быть… очень близки, любимая. Очень близки.

— Где?

— Есть одно место в Уилмингтоне, — сказал он.

— Уилмингтон, — повторила она ровно.

— Да. Мы поедем в гражданском. Никаких вопросов не будет. Джейн, ты ведь хочешь этого?

— Я не знаю.

— Я позвоню тебе. Я позвоню тебе завтра. Ты уже будешь знать тогда?

— Я не знаю. — Она снова остановила его руку. — Я думаю, нам пора возвращаться.

— Я позвоню тебе завтра, — сказал он, — завтра. Спи с этой мыслью, Джейн. Я позвоню тебе.

— Хорошо, — сказала она.

— Когда я буду звонить, я не хочу рисковать, что нас кто-то может подслушать. Я скажу, это… это Фрэнк. О'кей? Я скажу, это Фрэнк, и ты будешь знать, кто это.

Он поцеловал ее снова, страстно, его руки опустились до ее талии, она выпрямилась, зажмурила глаза и отодвинулась от него.

— Понедельник, — сказал он.

— Я подумаю, — ответила она.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В комнате было очень тепло и тихо. Через окно струился солнечный свет, играя пылинками, кружившимися в воздухе.

Неужели уже утро субботы, подумала Джейн. Ночь уже прошла?

Она лежала обнаженная, укрывшись простыней, одеяло соскользнуло на пол. Она купалась в солнечном свете, чувствуя его тепло на простыне и на теле под простыней. Ей не хотелось шевелиться, не хотелось вставать, не хотелось принимать никаких решений. Было бы так замечательно лежать здесь всегда, в тепле и безопасности, и чтобы солнце прогревало ее тело, укутывая ее теплом безопасности…

Ее тело. Она посмотрела на простыню, взглянула на выпуклость груди, на острые соски, проступающие сквозь тонкую ткань, на изгиб бедер, на плоский живот. Оно выглядело мягким и уязвимым, женское тело. Оно не походило на оружие. Никогда раньше она не думала о своем теле как об оружии. Но сейчас она знала, что это оружие, и очень грозное. Он позвонит этим утром, будет спрашивать, что она решила с поездкой в Уилмингтон в понедельник. Уилмингтон, конечно, ничего не значил. Это могло быть любое другое место. Он просто выбрал Уилмингтон, город, который он знал, город, куда ездила Клер. Он сказал, что раньше встречался с медсестрой, — но была ли это Клер? Был ли он тем человеком, который ее убил?

Чак сказал, Пери Дэниелс и Алфред Джоунс. Конечно, Чак тогда мог быть пьяным, и в этом случае не о чем волноваться; в этом случае она, естественно, не поедет в Уилмингтон. Но если предположить, что Чак был прав, и предположить, что этот человек — убийца? Что тогда? Она может пойти на "Сайкс", она может это сделать. Она может поговорить с капитаном и сказать: "Этот человек — убийца. Я хочу, чтобы вы его арестовали".

Что касается капитана, для него это дело закрыто. Чак очень ясно сказал об этом. Дело было закрыто для всех, кроме Чака. Чака и настоящего убийцы. И меня. Сейчас еще и меня.

Но я могу выяснить, тот ли это человек или нет, подумала она. Я могу легко это выяснить, потому что мое тело — это оружие. Странно, каким сильным оружием оно стало против этого человека. И я знаю, что, если я использую его, он скажет мне все, что я хочу знать. Но если он убийца и если я выясню это, что тогда? Если он убийца, он убил уже троих. И что он сделает со мной, когда поймет, что я раскусила его, когда до него дойдет, что он выдал мне свою тайну? А расскажет ли он мне? Предположим, я поеду с ним в Уилмингтон? Что произойдет, когда мы останемся с ним одни? А если он мне ничего не скажет? Если он откажется говорить, если он хочет только…

Смогу я позвать на помощь? А Клер Коул звала на помощь? Если он убийца, он опасен. И если я поеду с ним, я сильно рискую. Какое мне дело?

Он может быть убийцей!

Да, да. Но почему это должна быть я? Я не хочу ехать с ним. Я не хочу снова оставаться с ним наедине ни в Уилмингтоне, ни в другом месте. Даже если он не убийца, мне с ним страшно. Ну, почему здесь нет Чака? Чак, дорогой, почему тебя здесь нет?

— Джейн?

Она резко повернула голову к двери, удивленная.

— Да?

— Тебя к телефону.

— О! — Она лежала без движения, пылинки кружились над ней.

— Ты подойдешь? Я могу сказать, что тебя нет, если хочешь.

— Нет. Нет, я отвечу.

Она подождала, пока вторая медсестра не ушла, встала с постели и надела халат и тапочки, туго затянув халат на талии. Она подошла к телефону в коридоре, прикусив губу, думая, что бы ему сказать. Нервно взяла трубку.

— Алло, — сказал она тихим голосом.

— Джейн? Я тебя разбудил?

— Нет. Я уже встала.

— Это Фрэнк.

— Да, я узнала.

— Ну?

Повисла долгая пауза.

— Ты поедешь со мной?

— Я… — Она поколебалась, снова закусив губу. Затем сказала: — Хорошо, Фрэнк. Я поеду с тобой.

— Джейн, я все устроил. Я успеваю на автобус в 8.15 в понедельник утром. Этот автобус идет до Хэмптон Роудс, где мы можем пересесть на поезд в Уилмингтон. Ты знаешь, где станция?

— Я найду.

— Замечательно. Если мы успеем на этот автобус, мы приедем в Уилмингтон в 15.42, и мне можно не возвращаться до переклички следующим утром. О’кей?

— Да.

— Послушай, мы не будем друг с другом, пока не отъедем подальше от Норфолка. О’кей? Даже не смотри на меня, когда будем садиться в автобус. И не забудь, в гражданской одежде.

— Я не забуду.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

Она ничего не сказала. Она держала трубку холодной рукой, ожидая, что он еще что-то скажет.

— Джейн?

— Да?

— В понедельник утром, в 8.15. Ты поняла?

— Да, я поняла.

— Ты придешь?

— Да.

— Чудесно. Мне нужно бежать обратно, пока меня не потеряли. Он помолчал. — Ты любишь меня?

Она не ответила. Она тихо положила трубку, надеясь, что он подумает, что она сделала это, пока он молчал. Села на стул около телефона, в висках у нее колотило.

В этот же день, как только освободилась с дежурства, она пошла в док. Погода становилась действительно холодной, влажное серое небо нависло над водой. Ее пальто, застегнутое до верха, хлестало ее по ногам, когда она поднималась по деревянному настилу.

На приколе в доке стоял танкер. Это был единственный корабль в поле зрения. От дурного предчувствия у нее появился комок в горле. Неужели "Сайкс" ушел?

Она разглядывала даль, пытаясь различить корабли в гавани. Может быть, "Сайкс" ушел ненадолго.

Когда за ее спиной раздался голос, она в панике вздрогнула.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мисс?

Это был молодой парень в форме. Воротник был поднят, а ремень низко спущен, в руках он держал дубинку. Его лицо было влажным и красным от дувшего с воды ветра.

— Я… я ищу корабль, "Сайкс", эсминец, — сказала она.

Парень улыбнулся.

— А, этот? Он пошел в сухой док, мисс. Вы его там найдете. Вы знаете, как он выглядит?

— Да.

Он объяснил ей дорогу, она кивнула в знак благодарности, и он козырнул ей. Она почувствовала себя неловко, отвечая на его приветствие, так она обычно чувствовала, когда рядовой признавал в ней старшего по званию. Она пыталась убедить себя, что это то же самое, как если бы кто-нибудь прикоснулся рукой к шляпе. Но она знала, что это неправда, и это всегда приводило ее в смущение. Она направилась в док, стуча каблучками по настилу, болезненно ощущая свое тело, как не ощущала его никогда раньше. Она чувствовала глаза парня на спине и ногах и сознательно выпрямилась, стараясь избежать непроизвольного женского покачивания бедрами. Она была рада, когда наконец ушла из этого дока. Ей показалось, что она услышала тихий свист за спиной. Но это был только ветер, дующий с воды.

В сухом доке кипела работа; сновали грузовики и джипы, кругом были видны провода, горелки и сварочные щитки. Заржавевшие остовы кораблей лежали на металлических сваях, рабочие вырывали их внутренности. Она осторожно пробиралась, стараясь не наступить на катушки проволоки и тяжелые листы металла. Высоко над головой она разобрала буквы САЙКС и увидела узкие деревянные сходни, ведущие на верхнюю палубу.

Господи, подумала она, я никогда туда не заберусь.

Она чувствовала на себе глаза рабочих, понимая, что и его глаза, невидимые, могут следить за ней откуда-нибудь с высоты, и пожалела, что пришла. Она снова посмотрела на корабль и увидела дежурного офицера, пропускающего рабочего с баллоном кислорода. Она резко помахала, понимая, что это очень не по-военному.

Дежурный офицер перегнулся через поручни и прокричал, перекрывая шум:

— Что, мисс?

— Не могли бы вы мне сказать…

Дежурный офицер покрутил головой и прокричал:

— Извините, мисс, я вас не слышу. Секундочку.

Она смотрела, как он ловко спускался по деревянным сходням.

Он добрался до того места, где она стояла, и она поприветствовала его. Он небрежно козырнул.

— Чем могу быть полезен?

— Я пытаюсь найти старшего лейтенанта Мастерса.

Дежурный офицер улыбнулся, и она спросила себя: господи, неужели все мужчины думают только об этом?

— Ну, — медленно протянул он. — Мне очень жаль, мисс, но Мастерса нет на борту. Дело в том, что на борту вообще никого нет.

— Да, я знаю. Но я хотела… Вы не знаете, где я могу его найти?

— В Атлантик-сити. — Его улыбка стала шире.

— Где в Атлантик-сити? — спросила Джейн.

— Ну, не совсем в Атлантик-сити. Он в радиолокационной школе, мисс. Бригантина,

Нью-Джерси.

— Бригантина, — повторила она, размышляя.

— Может быть… э… я могу помочь, мисс?

— Не думаю. Вы знаете, когда он вернется?

— Да, мисс. Через неделю или около того.

— Понятно. — Он продолжал улыбаться, и она почувствовала, что ее заливает жар, она надеялась, что не покраснела. — Если бы я написала письмо — вы знаете адрес?

— Если вы отправите письмо по адресу "ВМС США, радиолокационная школа, Бригантина, Нью-Джерси", я уверен, он его получит.

— Спасибо.

— Не за что. — Он замолчал, думая, что бы еще сказать. — Вы уверены, что я ничем не могу помочь? — спросил он с надеждой.

— Нет, думаю, нет. Спасибо, сэр. — Она четко козырнула, повернулась и быстро пошла прочь. Она чувствовала на себе его глаза, и, когда переступала через балку и ее юбку приподнял ветер, она чуть было не побежала. Она не оглядывалась, но знала, что дежурный офицер улыбается.

Есть что-то отчаянно-унылое и заброшенное в морском курорте зимой, подумал Мастерс. Он смотрел на воду, наблюдая за торпедным катером, приближающимся к острову. Над бело-зелеными волнами, бьющимися о катер, он увидел щупальце омара, цепляющееся за борт. Вдали за пляжем в воду врезался стальной пирс, огромная конструкция, которая едва была видна на фоне морского пейзажа.

Он закурил и начал наблюдать за рулевым. Хорошо ведет катер, подумал Мастерс. И они быстро овладевают мастерством создания радиопомех. Парни учатся. Если потом они смогут использовать все, чему их здесь пытаются научить, все будет в порядке. Он довольно затянулся сигаретой и поднял глаза к тяжелым серым тучам, собирающимся на горизонте. Дождь будет кстати, подумал он.

Он выбросил сигарету за борт, когда катер причалил к пристани. Пересчитал по головам выпрыгивающих на берег операторов радара, козырнул в ответ младшему лейтенанту и отпустил его. Он продолжал наблюдать, как экипаж катера, руководимый молодым младшим лейтенантом, оттолкнул его от берега и развернул. На воде осталась широкая пенящаяся дуга. Он пошел по направлению к гостинице. Его люди следовали за ним.

В комнате его ждало письмо, доставленное по спецсвязи.

Он бросил фуражку на койку, выбрался из кителя и взял в руки конверт. На штемпеле стояло: "Суббота, Норфолк, Вирджиния". Сегодня был понедельник. В левом углу было имя — Дж. Р.Дворак, на какую-то секунду инициалы его озадачили. Когда он понял, что письмо от Джейн, он быстро разорвал конверт, развернул листок и присел на край койки.

У нее аккуратный почерк, отметил он, закурил, откинулся на подушку.

"Дорогой Чак!

Я бы написала раньше, но еще до самого последнего времени у меня не было уверенности в том, что я собираюсь сделать. Сейчас я решилась. И я хочу, чтобы ты знал об этом. Потому что я до сих пор не уверена, как все обойдется. Мне кажется, я нашла человека, который убил Клер Коул и Шефера. Я также думаю, что он убил санитара по имени Грег Бартер здесь, в госпитале. Я знаю, это будет для тебя ударом, и мне так жаль, что тебя нет здесь, Чак, потому что я чувствую себя так отчаянно — одиноко и не уверена, что поступаю правильно. Но я должна узнать, тот ли это человек. Есть только один способ сделать это. Он поступил в госпиталь с катаральной лихорадкой, или по крайней мере такой был поставлен диагноз. Его поместили в мою палату, и я обращалась с ним так же, как с любым другим больным. До недавнего времени. Он был очень любезен, и он действительно привлекателен своим упорством, Чак, и я могу поверить, что он способен

окрутить любую женщину. Сказать по правде, он и мне понравился. Я надеюсь, ты понимаешь, что я ждала, когда ты мне позвонишь или напишешь, но от тебя ничего не было слышно. Я просто не знала, что делать. А он показался очень приятным, так что, я надеюсь, ты поймешь. У меня было свидание с ним вчера вечером, Чак. Он сказал мне, что встречался с другой медсестрой, и тут я вспомнила, что он один из тех, кого ты подозревал. Он не сказал мне, кто она была, Чак, а я не хотела давить на него. Потому что, если это тот человек, я немного боюсь его. Он пригласил меня поехать с ним в Уилмингтон, это куда ездила Клер, ты знаешь. Он позвонил мне сегодня утром, и я согласилась поехать.

Я не знаю, правильно ли поступаю, Чак. Но мне кажется, я смогу выяснить все, если снова окажусь с ним наедине. Убийца должен быть изобличен. Чак, дорогой, разве я не должна использовать этот шанс, если у меня есть возможность разоблачить его?

Мы выезжаем из Норфолка в понедельник утром, в 8.15, и будем в Уилмингтоне в 15.42 дня. Я не знаю, куда он поведет меня, и не знаю, что сделаю, когда выясню, убийца он или нет. Но даже если я ничего не добьюсь от него, может быть, я смогу узнать, куда он водил Клер в Уилмингтоне. А это уже начало… Я думаю, это правильно.

Но я хотела, чтобы ты знал об этом, если вдруг что-то не так.

Его зовут, как ты уже, наверное, сейчас знаешь…"

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мастерс быстро прочитал имя и смял письмо в кулаке. Конечно, господи, конечно. Так и должно было быть. Иначе быть не могло.

Он вскочил. Так, что у нас сегодня? Воскресенье? Нет, нет, уже понедельник! Тогда… Господи, они уже в поезде! Он мог найти их? Мог?! Он должен. Он выбежал из комнаты и вызвал лифт. Когда кабина подошла, он быстро вошел в нее и поднялся наверх к командиру. Торопливо вошел в приемную, назвал секретарю свое имя и спросил, может ли он видеть командира по срочному делу. Он посмотрел на часы и, пока ждал, нервно мерял шагами приемную. Было 10.36. В 10.41 секретарь провел его в кабинет капитан-лейтенанта Уикли. Командир поднялся, протянул руку и тепло поздоровался с Мастерсом.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Мы вас очень загрузили на прошлой неделе?

— Да, сэр. Сэр, я прошу вашего разрешения немедленно сойти на берег по делу чрезвычайной важности.

Уикли склонил голову и пристально посмотрел на Мастерса.

— Очень важно? — спросил он.

— Да, сэр, чрезвычайно.

— Вам надо в Атлантик-сити? Я не вижу причины, чтобы…

— Не в Атлантик-сити, сэр. Уилмингтон, Делавэр.

— Уилмингтон? — Уикли уже качал головой.

— Сэр, мне очень нужно.

— Я не могу дать вам такого разрешения. Вы должны знать это.

— Почему нет, сэр? Это…

— Я могу предоставить вам увольнительную. Но Уилмингтон? Мастерс, вы находитесь под командованием капитана вашего корабля. Его приказом вы отправлены на Бригантину. Я не могу противоречить его приказам.

— Но, сэр…

— Если это так важно, отправьте телеграмму своему капитану. Если он разрешит, можете сниматься сразу же.

— Спасибо, сэр. — Мастерс поднялся и пошел к двери. Он резко обернулся, вспомнив, что не попрощался. — Извините, сэр… я…

— Ступайте, Мастерс, всего хорошего.

Он отправил телеграмму с оплачиваемого телефона на первом этаже. И начал ждать ответа. Ответ пришел в 12.51. Он с яростью разорвал конверт.

"Капитан Гленбурн и помощник капитана на берегу по увольнительным. Как старший офицер на борту, не могу отменять приказания капитана в его отсутствие. Извини, Чак. Придется тебе это пережить. Артур Л.Карлуччи".

Он проклял Карлуччи, он проклял ВМС, он проклял Уикли за то, что тот не мог оказаться достаточно порядочным, чтобы дать ему увольнительную без разведения всей этой бюрократии насчет противоречия приказам. Потом он проклял всех, о ком только мог подумать, упаковал сумку и начал искать младшего лейтенанта Эндрю Брэга, того нового тупого офицера связи, которого ему дали. Когда он нашел его, он сказал:

— Я смываюсь, Брэг. Ты остаешься за старшего.

— Сэр?

— Я еду в Уилмингтон. Я сбегаю, черт побери. Не трепи, пока я не выберусь с острова. Затем можешь вопить все, что хочешь.

— Но… но, сэр…

— Пока, приятель.

Когда он добрался до станции, было 13.20. Он спросил в справочном, когда первый поезд до Уилмингтона. Ему сказали, что он отходит в 13.55, делает остановку в Норт-Фил и в 14.40, отходит оттуда в 14.54 и прибывает в Уилмингтон в 15.32.

В 15.32! На десять минут раньше, чем прибывает поезд, на котором должна приехать Джейн. Он сможет дождаться их на станции. Он поблагодарил своего ангела-хранителя, купил билет и поискал телефон-автомат. Ему вдруг пришло в голову, что Джейн могла в последний момент передумать. В этом случае он отправит еще одну телеграмму Карлуччи и попросит его не разрешать этому матросу сходить с корабля.

Ему пришлось некоторое время препираться с оператором, пока он наконец не объяснил, что ему было нужно общежитие медсестер. Потом ему сказали, что придется подождать, пока освободится линия. Он попросил оператора перезвонить ему и уселся ждать в телефонной будке, следя за тем, как черные стрелки часов на стене медленно, но уверенно приближались ко времени отхода поезда. В 13.21 телефон зазвонил. Он торопливо схватил трубку.

— Алло, — заорал он.

— Я могу соединить вас, сэр.

— Так соединяйте же, черт возьми!

Он слышал какой-то длинный непонятный разговор операторов между собой и наконец сладкие южные тона телефонистки из Норфолка. Его оператор назвала ей номер, на линии раздалось несколько щелчков, а затем безжалостный прерывистый зуммер, линия была занята. Он чуть не протаранил стенку кабинки кулаком, а затем оператор сказала:

— Прошу прощения, сэр, линия занята.

— Это срочно. Вы можете прервать?

— Извините, сэр, если вы подождете, я перезвоню вам.

Он посмотрел на часы на стене.

— Оператор, мой поезд отходит через… через 11 минут. Поторопитесь, пожалуйста.

— Я сделаю все, что могу, сэр.

Он повесил трубку и снова стал ждать. Услышал, как на станцию подтянули поезд, увидел, как из зала ожидания поползли пассажиры. В 13.30 телефон зазвонил снова.

— Алло?

— Соединяю.

— Спасибо.

— Алло?

— Алло, Джейн!

— Простите, вы ошиблись.

Он вспомнил, что телефон в коридоре, и быстро произнес:
— Пожалуйста, пригласите Джейн Дворак, мисс, только побыстрее. Это срочно.
— Есть, сэр, — ответил голос на другом конце провода, почувствовав начальственный тон.
Он подождал три минуты.
В 13.33 линия снова ожила.
— Сэр?
— Да.
— Мне жаль, но мисс Дворак нет.
— Когда она ушла?
— Рано утром, сэр.
С платформы он услышал, как проводник объявлял: "Посадка! Посадка!"
— Спасибо, — сказал он, быстро повесил трубку, выбежал из телефонной будки и успел заскочить в уже тронувшийся поезд.

Поезд прибыл в Норт-Фили в 14.40 по расписанию. Он должен был отправиться в 14.54, после пятиминутной стоянки. Он отправился только в 15.20, на 26 минут отстав от графика. Когда в 16.00 Мастерс прибыл в Уилмингтон, поезд из Норфолка уже отошел от станции.

Мастерс неистово искал Джейн на станции. В 16.05 ему пришлось смириться с мыслью, что она была где-то в Уилмингтоне в сопровождении убийцы.
Где? Он не знал.
И он начал поиски.

Они сидели напротив друг друга за маленьким столиком. Стол был накрыт коридорным, который решил, что пара в 201-м номере — молодожены. Официант, который принес отбивные и бутылку шампанского, предположил то же самое. Он обслужил их с вежливым равнодушием, давно поняв, что молодые пары, проводящие медовый месяц, не испытывают большого удовольствия от разговоров посторонних или другого вмешательства. Он вышел из комнаты тихо и незаметно, аккуратно закрыв за собой дверь.
На маленьком столике стояли две тарелки. Джейн почти не притронулась к своей отбивной. Он проглотил свою, демонстрируя неплохой аппетит, и со стуком сложил свои вилку и нож крест-накрест на пустой тарелке.
— Пей шампанское, — сказал он.
Она потянулась за стаканом, ее рука дрожала. Она поднесла край бокала к губам и чуть-чуть отпила.
— Больше. Шампанское пойдет тебе на пользу.
— Я не хочу пьянеть.
— Я пьянею, только глядя на тебя. — Он сделал паузу. — Почему бы тебе не снять жакет?
— Здесь… здесь немного прохладно.
— Я тебя согрею, — сказал он улыбаясь. — Давай снимай.
Она расстегнула пуговицы на жакете, ощущая, как он пожирает глазами ее грудь.
— Хорошенькая кофточка, — сказал он.
— Спасибо.
— Ты нервничаешь?
— Д-да.
— Не надо. У нас не возникло никаких сложностей, когда мы оформлялись в гостиницу.
— Как ты узнал об этом месте?
— "Дэвид Блейк"? Просто знал, и все.

— Ты привозил сюда эту… другую сестру?

— Какую другую сестру? — спросил он улыбаясь. — Я не понимаю, о чем ты.

— Ты говорил, что встречался с другой сестрой.

— А, ты о ней.

— Ты привозил ее сюда?

Он отодвинул стул, обошел стол и встал за ее спиной, положив ей руки на плечи.

— Почему тебя так волнует эта другая сестра? — спросил он мягко.

— Я… — она застенчиво наклонила голову, пытаясь улыбнуться. Она старалась обмануть страх, стучащий внутри нее. — Наверное, я ревную.

— Тогда тебе не будет лучше, если ты узнаешь, что я привозил сюда кого-то другого.

— Нет, мне кажется, будет.

— Почему?

— Я не знаю. Мне хочется успокоиться. Я все еще боюсь, что кто-нибудь… поймает нас.

— Не волнуйся об этом. — Он наклонился и поцеловал ее в шею, ее невольно передернуло. Его пальцы так же крепко сжимали ее плечи. — Допивай свое шампанское.

Она снова подняла бокал, но не выпила.

— Ты привозил ее сюда? — настаивала она.

— Да, привозил. Если ты от этого почувствуешь себя в большей безопасности. Да, привозил.

— И… никто не узнал?

— Ни одна живая душа.

— Она была из госпиталя в Норфолке? Я имею в виду ту сестру.

— Ты говоришь слишком много, Джейн.

Он поднял ее со стула, его руки обвили ее, его губы искали ее.

Он не знал Уилмингтона, он не знал, куда идти, он не знал, где они могли быть. И, не зная, куда идти, где искать, Мастерс ощутил отчаянье. Время было ловушкой, он попал во вращающиеся, перемалывающие жернова. Время старалось сломить его, он ничего не мог поделать с временем, он ничего не мог поделать с мерно двигающимися стрелками и сознанием того, что она была одна с ним. Станционные часы на стене зло усмехнулись ему. Когда он выходил с вокзала, он посмотрел на часы на руке — та же злая усмешка, мерное тиканье, стрелки вгрызаются в циферблат, сдирая минуты, неумолимо двигаясь вперед, а он не знает, куда идти.

Нужно идти в центр города, подумал он.

Нужно разработать какой-то план. Ты должен иметь план, или безжалостные колеса времени раздавят тебя. Но какой может быть план? Как остановить убийцу, когда даже не знаешь, где он? Большой отель, маленькая гостиница? Меблированные комнаты? Мотель на окраине города? Квартира приятеля где-нибудь в центре?

Где? Господи, где?

Он остановил прохожего и спросил, какие тут есть гостиницы, мотели и меблированные комнаты. Держа в уме список, он продолжал идти к центру города, думая: я возьму их, как только доберусь до них. Мне некогда беспокоиться о каком-то специальном распоряжении. Время — ловушка, но оно может оказаться и моим союзником, если я буду действовать правильно. Я буду обходить этот город улица за улицей и останавливаться у каждой гостиницы. И может быть, может быть…

Он ускорил шаг, рассекая ветер.

Джейн стояла в кольце его рук и вертела головой, избегая его губ.

— Нет, — сказала она. — Не могли бы мы… не могли бы мы вначале поговорить немного?

— Но, милая, у нас ведь не весь день в запасе. Нам нужно успеть на поезд в…

— Я знаю, но поговори со мной. Пожалуйста.

— Ладно, — сказал он, вздыхая. — О чем мы будем говорить?

— О твоей… твоей другой медсестре.

— О, господи.

— Она была из Норфолка?

— Да, она была из Норфолка, — ответил он устало.

— Я знала ее?

— Оставь, Джейн, — умоляюще произнес он. — Какой толк от этого?

Он взял ее за руку и потянул к стулу. Он резко сел, рывком усадив ее к себе на колени. Затем он наклонил ей голову, и его рот заставил ее замолчать, его губы жадно впивались в ее. Она пыталась отстраниться, но его хватка была крепкой, и она не могла пошевелиться в его объятиях. Теперь ее охватил настоящий страх, он стучал у нее в висках. Ей не надо было приезжать сюда. Сейчас она знала это. Это было неразумно. Этого нельзя было делать. Он мог… он мог…

Его рука упала к верхней пуговице ее блузки, ниже, еще ниже, она посмотрела и увидела, что три верхние пуговицы расстегнуты. Она видела темную ложбинку между грудями и его руку, медленно двигающуюся по блузке, от пуговицы к пуговице.

— Нет, — сказала она резко.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Я… я сделаю это сама, — добавила она торопливо.

Он улыбнулся и выпустил ее.

— Хорошо, — сказал он.

Она встала с его колен и прошла через комнату к столу, уставленному пустыми тарелками и бокалами, с лежащими между ними грязными ножами и вилками.

Сколько пуговиц на этой блузке? Сколько времени это у меня займет? Господи, а что я буду делать потом?

— Блондинка, — сказал Мастерс. — Хорошенькая блондинка. С мужчиной.

Человек с тенями под глазами с любопытством его изучал.

— Вы меня слышите? — спросил Мастерс, повышая голос.

— Я вас слышу, — ответил человек с тенями под глазами.

— Они остановились у вас?

— Хм-м.

— Да? — с нетерпением переспросил Мастерс.

— Я этого не говорил, молодой человек. Просто пытаюсь вспомнить.

— Да или нет? Господи, ответьте наконец!

Человек высморкался, аккуратно сложил платок, положил в задний карман брюк, прокашлялся.

— Нет, — сказал он. — Не помню. Если вам нужна комната, я мог бы…

Мастерс отвернулся и вышел через тесный вестибюль на крыльцо, спустился на тротуар. Вяз, растущий перед маленькой гостиницей, отбрасывал длинную тень на мостовую. Мастерс бессознательно посмотрел на солнце и увидел, что оно клонится к горизонту.

Скоро темнота, подумал он. Ночь.

Он посмотрел по сторонам.

Куда сейчас?

В конце улицы он увидел маленькую качающуюся табличку "Меблированные комнаты".

Он быстро пошел туда, его тень неслась перед ним, шаги стремительно меряли бетон под ногами.

Сколько их уже было? Женщина с бородавкой, затем этот накрахмаленный клерк с гвоздикой, старик, читающий газету и не желающий говорить о деле, пока на получит свое, хорошенькая брюнетка в черном (недавно овдовела?), а сейчас еще этот, с землистым лицом и синяками вокруг глаз. Сколько их уже было, и сколько мне еще надо обойти, прежде чем я

найду их.

Дайте мне радар! Дайте мне сейчас радар, который может проникнуть сквозь эти проклятые стены и увидеть, что он делает с ней и где!

"Меблированные комнаты". Мастерс быстро поднялся по ступенькам.

Ее руки дрожали, расстегивая пуговицы на блузке. Он наблюдал за ней из другого конца комнаты.

— Я знала эту медсестру? — еще раз спросила она.

— Ты такая красивая, Джейн, — прошептал он.

Она расстегнула блузку, та распахнулась, обнажив нейлон комбинации. Она почувствовала себя совершенно голой, его пылающий взгляд шарил по ее телу.

— Почему ты ее не снимешь? — Он был нетерпелив.

Она поколебалась, он слегка пошевелился, будто собирался встать со стула, чтобы помочь ей. Она выскользнула из блузки, сложила ее, делая это нарочито медленно, и перевесила через спинку стула.

— Я… я знала ее? — спросила она снова. Ответь мне, умоляла она про себя, пожалуйста, пожалуйста, ответь мне.

— Юбка, — сказал он мягко. — Мне помочь?

— Нет, нет, я сама.

Юбка. Одна пуговица и короткая молния. Только пуговица и молния. О, господи…

Ее рука потянулась к пуговице, она почувствовала, что та расстегнулась, молния скользнула вниз, почти без ее помощи, и юбка скатилась с бедер, как живая. Она почувствовала легкий электрический разряд, когда шерсть терлась о нейлон комбинации, а затем юбка упала к ногам. Она быстро перешагнула через нее, и в тот же миг он встал со стула.

Она стояла в одной комбинации и следила за его приближением, помня о лампе в углу, понимая, что лампа ярко просвечивала через прозрачный нейлон, понимая, что она стоит, как будто совершенно голая. Она видела его глаза, горящие от возбуждения. И затем, словно не было другой защиты от его взгляда и его приближения, она закричала:

— Я знала другую медсестру?

Сейчас между ними был стол. Он остановился по другую сторону стола и пораженно уставился на нее. Страх комом встал в ее горле, ей показалось, что ее вырвет.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Другая сестра. Я хотела…

— Ты сказала "знала"! Что ты имела в виду? Почему "знала"? Почему в прошедшем времени?

Ее рука придвинулась к горлу.

— Я… я ничего не имела в виду. Я просто подумала…

— Почему ты не спросила… "я знаю другую сестру"? Ответь мне, Джейн! Черт возьми, ответь!

Она не могла говорить.

Он перекинулся через стол, упираясь в него ладонями.

Рядом с его руками лежали ножи и вилки. Его глаза сузились, в них уже не было желания.

— Ответь мне!

— Я…я…

— Кто послал тебя шпионить за мной? — заорал он. — Мастерс?

— Нет! Чак не…

— Чак? Вот оно как! Чак! — его глаза стали дикими. Он всем существом ощутил опасность, и она почувствовала, как эта мысль выстрелила в его сознании, отрикошетив от черепа. Он был похож на зверя, пойманного в ловушку.

— Что ты знаешь о Клер Коул? — рявкнул он.

— Ничего.
— Что она рассказывала тебе?
— Ничего, клянусь. Мы жили в одной комнате, но она никогда…
— В одной комнате! — он выдохнул эти слова, и его руки начали шарить по столу, пока он не ухватил один из блестящих, острых как бритва ножей.
Когда Мастерс заходил в вестибюль отеля "Дэвид Блейк", на улице начали зажигаться фонари. Он напрямую прошел к стойке, раздраженный тем, что не было видно администратора. Он позвонил в колокольчик, и маленький человечек в темно-коричневом костюме вынырнул из темноты. На его лице, как по волшебству, появилась улыбка.
— Да, сэр? Чем могу быть полезен?
— Я ищу девушку, — сказал Мастерс. — Она могла…
Лицо администратора вытянулось.
Он склонил голову набок и сказал:
— Извините, лейтенант, но это не такой отель.
Мастерс ударил кулаком по стойке.
— Не валяйте дурака, — заорал он. — Она могла зарегистрироваться здесь с мужчиной. Блондинка, очень хорошенькая. Поселилась сегодня днем.
— Ее имя, сэр? — спросил администратор, волнуясь.
— Они могли воспользоваться вымышленными именами. Блондинка регистрировалась с кем-нибудь сегодня днем, где-то около четырех часов?
— У нас много гостей, сэр, — сказал клерк, явно обидевшись. — Почти невозможно найти одного из…
— Блондинка! — закричал Мастерс. — Послушай, ты, идиот, я обыскал весь город, это почти последняя гостиница, и девушка в опасности!
— У нас было несколько блондинок сегодня, сэр, — сказал администратор, немного испуганный сверканием глаз Мастерса.
— С мужчинами?
— Одна была с мужчиной, сэр.
— Где?
— Молодожены, сэр.
— Где, черт возьми?
— Сэр, вы ведь не хотите, чтобы мы побеспокоили молодоженов.
Мастерс нагнулся над стойкой:
— Какой номер? Отведите меня туда, или я…
Глаза администратора расширились, рот судорожно передернулся. Он нащупал за спиной универсальный ключ и сказал:
— Хорошо, сэр. Сюда, сэр.

Он схватил нож.
— Она тебе говорила о нас?
— Нет! — Джейн отступила от стола.
— Это была идея Мастерса? Это он тебя научил? — Он неумолимо следил за ней, крепко сжимая рукоятку ножа, лезвие холодно сверкало. — Ты пытаешься узнать, убивал я ее или нет?
— Ты… — она сглотнула и судорожно набрала воздуха, — ты действительно убил ее? Ты убил ее и других…
Он сделал быстрый шаг, схватил ее за запястье и швырнул через комнату на кровать. Ее комбинация задралась, он подскочил к ней с ножом в руках. И на миг застыл, глядя на тугие рубчатые резинки ее чулок. Его глаза засветились, он как будто припоминал что-то, и рот скривился в странной улыбке.
— Да, — сказал он почти мягко, — я убил ее.
Он не сводил глаз с ее ног, вспоминая очень отчетливо…

— Мне не следовало убивать ее, — прошептал он. — Эта женщина лежала на полу, мертвая, не стоящая ни гроша. — Его рот дико дергался. — С тобой, сука, будет по-другому. Никаких сожалений на этот раз. Никаких угрызении совести. Ты умрешь, и я даже вспоминать о тебе не буду. На этот раз…

— Нет!.. — закричала она.

Его рука ухватила ее за комбинацию, рывком сдергивая с кровати. Она сопротивлялась, ее спина изогнулась, и нейлон порвался с громким треском. Она упала обратно на кровать в разорванной до талии комбинации.

Он медленно приближался, облизывая губы, готовый нанести удар.

Он, должно быть, услышал яростный стук в дверь. А затем резкий звук ломающегося дерева, когда планка вылетела из-под замка. Но он не обернулся до тех пор, пока Мастерс не закричал от дверей:

— Остановись, Джоунс!

Он резко развернулся, кошачьим движением переступил на правую ногу и рывком бросился к двери с ножом над головой.

— Ты, сволочь, — закричал он, его нож описал короткую дугу, и Мастерс почувствовал, как екнуло сердце.

Он отступил немного в сторону, и лезвие просвистело рядом со щекой.

В тот же миг он ударил Джоунса кулаком. Он попал в живот.

Джоунс согнулся пополам, тут же выпрямляясь снова, от удара Мастерса по челюсти. Нож со стуком упал на пол, Джоунс рванулся за ним. Мастерс стремительно шагнул вперед и наступил Джоунсу на руку. Тот резко вскрикнул, пытаясь освободиться.

Мастерс пнул нож в угол комнаты и, сжав кулаки, встал над Джоунсом.

— Поднимайся, — сказал Мастерс.

— У тебя против меня ничего нет, мерзавец, — вопил Джоунс, скорчившись на полу. — У тебя против меня ничего нет!

— Он убил ее, Чак, он признал это, — сказала Джейн с кровати. Тут она вспомнила о своей разорванной комбинации. Тихонько встала и начала натягивать жакет.

— Заткнись, ты, сука, — зарычал Джоунс, поворачиваясь к ней. — Тебе не упечь меня по ложному обвинению. Я не вчера пришел на флот, я знаю свои права.

— Ты знаешь, что все кончено, Джоунс, — тихо сказал Мастерс. — У тебя нет ни одного шанса.

Джоунс долго молчал, потом сказал:

— Да.

Через некоторое время еще раз:

— Да.

Он покачал головой, резко сел на пол, силы внезапно покинули его, голова поникла, плечи опустились.

В дверную щель робко заглядывал администратор.

— Это… это те люди, которых вы искали? — спросил он.

— Да, — сказал Мастерс улыбаясь. — Это те люди. Вызовите полицию.

Администратор кивнул, посмотрел на Джоунса, сидящего на полу, а затем на прозрачную комбинацию, выглядывающую из-под жакета Джейн.

Он уже готов был уйти, когда внезапно развернулся и сказал:

— Знаете, дверь ломать было необязательно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Они сидели рядом в поезде, мчавшемся в Атлантик-сити. Он крепко сжимал ее руку, словно не хотел никуда отпускать от себя.

— Тебе нужно было ехать в другую сторону, — сказал он.

— Я хочу быть с тобой, — ответила она. — Мне не нужно возвращаться в Норфолк до завтрашнего утра.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Сейчас. — Она слабо улыбнулась.

— Было очень страшно?

— Да, сказать по правде.

— Ты глупая маленькая девчонка. Тебе нельзя было ехать с ним одной.

— Чак, но ведь все закончилось нормально. Мы поймали его, а это самое главное.

— А если бы он что-нибудь сделал с тобой?

Она сжала его руку.

— Но он ничего не сделал.

— Не сделал. Но мог.

— Да, но не сделал. Я имею в виду… — Она повернула лицо к нему и подняла глаза. — Ты ведь понимаешь? Я имею в виду… Он ничего не сделал.

— Да.

Она отвернулась.

— Мне… казалось, что он мне нравится, Чак. Поначалу. До того, как я начала его подозревать.

— Все нормально, — сказал он.

— Ты сердишься?

— Нет.

— Ты сердишься, я вижу. Ты имеешь право сердиться! Заставить меня так ждать, не звонить, не писать. Тебе повезло, что я за него замуж не вышла.

Он улыбнулся.

— Я знаю, что мне повезло.

— Он был очень хорошим, — сказала она с вызовом. — Он говорил мне очень приятные вещи.

— Да?

— Да. Он — убийца, но я этого не знала.

— Я тоже этого не знал. Господи! Какой же я был дурак! Все работающие на радаре с "Сайкса" были со мной. Я знал, что Джоунс накануне нашего отъезда был отправлен в госпиталь. И я никак этого не связал. Я все время думал, что это Дэниелс. Он был женат и погуливал, даже это теперь сходится. Все его вранье было лишь ради того, чтобы скрыть это. Когда я получил твое письмо… Тогда-то все и сошлось. Господи! Ну не идиот ли?

— Да, — согласилась Джейн. — Ты должен был мне позвонить.

— Я не думал… — Он замолчал и приподнял ее подбородок. — Ну-ка, скажи, в чем дело?

— Ни в чем.

— Я сделал что-то не так?

— Нет.

— Тогда в чем…

— Ты даже не сказал… Ты даже… Неужели ты не видишь, что я люблю тебя?

— Конечно, вижу, — ответил он удивленно.

— Тогда… тогда… почему ты даже… даже… — Похоже было, что она собирается заплакать. Она покрутила головой, пытаясь высвободить свой подбородок.

— Чего я даже?.. — спросил он.

— Не сказал, что любишь меня или…

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Джейн.

— …или не поцеловал меня, не обнял меня…

Неожиданно он притянул ее к себе, приподнял ей подбородок, и она увидела, что его губы приближаются к ее губам.

— Чак! Проводник! Пассажи…

— К черту всех! — ответил он, нежно поцеловал ее и прижался к ее щеке. Он чувствовал, что она улыбается.

— Ты замечательно выглядела в комбинации, — прошептал он.

— Я знаю, — ответила она, и он удивленно отстранился. На ее губах все еще играла слабая улыбка, глаза светились счастьем.

— Я имею в виду… в гостинице, когда твоя комбинация… — неловко начал он.

— Я знаю, — повторила она, и в этот раз он был действительно удивлен, потому что на ее лице не было краски стыда, а только женское удовлетворение и покой. Он снова ее поцеловал и спросил себя, проведет ли капитан Гленбурн свадебную церемонию на борту "Сайкса", и нужно ли ему официальное разрешение ВМС на вступление в брак, и сколько форм нужно будет заполнить и…

А затем он просто сосредоточился на поцелуе.